

Литературное ЧТЕНИЕ

4

Часть
2

ПРОСВЕЩЕНИЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

+CD
mp3

ШКОЛА РОССИИ

Литературное ЧТЕНИЕ

**Учебник
для общеобразовательных
организаций в комплекте
с аудиоприложением
на электронном
носителе**

В двух частях

Часть 2

*Рекомендовано
Министерством
образования и науки
Российской Федерации*

3-е издание

Москва
«Просвещение»
2015

4

класс

УДК 373.167.1:811.161.1
ББК 81.2Рус-922
Л64

Серия «Школа России» основана в 2001 году

На учебник получены **положительные экспертные заключения** по результатам **научной** (заключение РАН № 10106-5215/268 от 01.11.2010 г.), **педагогической** (заключение РАО № 34 от 29.01.2014 г.) и **общественной** (заключение № 83 от 07.02.2014 г.) **экспертиз.**

Авторы: Л. Ф. Климанова, В. Г. Горецкий, М. В. Голованова,
Л. А. Виноградская, М. В. Бойкина

Условные обозначения:

- — найди слово в словарице в конце учебника
- — посмотри обозначение слова в рубрике «Проверим себя»
- — найди слово в толковом словаре или энциклопедии
- — работаем в рабочей тетради
- — работаем в паре
- — работаем в группе
- — задание повышенной сложности

Литературное чтение. 4 класс. Учеб. для общеобразоват. организаций в комплекте с аудиоприл. на электрон. носителе. В 2 ч. Ч. 2 / [Л. Ф. Климанова, В. Г. Горецкий, М. В. Голованова и др.]. — 3-е изд. — М.: Просвещение, 2015. — 223 с.: ил. — (Школа России). — ISBN 978-5-09-035619-0.

Учебник разработан в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом начального общего образования.

Содержание учебника строится на основе художественно-эстетического, литературоведческого и коммуникативно-речевого принципов. Это позволяет объединить предметное обучение чтению с духовно-нравственным воспитанием школьников.

Методический аппарат направлен на включение школьников в учебную деятельность, обеспечивает возможность дифференциального, проблемно-поискового, проектного методов обучения.

УДК 373.167.1:811.161.1
ББК 81.2Рус-922

ISBN 978-5-09-035619-0(2)
ISBN 978-5-09-035621-3(общ.)

© Издательство «Просвещение», 2013
© Художественное оформление.
Издательство «Просвещение», 2013
Все права защищены

Делу время — потехе час

Мы познакомимся

с произведениями Е. Шварца,
В. Драгунского, В. Голявкина о детях.

Мы научимся:

- определять прямое и переносное значение слов;
- понимать, как поступки могут характеризовать героев произведений;
- узнавать, что произведения могут рассказать о своём авторе.

Мы будем учиться:

- бережно относиться к своему и чужому времени, ценить его;
- находить нужный материал в справочной литературе и рассказывать о творчестве писателя;
- писать отзыв на прочитанную книгу.

СКАЗКА О ПОТЕРЯННОМ ВРЕМЕНИ

Жил-был мальчик по имени Петя Зубов. Учился он в третьем классе четырнадцатой школы и всё время отставал, и по русскому письменно-му, и по арифметике, и даже по пению.

— Успею! — говорил он в конце первой четверти. — Во второй вас всех догоню.

А приходила вторая — он надеялся на третью. Так он опаздывал да отставал, отставал да опаздывал и не тужил. Всё «успею» да «успею».

И вот однажды пришёл Петя Зубов в школу, как всегда с опозданием. Вбежал в раздевалку. Шлёпнул портфелем по загородке и крикнул:

— Тётя Наташа! Возьмите моё пальтишко!

А тётя Наташа спрашивает откуда-то из-за вешалок:

— Кто меня зовёт?

— Это я. Петя Зубов, — отвечает мальчик.

— А почему у тебя сегодня голос такой хриплый? — спрашивает тётя Наташа.

— А я и сам удивляюсь, — отвечает Петя. — Вдруг охрип ни с того ни с сего.

Вышла тётя Наташа из-за вешалок, взглянула на Петю, да как вскрикнет:

— Ой!

Петя Зубов тоже испугался и спрашивает:

— Тётя Наташа, что с вами?

— Как что? — отвечает тётя Наташа. — Вы го-

ворили, что вы Петя Зубов, а на самом деле вы, должно быть, его дедушка.

— Какой же я дедушка? — спрашивает мальчик. — Я — Петя, ученик третьего класса.

— Да вы посмотрите в зеркало! — говорит тётя Наташа.

Взглянул мальчик в зеркало и чуть не упал. Увидел Петя Зубов, что превратился он в высокого, худого, бледного старика. Выросли у него окладистая борода, усы. Морщины покрыли сеткою лицо.

Смотрел на себя Петя, смотрел, и затряслась его седая борода.

Крикнул он басом:

— Мама! — и выбежал прочь из школы.

Бежит он и думает:

«Ну, уж если и мама меня не узнает, тогда всё пропало».

Прибежал Петя домой и позвонил три раза. Мама открыла ему дверь.

Смотрит на Петю и молчит. И Петя молчит тоже. Стоит, выставив свою седую бороду, и чуть не плачет.

— Вам кого, дедушка? — спросила мама наконец.

— Ты меня не узнаёшь? — прошептал Петя.

— Простите — нет, — ответила мама.

Отвернулся бедный Петя и пошёл куда глаза глядят.

Идёт он и думает:

«Какой я одинокий, несчастный старик. Ни мамы, ни детей, ни внуков, ни друзей... И главное, ничему не успел научиться. Настоящие старики — те или доктора, или мастера, или академики, или учителя. А кому я нужен, когда я всего только ученик третьего класса? Мне даже и пенсии не дадут: ведь я всего только три года работал. Да и как работал — на двойки да на тройки. Что же со мною будет? Бедный я старик! Несчастный я мальчик! Чем же всё это кончится?»

Так Петя думал и шагал, шагал и думал, и сам не заметил, как вышел за город и попал в лес. И шёл он по лесу, пока не стемнело.

«Хорошо бы отдохнуть», — подумал Петя и вдруг увидел, что в стороне, за ёлками, белеет какой-то домик. Вошёл Петя в домик — хозяев нет. Стоит посреди комнаты стол. Над ним висит керосиновая лампа. Вокруг стола — четыре

табуретки. Ходики тикают на стене. А в углу горою навалено сено.

Лёг Петя в сено, зарылся в него поглубже, согрелся, поплакал тихонько, утёр слёзы бородой и уснул.

Просыпается Петя — в комнате светло, керосиновая лампа горит под стеклом. А вокруг стола сидят ребята — два мальчика и две девочки. Большие, окованные медью счёты лежат перед ними. Ребята считают и бормочут:

— Два года, да ещё пять, да ещё семь, да ещё три... Это вам, Сергей Владимирович, а это ваши, Ольга Капитоновна, а это вам, Марфа Васильевна, а это ваши, Пантелей Захарович.

Что это за ребята? Почему они такие хмурые? Почему кряхтят они, и охают, и вздыхают, как настоящие старики? Почему называют друг друга по имени-отчеству? Зачем собрались они ночью здесь, в одинокой лесной избушке?

Замер Петя Зубов, не дышит, ловит каждое слово. И страшно ему стало от того, что услышал он.

Не мальчики и девочки, а злые волшебники и злые волшебницы сидели за столом! Вот ведь как, оказывается, устроено на свете: человек, который понапрасну теряет время, сам не замечает, как стареет. И злые волшебники разведали об этом и давай ловить ребят, теряющих время понапрасну. И вот поймали волшебники Петю Зубова, и ещё одного мальчика, и ещё двух девочек и превратили их в стариков. Со-

старились бедные дети, и сами этого не заметили — ведь человек, напрасно теряющий время, не замечает, как стареет. А время, потерянное ребятами, забрали волшебники себе. И стали волшебники малыми ребятами, а ребята — старыми стариками.

Как быть?

Что делать?

Да неужели же не вернуть ребятам потерянной молодости?

Подсчитали волшебники время, хотели уже спрятать счёты в стол, но Сергей Владимирович, главный из них, не позволил. Взял он счёты и подошёл к ходикам. Покрутил стрелки, подёргал гири, послушал, как тикает маятник, и опять защёлкал на счётах.

Считал, считал он, шептал, шептал, пока не показали ходики полночь. Тогда смешал Сергей Владимирович костяшки и ещё раз проверил, сколько получилось у него.

Потом подозвал он волшебников к себе и заговорил негромко:

— Господа волшебники! Знайте — ребята, которых мы превратили сегодня в стариков, ещё могут помолодеть.

— Как? — воскликнули волшебники.

— Сейчас скажу, — ответил Сергей Владимирович.

Он вышел на цыпочках из домика, обошёл его кругом, вернулся, запер дверь на задвижку и поворошил сено палкой.

Петя Зубов замер, как мышка.

Но керосиновая лампа светила тускло, и злой волшебник не увидел Пети. Подозвал он остальных волшебников к себе поближе и заговорил негромко:

— К сожалению, так устроено на свете: от любого несчастья может спастись человек. Если ребята, которых мы превратили в стариков, разыщут завтра друг друга, придут ровно в двенадцать часов ночи сюда к нам и повернут стрелку ходиков на семьдесят семь кругов обратно, то дети снова станут детьми, а мы погибнем.

Помолчали волшебники. Потом Ольга Капитоновна сказала:

— Откуда им всё это узнать?

А Пантелей Захарович проворчал:

— Не придут они сюда к двенадцати часам ночи. Хоть на минуту, да опоздают.

А Марфа Васильевна пробормотала:

— Да куда им! Да где им! Эти лентяи до семидесяти семи и сосчитать не сумеют, сразу собьются!

— Так-то оно так, — ответил Сергей Владимирович. — А всё-таки пока что держите ухо востро. Если доберутся ребята до ходиков, тронут стрелки — нам тогда и с места не сдвинуться. Ну а пока нечего время терять — идём на работу.

И волшебники, спрятав счёты в стол, побежали, как дети, но при этом кряхтели, охали и вздыхали, как настоящие старики. Дождался Петя Зубов, пока затихли в лесу шаги. Выбрался из домика. И, не теряя напрасно времени, прячась за деревьями и кустами, побежал, помчался в город искать стариков-школьников.

Город ещё не проснулся. Темно было в окнах, пусто на улицах, только милиционеры стояли на постах. Но вот забрезжил рассвет. Зазвенели первые трамваи. И увидел наконец Петя Зубов — идёт не спеша по улице старушка с большой корзинкой.

Подбежал к ней Петя Зубов и спрашивает:

— Скажите, пожалуйста, бабушка, — вы не школьница?

— Что, что? — спросила старушка сурово.

— Вы не третьеклассница? — прошептал Петя робко.

А старушка как застучит ногами да как замахнётся на Петю корзинкой. Еле Петя ноги унёс. Отдышался он немного — дальше пошёл. А город

уже совсем проснулся. Летят трамваи, спешат на работу люди. Грохочут грузовики — скорее, скорее надо сдать грузы в магазины, на заводы, на железную дорогу. Дворники счищают снег, посыпают панель песком, чтобы пешеходы не скользили, не падали, не теряли времени даром. Сколько раз видел всё это Петя Зубов и только теперь понял, почему так боятся люди не успеть, опоздать, отстать.

Оглядывается Петя, ищет стариков, но ни одного подходящего не находит. Бегут по улицам старики, но сразу видно — настоящие, не третьеклассники.

Вот старик с портфелем. Наверное, учитель. Вот старик с ведром и кистью — это маляр. Вот мчится красная пожарная машина, а в машине старик — начальник пожарной охраны города. Этот, конечно, никогда в жизни не терял времени понапрасну.

Ходит Петя, бродит, а молодых стариков, старых детей, — нет как нет. Жизнь кругом так и кипит. Один он, Петя, отстал, опоздал, не успел, ни на что не годен, никому не нужен.

Ровно в полдень зашёл Петя в маленький скверик и сел на скамеечку отдохнуть.

И вдруг вскочил.

Увидел он — сидит недалеко на другой скамеечке старушка и плачет. Хотел подбежать к ней Петя, но не посмел.

— Подожду! — сказал он сам себе. — Посмотрю, что она дальше делать будет.

А старушка перестала плакать, сидит, ногами болтает. Потом достала из одного кармана газету, а из другого кусок ситного с изюмом. Развернула старушка газету — Петя ахнул от радости: «Пионерская правда»! — и принялась читать и есть. Изюм выковыривает, а самый ситный не трогает.

Кончила старушка читать, спрятала газету и ситный и вдруг что-то увидела в снегу. Наклонилась она и схватила мячик. Наверное, кто-нибудь из детей, игравших в сквере, потерял этот мячик в снегу.

Оглядела старушка мячик со всех сторон, обтёрла его старательно платочком, встала, подошла не спеша к дереву и давай играть в трёшки.

Бросился к ней Петя через снег, через кусты. Бежит и кричит:

— Бабушка! Честное слово, вы школьница!

Старушка подпрыгнула от радости, схватила Петю за руки и отвечает:

— Верно, верно! Я ученица третьего класса Маруся Поспелова. А вы кто такой?

Рассказал Петя Марусе, кто он такой. Взялись они за руки, побежали искать остальных товарищей. Искали час, другой, третий. Наконец зашли во двор огромного дома. И видят: за дровяным сараем прыгает старушка. Нарисовала мелом на асфальте классы и скачет на одной ножке, гоняет камешек.

Бросились Петя и Маруся к ней.

— Бабушка! Вы школьница?

— Школьница, — отвечает старушка. — Ученица третьего класса Наденька Соколова. А вы кто такие?

Рассказали ей Петя и Маруся, кто они такие. Взялись все трое за руки, побежали искать последнего своего товарища.

Но он как сквозь землю провалился. Куда только ни заходили старики — и во дворы, и в сады, и в детские театры, и в детские кино, и в Дом Занимательной Науки — пропал мальчик, да и только.

А время идёт. Уже стало темнеть. Уже в нижних этажах домов зажёгся свет. Кончается день. Что делать? Неужели всё пропало?

Вдруг Маруся закричала:

— Смотрите! Смотрите!

Посмотрели Петя и Наденька и вот что увидели: летит трамвай, девятый номер. А на «колбасе» висит старичок. Шапка лихо надвинута на ухо, борода развеивается по ветру. Едет старик и посвистывает. Товарищи его ищут, с ног сбились, а он катается себе по всему городу и в ус не дует!

Бросились ребята за трамваем вдогонку. На их счастье зажёгся на перекрёстке красный свет, остановился трамвай.

Схватили ребята «колбасника» за полы, оторвали от «колбасы».

— Ты школьник? — спрашивают.

— А как же? — отвечает он. — Ученик второго класса Зайцев Вася. А вам чего?

Рассказали ему ребята, кто они такие.

Чтобы не терять времени даром, сели они все четверо в трамвай и поехали за город к лесу.

Какие-то школьники ехали в этом же трамвае. Встали они, уступают нашим старикам место:

— Садитесь, пожалуйста, дедушки, бабушки.

Смутились старики, покраснели и отказались. А школьники, как нарочно, попались вежливые, воспитанные, просят стариков, уговаривают:

— Да садитесь же! Вы за свою долгую жизнь наработались, устали. Сидите теперь, отдыхайте.

Тут, к счастью, подошёл трамвай к лесу, соскочили наши старики — и в чащу бегом.

Но тут ждала их новая беда. Заблудились они в лесу. Наступила ночь, тёмная-тёмная. Бродят старики по лесу, падают, спотыкаются, а дороги не находят.

— Ах, время, время! — говорит Петя. — Бежит оно, бежит. Я вчера не заметил дороги обратно к домику — боялся время потерять. А теперь вижу, что иногда лучше потратить немножко времени, чтобы потом его сберечь.

Совсем выбились из сил старички. Но, на их счастье, подул ветер, очистилось небо от туч и засияла на небе полная луна.

Влез Петя Зубов на берёзу и увидел — вон он, домик, в двух шагах белеют его стены, светятся окна среди густых ёлок.

Спустился Петя вниз и шепнул товарищам:

— Тише! Ни слова! За мной!

Поползли ребята по снегу к домику. Заглянули осторожно в окно.

Ходики показывают без пяти минут двенадцать. Волшебники лежат на сене, берегут украденное время.

— Они спят! — сказала Маруся.

— Тише! — прошептал Петя.

Тихо-тихо открыли ребята дверь и поползли к ходикам. Без одной минуты двенадцать встали у часов. Ровно в полночь протянул Петя руку к стрелкам и — раз, два, три — закрутил их обратно, справа налево.

С криком вскочили волшебники, но не могли сдвинуться с места. Стоят и растут, растут. Вот превратились они во взрослых людей, вот седые волосы заблестели у них на висках, покрылись морщинами щёки.

— Поднимите меня! — закричал Петя. — Я делаюсь маленьким, я не достаю до стрелок! Тридцать один, тридцать два, тридцать три!

Подняли товарищи Петю на руки. На сороковом обороте стрелок волшебники стали дряхлыми, сгорбленными старичками. Всё ближе пригибало их к земле, всё ниже становились они. И вот на семьдесят седьмом и последнем обороте стрелок вскрикнули злые волшебники и пропали, как будто их и не было на свете.

Посмотрели ребята друг на друга и засмеялись от радости. Они снова стали детьми. С бою взяли, чудом вернули они потерянное напрасно время.

Они-то спаслись, но ты помни: человек, который понапрасну теряет время, сам не замечает, как стареет.

- Почему произведение названо сказкой? Что могло быть на самом деле, а что появилось благодаря фантазии автора?
- Одинаково ли было поведение детей? Почему они смогли победить волшебников?
- Как ты относишься к ребятам?
- Как к героям относится автор? Обсудите с другом.
- Какой момент в сказке самый напряжённый? Прочитайте с друзьями по ролям эту часть текста.
- Что подразумевал Шварц под потерянным временем? Как ты понимаешь название сказки? Запиши свои мысли в «Рабочую тетрадь».

ГЛАВНЫЕ РЕКИ

Хотя мне уже идёт девятый год, я только вчера догадался, что уроки всё-таки надо учить. Любишь не любишь, хочешь не хочешь, лень тебе или не лень, а учить уроки надо. Это закон. А то можно в такую историю вляпаться, что своих не узнаешь. Я, например, вчера не успел уроки сделать. У нас было задано выучить кусочек из одного стихотворения Некрасова и главные реки Америки. А я, вместо того чтобы учиться, запускал во дворе змея в космос. Ну, он в космос всё-таки не залетел, потому что у него был чересчур лёгкий хвост, и он из-за этого крутился, как волчок. Это раз. А во-вторых, у меня было мало ниток, и я весь дом обыскал и собрал все нитки, какие только были; у мамы со швейной машины снял, и то оказалось мало. Змей долетел до чердака и там завис, а до космоса ещё было далеко. И я так завозился с этим змеем и космосом, что совершенно позабыл обо всём на свете. Мне было так интересно играть, что я и думать перестал про какие-то там уроки. Совершенно вылетело из головы. А оказалось, никак нельзя было забывать про свои дела, потому что получился позор.

Я утром немножко заспался, и, когда вскочил, времени оставалось чуть-чуть... Но я читал, как ловко одеваются пожарные, — у них нет ни одно-

го лишнего движения, и мне до того это понравилось, что я пол-лета тренировался быстро одеваться. И сегодня я как вскочил и глянул на часы, то сразу понял, что одеваться надо, как на пожар. И я оделся за одну минуту сорок восемь секунд весь, как следует, только шнурки зашнуровал через две дырочки. В общем, в школу я поспел вовремя и в класс тоже успел примчаться за секунду до Раисы Ивановны. То есть она шла себе потихоньку по коридору, а я бежал из раздевалки (ребят уже не было никого). Когда я увидел Раису Ивановну издалека, я припустился во всю прыть и, не доходя до класса каких-нибудь пять шагов, обошёл Раису Ивановну и вскочил в класс. В общем, я выиграл у неё секунды полторы, и, когда она вошла, книги мои были уже в парте, а сам я сидел с Мишкой как ни в чём не бывало. Раиса Ивановна вошла, мы встали и поздоровались с ней, и громче всех поздоровался я, чтобы она видела, какой я вежливый. Но она на это не обратила никакого внимания и ещё на ходу сказала:

— Кораблёв, к доске!

У меня сразу испортилось настроение, потому что я вспомнил, что забыл приготовить уроки. И мне ужасно не хотелось вылезать из-за своей родимой парты. Я прямо к ней как будто приклеился. Но Раиса Ивановна стала меня торопить:

— Кораблёв! Что же ты? Я тебя зову или нет?

И я пошёл к доске.

Раиса Ивановна сказала:

— Стихи!

Чтобы я читал стихи, какие заданы. А я их не знал. Я даже плохо знал, какие заданы-то. Поэтому я моментально подумал, что Раиса Ивановна тоже, может быть, забыла, что задано, и не заметит, что я читаю. И я бодро завёл:

Зима!.. Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь:
Его лошадка, снег почуя,
Плетётся рысью как-нибудь...

— Это Пушкин, — сказала Раиса Ивановна.

— Да, — сказал я, — это Пушкин. Александр Сергеевич.

— А я что задала? — сказала она.

— Да! — сказал я.

— Что «да»? Что я задала, я тебя спрашиваю?
Кораблёв!

— Что? — сказал я.

— Что «что»? Я тебя спрашиваю: что я задала?

Тут Мишка сделал наивное лицо и сказал:

— Да что он, не знает, что ли, что вы Некрасова задали? Это он не понял вопроса, Раиса Ивановна.

Вот что значит верный друг. Это Мишка таким хитрым способом ухитрился мне подсказать. А Раиса Ивановна уже рассердилась:

— Слонов! Не смей подсказывать!

— Да! — сказал я. — Ты чего, Мишка, лезешь? Без тебя, что ли, не знаю, что Раиса Ивановна задала Некрасова! Это я задумался, а ты тут лезешь, сбиваешь только.

Мишка стал красный и отвернулся от меня. А я опять остался один на один с Раисой Ивановной.

— Ну? — сказала она.

— Что? — сказал я.

— Перестань ежеминутно чтокать!

Я уже видел, что она сейчас рассердится как следует.

— Читай. Наизусты!

— Что? — сказал я.

— Стихи, конечно! — сказала она.

— Ага, понял. Стихи, значит, читать? — сказал я. — Это можно. — И громко начал: — Стихи Некрасова. Поэта. Великого поэта.

— Ну! — сказала Раиса Ивановна.

— Что? — сказал я.

— Читай сейчас же! — закричала бедная Раиса Ивановна. — Сейчас же читай, тебе говорят! Заглавие!

Пока она кричала, Мишка успел мне подсказать первое слово. Он шепнул, не разжимая рта, но я его прекрасно понял. Поэтому я смело выдвинул ногу вперёд и продекламировал:

— Мужичонка!

Все замолчали, и Раиса Ивановна тоже. Она внимательно смотрела на меня, а я смотрел на

Мишку ещё внимательнее. Мишка показывал на свой большой палец и зачем-то щёлкал его по ногтю.

И я как-то сразу вспомнил заглавие и сказал:
— С ноготком!

И повторил всё вместе:

— Мужичонка с ноготком!

Все засмеялись. Раиса Ивановна сказала:

— Довольно, Кораблёв!.. Не старайся, не выйдет. Уж если не знаешь, не срамись.

Потом она добавила:

— Ну, а как насчёт кругозора? Помнишь, мы вчера сговорились всем классом, что будем читать и сверх программы интересные книжки? Вчера вы решили выучить названия всех рек Америки. Ты выучил?

Конечно, я не выучил. Этот змей, будь он не ладен, совсем мне всю жизнь испортил. И я хотел во всём признаться Раисе Ивановне, но вместо этого вдруг неожиданно даже для самого себя сказал:

— Конечно, выучил. А как же!

— Ну вот, исправь это ужасное впечатление, которое ты произвёл чтением стихов Некрасова. Назови мне самую большую реку Америки, и я тебя отпущу.

Вот когда мне стало худо. Даже живот заболел, честное слово. В классе была удивительная тишина. Все смотрели на меня. А я смотрел в потолок. И думал, что сейчас уже наверняка я умру. До свидания, все! И в эту секунду я уви-

дел, что в левом последнем ряду Петька Горбушкин показывает мне какую-то длинную газетную ленту, и на ней что-то намалёвано чернилами, толсто намалёвано, наверное, он пальцем писал. И я стал вглядываться в эти буквы и наконец прочёл первую половину.

А тут Раиса Ивановна снова:

— Ну, Кораблёв? Какая же главная река в Америке?

У меня сразу же появилась уверенность, и я сказал:

— Миси-писи.

Дальше я не буду рассказывать. Хватит. И хотя Раиса Ивановна смеялась до слёз, но двойку она мне вlepила будь здоров. И я теперь дал клятву, что буду учить уроки всегда. До глубокой старости.

- 1 От чьего имени ведётся рассказ?
- 2 К каким уловкам прибегает Дениска для того, чтобы исправить положение? Помогают ли герою подсказки друзей? Объясни.
- 3 Высмеивается ли в рассказе поведение мальчика? Обсудите с другом.
- 4 Какой урок извлёк Дениска из всего произошедшего?
- 5 Перескажи текст от лица одного из героев.

ЧТО ЛЮБИТ МИШКА

Один раз мы с Мишкой вошли в зал, где у нас бывают уроки пения. Борис Сергеевич сидел за своим роялем и что-то играл потихоньку. Мы с Мишкой сели на подоконник и не стали ему мешать, да он нас и не заметил вовсе, а продолжал себе играть, и из-под пальцев у него очень быстро выскакивали разные звуки. Они разбрызгивались, и получалось что-то очень приветливое и радостное. Мне очень понравилось, и я бы мог долго так сидеть и слушать, но Борис Сергеевич скоро перестал играть. Он закрыл крышку рояля, и увидел нас, и весело сказал:

— О! Какие люди! Сидят, как два воробья на веточке! Ну, так что скажете?

Я спросил:

— Это вы что играли, Борис Сергеевич?

Он ответил:

— Это Шопен. Я его очень люблю.

Я сказал:

— Конечно, раз вы учитель пения, вот вы и любите разные песенки.

Он сказал:

— Это не песенка. Хотя я и песенки люблю, но это не песенка. То, что я играл, называется гораздо большим словом, чем просто «песенка».

Я сказал:

— Каким же? Словом-то?

Он серьезно и ясно ответил:

— Му-зы-ка. Шопен — великий композитор. Он сочинил чудесную музыку. А я люблю музыку больше всего на свете.

Тут он посмотрел на меня внимательно и сказал:

— Ну, а ты что любишь? Больше всего на свете?

Я ответил:

— Я много чего люблю.

И я рассказал ему, что я люблю. И про собаку, и про струганье, и про слонёнка, и про красных кавалеристов, и про маленькую лань на розовых копытцах, и про древних воинов, и про прохладные звёзды, и про лошадиные лица, всё-всё...

Он выслушал меня внимательно, у него было задумчивое лицо, когда он слушал, а потом он сказал:

— Ишь! А я и не знал. Честно говоря, ты ведь ещё маленький, ты не обижайся, а смотри-ка — любишь как много! Целый мир.

Тут в разговор вмешался Мишка. Он надулся и сказал:

— А я ещё больше Дениски люблю разных разностей! Подумаешь!

Борис Сергеевич рассмеялся:

— Очень интересно! Ну-ка, поведай тайну своей души. Теперь твоя очередь, принимай эстафету! Итак, начинай! Что же ты любишь?

Мишка поёрзал на подоконнике, потом откашлялся и сказал:

— Я люблю булки, плюшки, батоны и кекс! Я люблю хлеб, и торт, и пирожные, и пряники, хоть тульские, хоть медовые, хоть глазурованные. Сушки люблю тоже, и баранки, бублики, пирожки с мясом, повидлом, капустой и с рисом.

Я горячо люблю пельмени, и особенно ватрушки, если они свежие, но чёрствые тоже ничего. Можно овсяное печенье и ванильные сухари.

А ещё я люблю кильки, сайру, судака в маринаде, бычки в томате, частички в собственном соку, икру баклажанную, кабачки ломтиками и жареную картошку.

Варёную колбасу люблю прямо безумно, если докторская, — на спор, что съем целое кило! И столовую люблю, и чайную, и зельц, и копчёную, и полукопчёную, и сырокопчёную! Эту вообще я люблю больше всех. Очень люблю макароны с маслом, вермишель с маслом, рожки с маслом, сыр с дырочками и без дырочек, с красной коркой или с белой — всё равно.

Люблю вареники с творогом, творог солёный, сладкий, кислый; люблю яблоки, тёртые с сахаром, а то яблоки одни самостоятельно, а если яблоки очищенные, то люблю сначала съесть яблочко, а уж потом, на закуску, — кожуру!

Люблю печёнку, котлеты, селёдку, фасолевый суп, зелёный горошек, варёное мясо, ириски, сахар, чай, джем, боржом, газировку с сиропом, яйца всмятку, вкрутую, в мешочке, могу и сырые. Бутерброды люблю прямо с чем попало, особенно если толсто намазать картофельным

пюре или пшённой кашей. Так... Ну, про халву говорить не буду — какой дурак не любит халвы? А ещё я люблю утятину, гусятину и индютину. Ах, да! Я всей душой люблю мороженое. За семь, за девять. За тринадцать, за пятнадцать, за девятнадцать. За двадцать две и за двадцать восемь.

Мишка обвёл глазами потолок и перевёл дыхание. Видно, он уже здорово устал. Но Борис Сергеевич пристально смотрел на него, и Мишка поехал дальше.

Он бормотал:

— Крыжовник, морковь, кету, горбушу, релу, борщ, пельмени, хотя пельмени я уже говорил, бульон, бананы, хурму, компот, сосиски, колбасу, хотя колбасу тоже говорил...

Мишка выдохся и замолчал. По его глазам было видно, что он ждёт, когда Борис Сергеевич его похвалит. Но тот смотрел на Мишку немного недовольно и даже как будто строго. Он тоже словно ждал чего-то от Мишки: что, мол, Мишка ещё скажет. Но Мишка молчал. У них получилось, что они оба друг от друга чего-то ждали и молчали.

Первый не выдержал Борис Сергеевич.

— Что ж, Миша, — сказал он, — ты многое любишь, спору нет, но всё, что ты любишь, оно какое-то одинаковое, чересчур съедобное, что ли. Получается, что ты любишь целый продуктовый магазин. И только... А люди? Кого ты любишь? Или из животных?

Тут Мишка весь востепенел и покраснел.

— Ой, — сказал он смущённо, — чуть не забыл! Ещё — котят! И бабушку!

- Можно ли назвать рассказ Драгунского смешным? Почему?
- Почему учитель пения не похвалил Мишку? Отчего мальчик покраснел?
- Как характеризуют ребят их ответы учителю?
- Найди в библиотеке книги Драгунского. Составь их список, запиши его в «Рабочую тетрадь».
- Обсудите с другом, что вы любите больше всего. Совпадают ли ваши интересы?

НИКАКОЙ Я ГОРЧИЦЫ НЕ ЕЛ

Сумку я спрятал под лестницу. А сам за угол завернул, на проспект вышел.

Весна. Солнышко. Птички поют. Неохота как-то в школу. Любому ведь надоест. Вот и мне надоело.

Иду, витрины разглядываю, во весь голос песни пою. Попробуй в классе запой — сразу выгонят. А тут пой, сколько твоей душе угодно. Так до конца проспекта дошёл. Потом обратно. Хорошо ходить! Ходи себе и ходи.

Смотрю — машина стоит, шофёр что-то в моторе смотрит. Я его спрашиваю:

— Поломалась? — Молчит шофёр.

— Поломалась? — Спрашиваю.

Он молчит.

Я постоял, постоял, говорю:

— Что, поломалась машина?

На этот раз он услышал.

— Угадал, — говорит, — поломалась. Помочь хочешь? Ну, давай чинить вместе.

— Да я... не умею...

— Раз не умеешь, не надо. Я уж как-нибудь сам.

Что мне оставалось делать? Вздохнул и дальше пошёл. Вон двое стоят. Разговаривают. Подхожу поближе. Прислушиваюсь. Один говорит:

— Как с патентом?

Другой говорит:

— Хорошо с патентом.

«Что это, — думаю, — патент? Никогда я про него не слышал». Я думал, они про патент ещё скажут. А они про патент ничего не сказали больше. Про завод стали что-то рассказывать. Один заметил меня, говорит другому:

— Гляди-ка, парень как рот раскрыл.

И ко мне обращается:

— Что тебе?

— Мне ничего, — отвечаю, — я просто так...

— Тебе нечего делать?

— Ага.

— Вот хорошо! Видишь, вон дом кривой?

— Вижу.

— Пойди подтолкни его с того боку, чтоб он ровный был.

— Как это?

— А так. Тебе ведь нечего делать. Ты и подтолкни его. — И смеются оба.

Я что-то ответить хотел, но не мог придумать. По дороге придумал, вернулся к ним.

— Не смешно, — говорю, — а вы смеётесь.

Они как будто не слышат. Я опять:

— Не смешно совсем. Что вы смеётесь?

Тогда один говорит:

— Мы совсем не смеёмся. Где ты видишь, что мы смеёмся?

Они и правда уже не смеялись. Это раньше они смеялись. Значит, я опоздал немножко...

О! Метла у стены стоит. И никого рядом нету. Дворник вдруг из ворот выходит.

— Не тронь метлу!

— Да зачем мне метла? Мне метлы не нужно...

— А не нужно, так не подходи к метле. Метла для работы, а не для того, чтобы к ней подходили.

Какой-то злой дворник попался! Метлы даже жалко.

Эх, чем бы заняться? Домой идти ещё рано. Уроки ещё не кончились. Ходить по улицам скучно. Ребят никого не видно.

На леса строительные залезть?! Как раз рядом дом ремонтируют. Погляжу сверху на город. Вдруг слышу голос:

— Куда лезешь? Эй!

Смотрю — нет никого. Вот это да! Никого нет, а кто-то кричит! Выше стал подниматься — опять:

— А ну слезь!

Головой верчу во все стороны. Откуда кричат? Что такое?

— Слезай! Эй! Слезай, слезай!

Я чуть с лестницы не скатился. Перешёл на ту сторону улицы. Наверх, на леса смотрю. Интересно, кто это кричит? Вблизи я никого не видел. А издали всё увидел — рабочие на лесах штукатурят, красят...

Сел на трамвай, до кольца доехал. Всё равно идти некуда. Лучше буду кататься. Устал ходить.

Второй круг на трамвае сделал. На то же самое место приехал. Ещё круг проехать, что ли? Не время пока домой идти. Рановато. В

окно вагона смотрю. Все спешат куда-то, торопятся. Куда это все спешат? Непонятно.

Вдруг кондукторша говорит:

— Плати, мальчик, снова.

— У меня больше денег нету.

— Тогда сходи, мальчик. Иди пешком.

— Ой, мне далеко пешком идти!

— А ты попусту не катайся. В школу, наверное, не пошёл?

— Откуда вы знаете?

— Я всё знаю. По тебе видно.

— А чего видно?

— Видно, что в школу ты не пошёл. Вот что видно. Из школы ребята весёлые едут. А ты как будто горчицей объелся.

— Никакой я горчицы не ел...

— Всё равно сходи. Прогульщиков я не вожу бесплатно.

А потом говорит:

— Ну уж ладно, катайся. В другой раз не разрешу. Так и знай.

Но я всё равно сошёл. Неудобно как-то.

Место совсем незнакомое. Никогда я в этом районе не был. С одной стороны дома стоят. С другой стороны нет домов; пять экскаваторов землю роют. Как слоны по земле шагают. Зачерпывают ковшами землю и в сторону сыпят. Вот это техника! Хорошо сидеть в будке. Куда лучше, чем в школу ходить. Сидишь себе, а он сам ходит, да ещё землю копает.

Один экскаватор остановился. Экскаваторщик слез на землю и говорит мне:

— В ковш хочешь попасть?

Я обиделся.

— Зачем мне в ковш? Я в кабину хочу.

И тут вспомнил я про горчицу, что кондукторша мне сказала, и стал улыбаться. Чтоб экскаваторщик думал, что я весёлый. И совсем мне не скучно. Чтоб он не догадался, что я не был в школе.

Он посмотрел на меня удивлённо.

— Ты что?

— А что?

— Вид у тебя, брат, какой-то дурацкий.

Я ещё больше стал улыбаться. Рот чуть не до ушей растянул.

А он:

— Что с тобой?

— А чего?

— Что ты мне рожи строишь?

— На экскаваторе покатайте меня.

— Это тебе не троллейбус. Это машина рабочая. На ней люди работают. Ясно?

Я говорю:

— Я тоже хочу на нём работать.

Он говорит:

— Эге, брат! Учиться надо.

Я думал, что он про школу. И опять улыбаться стал. А он рукой на меня махнул и залез в кабину. Не захотел со мной разговаривать больше.

Весна. Солнышко. Воробьи в лужах купаются. Но почему мне так скучно?

- 1** Почему автор назвал свой рассказ «Никакой я горчицы не ел»? Что он хотел сказать своим читателям?
- 2** От чьего имени ведётся рассказ? Как ты думаешь, почему используется такой приём?
- 3** Почему герой попадает в нелепые ситуации?
- 4** Как характеризуют мальчика его поступки? Что о нём думают окружающие? Как к герою относится автор? Что ты думаешь о мальчишке? Можно ли использовать, рассказывая о нём, такие опорные слова: **смелый, ленивый, разговорчивый, глупый, грустный, скучающий, весёлый, сердитый, равнодушный**? Подтверди свою точку зрения примерами из текста.
- 5** Прочитайте с друзьями рассказ по ролям.

ПРОВЕРИМ СЕБЯ

И ОЦЕНИМ СВОИ ДОСТИЖЕНИЯ

1. Как ты думаешь, можно ли дать разделу другое название? Например:

Скучен день до вечера, коли делать нечего

Кто грамоте горазд, тому не пропасть

Не сиди сложа руки, так и не будет скуки

Откладывай безделье, да не откладывай дела

2. Почему произведения Шварца, Драгунского и Голявкина объединены в один раздел?

3. Перечитай конец сказки Шварца. Согласен ли ты с автором? Объясни свою позицию.

4. Прочитай вопросы. Они помогут тебе составить рассказ о творчестве Драгунского. Подтверди свои мысли примерами из текстов.

- Какие рассказы писателя ты читал? Какой из них тебе запомнился особенно? Почему?
- Можно ли назвать произведения Драгунского юмористическими? Объясни почему.
- Что хотел сказать автор читателям?
- Что объединяет произведения писателя?
- Кто является главными героями рассказов?
- Что ты можешь сказать о Дениске? Какой он? Как поступки героя помогают понять его характер? Почему мальчик так поступает?
- Как Дениска оценивает свои и Мишкины поступки? А как к героям относится автор?

• Чем, по твоему мнению, Дениска отличается от Мишки? Почему именно от имени Дениски, а не от имени его друга ведётся рассказ в произведениях Драгунского?

-
5. Сделайте с друзьями выставку книг Драгунского. Расскажите о его творчестве. Найдите нужный материал в справочной литературе.
 6. Можно ли назвать рассказ Голявкина смешным, весёлым? Объясни своё мнение.
 7. Почему мальчику было скучно в солнечный весенний день? Что бы ты посоветовал ему сделать, чтобы он не чувствовал себя одиноким?
 8. Почему некоторые произведения мы называем рассказом? Можно ли дать следующее объяснение?

В рассказе повествуется об определённых событиях из жизни героя. Писателю важно показать, как герой относится к событиям, какие поступки совершает. Так постепенно вместе с развитием событий раскрывается характер героя, его мысли и чувства.

-
9. Вспомни, чем рассказ отличается от сказки. Как бы ты дополнил определение рассказа? Запиши его в «Рабочую тетрадь».
 10. Придумай свой рассказ, который можно было бы включить в раздел «Делу время — потехе час». Запиши его в «Рабочую тетрадь».
-

Страна детства

Мы познакомимся

с произведениями Б. Житкова, М. Зощенко, К. Паустовского и обсудим, какие из них можно отнести к рассказам, а какие — к сказкам.

Мы научимся:

- составлять план, подробно пересказывать произведение с использованием авторских слов и выражений;
- определять, что хотел сказать нам автор.

Мы будем учиться:

- использовать в своей речи олицетворение и сравнение.

КАК Я ЛОВИЛ ЧЕЛОВЕЧКОВ

Когда я был маленький, меня отвезли жить к бабушке. У бабушки над столом была полка. А на полке парходик. Я такого никогда не видал. Он был совсем настоящий, только маленький. У него была труба: жёлтая и на ней два чёрных пояса. И две мачты. А от мачт шли к бортам верёвочные лесенки. На корме стояла будочка, как домик. Полированная, с окошечками и дверкой. А уж совсем на корме — медное рулевое колесо. Снизу под кормой — руль. И блестел перед рулём винт, как медная розочка. На носу два якоря. Ах, какие замечательные! Если бы хоть один у меня такой был! Я сразу запросил у бабушки, чтоб поиграть с парходиком. Бабушка мне всё позволяла. А тут вдруг нахмурилась:

— Вот это уж не проси. Не то что играть — трогать не смей. Никогда! Это для меня дорогая память.

Я видел, что, если и заплакать, — не поможет.

А парходик важно стоял на полке на лакированных подставках. Я глаз от него не мог оторвать.

А бабушка:

— Дай честное слово, что не прикоснёшься. А то лучше спрячу-ка от греха. — И пошла к полке.

Я чуть не заплакал и крикнул всем голосом:
— Честное, расчестное, бабушка! — и схватил
бабушку за юбку.

Бабушка не убрала парходика.

Я всё смотрел на парходик. Влезал на стул,
чтоб лучше видеть. И всё больше и больше он
мне казался настоящим.

И непременно должна дверца в будочке от-
воряться. И наверно, в нём живут человечки.
Маленькие, как раз по росту парходика. Выхо-
дило, что они должны быть чуть ниже спички. Я
стал ждать, не поглядит ли кто из них в око-
шечко. Наверно, поглядывают. А когда дома ни-
кого нет, выходят на палубу. Лазят, наверно, по
лестничкам на мачты.

А чуть шум — как мыши: юрк в каюту. Вниз —
и притаятся. Я долго глядел, когда был в комна-

те один. Никто не выглянул. Я спрятался за дверь и глядел в щёлку. А они хитрые, человечки, знают, что я подглядываю. Ага! Они ночью работают, когда никто их спугнуть не может. Хитрые.

Я стал быстро-быстро глотать чай. И запро-
сился спать.

Бабушка говорит:

— Что это? То тебя силком в кровать не за-
гонишь, а тут в этакую рань и спать просишься.

И вот, когда улеглись, бабушка погасила свет. И не видно пароходика. Я ворочался нарочно, так что кровать скрипела.

Бабушка:

— Чего ты всё ворочаешься?

— А я без света спать боюсь. Дома всегда
ночник зажигают. — Это я наврал: дома ночью
темно.

Бабушка ругалась, однако встала. Долго ко-
вырялась и устроила ночник. Он плохо горел. Но
всё же было видно, как блестел пароходик на
полке.

Я закрылся одеялом с головой, сделал себе
домик и маленькую дырочку. А из дырочки гля-
дел, не шевелясь. Скоро я так присмотрелся, что
на пароходике мне всё стало отлично видно. Я
долго глядел. В комнате было совсем тихо. Толь-
ко часы тикали. Вдруг что-то тихонько зашурша-
ло. Я насторожился — шорох этот на пароходике.
И вот будто дверка приоткрылась. У меня дыха-
ние спёрло. Я чуть двинулся вперёд. Проклятая
кровать скрипнула. Я спугнул человечка!

Теперь уж нечего было ждать, и я заснул. Я с горя заснул.

На другой день я вот что придумал. Человечки, наверно же, едят что-нибудь. Если дать им конфетку, так это для них целый воз. Надо отломить от леденца кусок и положить на пароходик, около будочки. Около самых дверей. Но такой кусок, чтобы сразу в их дверцы не пролез. Вот и ночью двери откроют, выглянут в щёлочку. Ух ты! Конфетища! Для них это — как ящик целый. Сейчас выскочат, скорее конфетину к себе тащить. Они её в двери, а она не лезет! Сейчас сбегают, принесут топорики — маленькие-маленькие, но совсем всамделишные — и начнут этими топориками тюкать: тюк-тюк! тюк-тюк! тюк-тюк! И скорее проталкивать конфетину в дверь. Они хитрые, им лишь бы всё вёртко. Чтоб не поймали. Вот они завозятся с конфетиной. Тут, если я скрипну, всё равно им не поспеть: конфетина в дверях застрянет — ни туда ни сюда. Пусть убегут, а всё равно видно будет, как они конфетину тащили. А может быть, кто-нибудь с перепугу топорик упустит. Где уж им будет подбирать! И я найду на пароходе на палубе малюсенький настоящий топорик, остренький-преостренький.

И вот я тайком от бабушки отрубил от леденца кусок, как раз такой, какой хотел. Выждал минуту, когда бабушка в кухне возилась, раз-два — на стол ногами и положил леденец у

самой дверки на пароходике. Ихних полшага от двери до леденца. Слез со стола, рукавом за-тёр, что ногами наследил. Бабушка ничего не заметила.

Днём я тайком взглядывал на пароходик. Повела бабушка меня гулять. Я боялся, что за это время человечки утянут леденец и я их не пой-маю. Я дорогой нюнил нарочно, что мне холодно, и вернулись мы скоро. Я глянул первым делом на пароходик. Леденец, как был, — на месте. Ну да! Дураки они днём браться за такое дело!

Ночью, когда бабушка заснула, я устроился в домике из одеяла и стал глядеть. На этот раз ночник горел замечательно, и леденец блестел, как льдинка на солнце, острым огоньком. Я глядел, глядел на этот огонёк и заснул, как назло! Человечки меня перехитрили. Я утром глянул — леденца не было, а встал я раньше всех, в одной рубашке бегал глядеть. Потом со стула глядел — топорика, конечно, не было. Да чего же им было бросать: работали не спеша, без помехи, и даже крошечки ни одной нигде не валялось — всё подобрали.

Другой раз я положил хлеб. Я ночью даже слышал какую-то возню. Проклятый ночник еле коптел, я ничего не мог рассмотреть. Но наутро хлеба не было. Чуть только крошек осталось. Ну, понятно, им хлеба-то не особенно жалко, не конфеты: там каждая крошка для них леденец.

Я решил, что у них там на пароходике с обеих сторон идут лавки. Во всю длину. И они днём там сидят рядком и тихо шепчутся. Про свои дела. А ночью, когда все-все заснут, тут у них работа.

Я всё время думал о человечках. Я хотел взять тряпочку, вроде маленького коврика, и положить около дверей. Намочить тряпочку чернилами. Они выбегут, не заметят сразу, ножки запачкают и наследят по всему пароходику. Я хоть увижу, какие у них ножки. Может быть, некоторые босиком, чтобы тише ступать. Да нет, они страшно хитрые и только смеяться будут над всеми моими штуками.

Я не мог больше терпеть.

И вот — я решил непременно взять пароходик и посмотреть и поймать человечков. Хоть одного. Надо только устроить так, чтобы остаться одному дома. Бабушка всюду меня с собой в гости таскала. Всё к каким-то старухам. Сиди — и ничего нельзя трогать. Можно только кошку гладить. И шушукает бабушка с ними полдня.

Вот я вижу — бабушка собирается: стала собирать печенье в коробочку для этих старух — чай там пить. Я побежал в сени, достал мои варежки вязаные и натёр себе лоб и щёки — всё лицо, одним словом. Не жалея. И тихонько прилёг на кровать.

Бабушка вдруг хватилась:

— Боря, Боряшка, где ж ты?

Я молчу и глаза закрыл. Бабушка ко мне:

— Что это ты лёг?

— Голова болит.

Она тронула лоб.

— Погляди-ка на меня! Сиди дома. Назад пойду, малины возьму в аптеке. Скоро вернусь. Долго сидеть не буду. А ты раздевайся-ка и ложись. Ложись, ложись без разговору!

Стала помогать мне, уложила, увернула одеялом и всё приговаривала: «Я сейчас вернусь, живым духом».

Бабушка заперла меня на ключ. Я выждал пять минут: а вдруг вернётся? Вдруг забыла там что-нибудь?

А потом я вскочил с постели как был, в рубашке. Я вскочил на стол, взял с полки пароходик. Сразу руками понял, что он железный, совсем настоящий. Я прижал его к уху и стал слушать: не шевелятся ли? Но они, конечно, примолкли. Поняли, что я схватил их пароход. Ага! Сидите там на лавочке и примолкли, как мыши. Я слез со стола и стал трясти пароходик. Они стряхнутся, не усидят на лавках, и я услышу, как они там болтаются.

Но внутри было тихо.

Я понял: они сидят на лавках, ноги поджали и руками что есть сил уцепились в сиденья. Сидят как приклеенные.

Ага! Так погодите же. Я подковырну и приподниму палубу. И вас всех там накрою. Я стал доставать из буфета столовый нож, но глаз не спускал с пароходика, чтобы не выскочили чело-

вечки. Я стал подковыривать палубу. Ух, как плотно всё заделано!

Наконец удалось немножечко подсунуть нож. Но мачты поднимались вместе с палубой. А мачтам не давали подниматься эти верёвочные лесенки, что шли от мачт к бортам. Их надо было отрезать — иначе никак. Я на миг остановился. Всего только на миг. Но сейчас же торопливой рукой стал резать эти лесенки. Пилил их тупым ножом. Готово, все они повисли, мачты свободны. Я стал ножом приподнимать палубу. Я боялся сразу делать большую щель. Они бросятся все сразу и разбегутся. Я оставил щёлку, чтобы пролезть одному. Он ползет, а я его — хлоп! — и захопну, как жука в ладони.

Я ждал и держал руку наготове — схватить.

Не лезет ни один! Я тогда решил сразу отвернуть палубу, туда в серединку рукой — прихлопнуть. Хоть один да попадётся. Только надо сразу: они уж там небось приготовились — откроешь, а человечки прыск все в стороны.

Я быстро откинул палубу и прихлопнул внутри рукой. Ничего. Совсем ничего! Даже скамеек этих не было. Голые борта. Как в кастрюльке. Я поднял руку. Под рукой, конечно, ничего.

У меня руки дрожали, когда я прилаживал назад палубу. Всё криво становилось. И лесенки никак не приделать. Они болтались как попало.

Я кой-как приткнул палубу на место и поставил парходик на полку. Теперь всё пропало!

Я скорее бросился в кровать, завернулся с головой. Слышу ключ в дверях.

— Бабушка! — под одеялом шептал я. — Бабушка, миленькая, родненькая, чего я наделал-то!

А бабушка стояла уж надо мной и по голове гладила:

— Да чего ты ревьёшь, да плачешь-то чего? Родной ты мой, Борюшка! Видишь, как я скоро? Она ещё не видала пароходика.

- 1 Почему Житков дал рассказу именно такое название? Придумай своё название. Запиши его в «Рабочую тетрадь».
- 2 Перечитай начало произведения. Опиши пароходик своими словами. Какое впечатление произвело на героя увиденное? Найди строки, подтверждающие твой ответ.
- 3 Расскажи, что придумывал мальчик, чтобы увидеть человечков. Какой момент в рассказе ты считаешь самым напряжённым? Почему?
- 4 Какие чувства испытывал герой в этот момент? Найди в тексте подтверждение своим мыслям.
- 5 Что пережил герой, когда увидел пустой пароходик? Как эти чувства его характеризуют?
- 6 Как ты относишься к мальчику? Что думал о своём поступке он сам?
- 7 Определи главную мысль произведения Житкова. Запиши её в «Рабочую тетрадь».

КОРЗИНА С ЕЛОВЫМИ ШИШКАМИ

(В сокращении)

Композитор Эдвард Григ проводил осень в лесах около Бергена.

Все леса хороши с их грибным воздухом и шелестом листьев. Но особенно хороши горные леса около моря. В них слышен шум прибоя. С моря постоянно наносит туман, и от обилия влаги буйно разрастается мох. Он свешивается с веток зелёными прядями до самой земли.

Кроме того, в горных лесах живёт, как птица пересмешник, весёлое эхо. Оно только и ждёт, чтобы подхватить звук и швырнуть его через скалы.

Однажды Григ встретил в лесу маленькую девочку с двумя косичками — дочь лесника. Она собирала в корзину еловые шишки.

Стояла осень. Если бы можно было собрать всё золото и медь, какие есть на земле, выкопать из них тысячи тоненьких листьев, то они составили бы ничтожную часть того осеннего наряда, что лежал в горах. К тому же кованые листья показались бы грубыми в сравнении с настоящими, особенно с листьями осины. Всем известно, что осиновые листья дрожат даже от птичьего свиста.

— Как тебя зовут, девочка? — спросил Григ.

— Дагни Педерсен, — вполголоса ответила девочка. Она ответила вполголоса не от испуга, а

от смущения. Испугаться она не могла, потому что глаза у Грига смеялись.

— Вот беда! — сказал Григ. — Мне нечего тебе подарить. Я не ношу в кармане ни кукол, ни лент, ни бархатных зайцев.

— У меня есть старая мамина кукла, — ответила девочка. — Когда-то она закрывала глаза. Вот так!

Девочка медленно закрыла глаза. Когда она вновь их открыла, то Григ заметил, что зрачки у неё зеленоватые и в них поблёскивает огоньками листва.

— А теперь она спит с открытыми глазами, — печально добавила Дагни. — У старых людей плохой сон. Дедушка тоже всю ночь кряхтит.

— Слушай, Дагни, — сказал Григ, — я придумал. Я подарю тебе одну интересную вещь. Но только не сейчас, а лет через десять.

Дагни даже всплеснула руками.

— Ой, как долго!

— Понимаешь, мне нужно её ещё сделать.

— А что это такое?

— Узнаешь потом.

— Разве за всю свою жизнь, — строго спросила Дагни, — вы можете сделать всего пять или шесть игрушек? — Григ смутился.

— Да нет, это не так, — неуверенно возразил он. — Я сделаю её, может быть, за несколько дней. Но такие вещи не дарят маленьким детям. Я делаю подарки для взрослых.

— Я не разобью, — умоляюще сказала Дагни

и потянула Грига за рукав. — И не сломаю. Вот увидите! У бабушки есть игрушечная лодка из стекла. Я стираю с неё пыль и ни разу не отколола даже самого маленького кусочка.

«Она совсем меня запутала, эта Дагни», — подумал с досадой Григ и сказал то, что всегда говорят взрослые, когда попадают в неловкое положение перед детьми:

— Ты ещё маленькая и многого не понимаешь. Учись терпению. А теперь давай корзину. Ты её едва тащишь. Я провожу тебя, и мы поговорим о чём-нибудь другом.

Дагни вздохнула и протянула Григу корзину. Она действительно была тяжёлая. В еловых шишках много смолы, и потому они весят гораздо больше сосновых.

Когда среди деревьев показался дом лесника, Григ сказал:

— Ну, теперь ты добежишь сама, Дагни Педерсен. В Норвегии много девочек с таким именем и фамилией, как у тебя. Как зовут твоего отца?

— Хагеруп, — ответила Дагни и, наморщив лоб, спросила: — Разве вы не зайдёте к нам? У нас есть вышитая скатерть, рыжий кот и стеклянная лодка. Дедушка позволит вам взять её в руки.

— Спасибо. Сейчас мне некогда. Прощай, Дагни!

Григ пригладил волосы девочки и пошёл в сторону моря. Дагни, насупившись, смотрела ему вслед. Корзину она держала боком, из неё вываливались шишки.

«Я напишу музыку, — решил Григ. — На главном листе я прикажу напечатать:

— Дагни Педерсен — дочери лесника Хагерупа Педерсена, когда ей исполнится восемнадцать лет».

В Бергене всё было по-старому.

Всё, что могло приглушить звуки, — ковры, портьеры и мягкую мебель — Григ давно убрал из дома. Остался только старый диван. На нём могло разместиться до десятка гостей, и Григ не решался его выбросить.

Друзья говорили, что дом композитора похож на жилище дровосека. Его украшал только рояль...

Рояль мог петь обо всём — о порыве человеческого духа к великому и о любви. Белые и чёрные клавиши, убегая из-под крепких пальцев Грига, тосковали, смеялись, гремели бурей и гневом и вдруг сразу смолкали.

Тогда в тишине ещё долго звучала только одна маленькая струна, будто это плакала Зо-лушка, обиженная сёстрами. Григ, откинувшись, слушал, пока этот последний звук не затихал на кухне, где с давних пор поселился сверчок...

Григ писал музыку для Дагни Педерсен больше месяца.

Началась зима. Туман закутал город по горло. Заржавленные пароходы приходили из разных стран и дремали у деревянных пристаней, тихонько посапывая паром.

Вскоре пошёл снег. Григ видел из своего окна, как он косо летел, цепляясь за верхушки деревьев.

Невозможно, конечно, передать музыку словами, как бы ни был богат наш язык...

Он писал и видел, как навстречу ему бежит, задыхаясь от радости, девушка с зелёными сияющими глазами. Она обнимает его за шею и прижимается горячей щекой к его седой небри-той щеке.

«Спасибо!» — говорит она, сама ещё не зная, за что она благодарит его.

«Ты как солнце, — говорит ей Григ. — Как нежный ветер и раннее утро. У тебя на сердце расцвёл белый цветок и наполнил всё твоё

существо благоуханием весны. Я видел жизнь. Что бы тебе ни говорили о ней, верь всегда, что она удивительна и прекрасна. Я старик, но я отдал молодёжи жизнь, работу, талант. Отдал всё без возврата. Поэтому я, может быть, даже счастливее тебя, Дагни...»

Григ думал так и играл обо всём, что думал. Он подозревал, что его подслушивают. Он даже догадывался, кто этим занимается.

Это были синицы на дереве, загулявшие матросы из порта, прачка из соседнего дома, сверчок, снег, слетавший с нависшего неба, и Золушка в заштопанном платье.

Каждый слушал по-своему.

Синицы волновались. Как они ни вертелись, их трескотня не могла заглушить рояля.

Загулявшие матросы рассаживались на ступеньках дома и слушали, всхлипывая. Прачка разгибала спину, вытирала ладонью покрасневшие глаза и покачивала головой. Сверчок вылезал из трещины в кафельной печке и подглядывал в щёлку за Григом.

Падавший снег останавливался и повисал в воздухе, чтобы послушать звон, лившийся ручьями из дома. А Золушка смотрела, улыбаясь, на пол. Около её босых ног стояли хрустальные туфельки. Они вздрагивали, сталкиваясь друг с другом, в ответ на аккорды, долетавшие из дома Грига.

Этих слушателей Григ ценил больше, чем нарядных и вежливых посетителей концертов.

В восемнадцать лет Дагни окончила школу.

По этому случаю отец отправил её погостить к своей сестре Магде. Пускай девочка (отец считал её ещё девочкой, хотя Дагни была уже стройной девушкой, с тяжёлыми русыми косами) посмотрит, как устроен свет, как живут люди, и немного повеселится...

Магда работала театральной портнихой. Муж её Нильс служил в том же театре парикмахером.

Жили они в комнатухе под крышей театра...

В комнате у тётушки Магды было множество театральных вещей: парчи, шёлка, тюля, лент, кружев, старинных фетровых шляп с чёрными страусовыми перьями, цыганских шалей, седых париков, ботфортов с медными шпорами, шпаг, вееров и серебряных туфель, потёртых на сгибе. Всё это приходилось подшивать, чинить, чистить и гладить.

В комнату надо было подыматься по крутой лестнице. Там всегда пахло краской и лаком для позолоты.

Дагни часто ходила в театр. Это было увлекательное занятие. Но после спектаклей Дагни долго не засыпала и даже плакала иногда у себя в постели.

Напуганная этим, тётушка Магда успокаивала Дагни. Она говорила, что нельзя слепо верить тому, что происходит на сцене. Но дядюшка

Нильс... сказал, что, наоборот, в театре надо верить всему. Иначе людям не нужны были бы никакие театры. И Дагни верила.

Но всё же тётушка Магда настояла на том, чтобы пойти для разнообразия в концерт...

Был тёплый июнь. Стояли белые ночи. Концерты проходили в городском парке под открытым небом.

Дагни пошла на концерт вместе с Магдой и Нильсом. Она хотела надеть своё единственное белое платье. Но Нильс сказал, что красивая девушка должна быть одета так, чтобы выделяться из окружающей обстановки. В общем, длинная его речь по этому поводу сводилась к тому, что в белые ночи надо быть обязательно в чёрном, и наоборот, в тёмные сверкать белизной платья.

Переспорить Нильса было невозможно, и Дагни надела чёрное платье из шелковистого мягкого бархата. Платье это Магда принесла из костюмерной.

Когда Дагни надела это платье, Магда согласилась, что Нильс, пожалуй, прав — ничто так не оттеняло строгую бледность лица Дагни и её длинные, с отблеском старого золота косы, как этот таинственный бархат...

Концерт начался после обычного вечернего выстрела из старой пушки в порту. Выстрел означал заход солнца...

Дагни впервые слушала симфоническую музыку. Она произвела на неё странное действие. Все переливы и громы оркестра вызывали у Дагни множество картин, похожих на сны.

Потом она вздрогнула и подняла глаза. Ей почудилось, что худой мужчина во фраке, объявлявший программу концерта, назвал её имя.

— Это ты меня звал, Нильс? — спросила Дагни дядюшку Нильса, взглянула на него и сразу же нахмурилась.

Дядюшка Нильс смотрел на Дагни не то с ужасом, не то с восхищением. И так же смотрела на неё, прижав ко рту платочек, тётушка Магда.

— Что случилось? — спросила Дагни. Магда схватила её за руку и прошептала:

— Слушай!

Тогда Дагни услышала, как человек во фраке сказал:

— Слушатели из последних рядов просят меня повторить. Итак, сейчас будет исполнена знаменитая музыкальная пьеса Эдварда Грига, посвящённая дочери лесника Хагерупа Педерсена Дагни Педерсен по случаю того, что ей исполнилось восемнадцать лет.

Дагни вздохнула так глубоко, что у неё заболела грудь. Она хотела сдержать этим вздохом подступившие к горлу слёзы, но это не помогло. Дагни нагнулась и закрыла лицо ладонями.

Сначала она ничего не слышала. Внутри у неё шумела буря. Потом она наконец услышала, как поёт ранним утром пастуший рожок, и в ответ ему сотнями голосов, чуть вздрогнув, откликается струнный оркестр.

Мелодия росла, подымалась, бушевала, как ветер, неслась по вершинам деревьев, срывала листья, качала траву, била в лицо прохладными брызгами. Дагни почувствовала порыв воздуха, исходивший от музыки, и заставила себя успокоиться.

Да! Это был её лес, её родина! Её горы, песни рожков, шум её моря!

Стеклянные корабли пенили воду. Ветер трубил в их снастях. Этот звук незаметно переходил в перезвон лесных колокольчиков, в свист птиц, кувыркавшихся в воздухе, в ауканье детей, в песню о девушке... Дагни слышала эту песню у себя в горах.

Так, значит, это был он! Тот седой человек, что помог ей донести до дому корзину с еловы-

ми шишками. Это был Эдвард Григ, волшебник и великий музыкант! И она его укоряла, что он не умеет быстро работать.

Так вот тот подарок, что он обещал сделать ей через десять лет!

Дагни плакала, не скрываясь, слезами благодарности. К тому времени музыка заполнила всё пространство между землёй и облаками, повисшими над городом. От мелодических волн на облаках появилась лёгкая рябь. Сквозь неё светили звёзды.

Музыка уже не пела. Она звала. Звала за собой в ту страну, где солнце горит, как корона в волосах сказочной доброй волшебницы...

В наплыве звуков вдруг возник знакомый голос. «Ты — счастье, — говорил он. — Ты — блеск зари!»

Музыка стихла. Сначала медленно, потом всё разрастаясь, загремели аплодисменты.

Дагни встала и быстро пошла к выходу из парка. Все оглядывались на неё. Может быть, некоторым из слушателей пришла в голову мысль, что эта девушка и была той Дагни Педерсен, которой Григ посвятил свою бессмертную вещь.

«Он умер! — думала Дагни. — Зачем?» Если бы можно было увидеть его! Если бы он появился здесь! С каким стремительно бьющимся сердцем она побежала бы к нему навстречу, обняла бы его за шею, прижалась мокрой от слёз щекой к его щеке и сказала бы только одно сло-

во: «Спасибо!» — «За что?» — спросил бы он. «Я не знаю, — ответила бы Дагни. — За то, что вы не забыли меня. За вашу щедрость. За то, что открыли передо мной то прекрасное, чем должен жить человек»...

- 1** О чём думал Григ, когда сочинял музыку для девочки? Какое впечатление производила музыка на слушателей? Почему?
- 2** По какой причине Дагни уехала из дома? Где она оказалась? Как характеризует героиню её отношение к театру?
- 3** Что удивило и потрясло Дагни на концерте? Как она догадалась, что знаменитая пьеса Грига посвящена ей? Только ли потому, что было названо её имя?
- 4** Смогла ли героиня понять, что хотел сказать ей Григ? О чём она сожалела?
- 5** согласишься ли ты с тем, что всё произошедшее на концерте можно назвать самым напряжённым моментом рассказа? Объясни.
- 6** Придумай заглавие к каждой части рассказа. Почему Паустовский так разделил текст? Как все части рассказа связаны друг с другом?
- 7** Определи основную мысль произведения Паустовского. В чём она заключается?
- 8** Составь план и перескажи текст.
- 9** Побеседуй с другом на тему «Я люблю слушать музыку». Вам помогут вопросы из «Рабочей тетради».

ЁЛКА

В этом году мне исполнилось, ребята, сорок лет. Значит, выходит, что я сорок раз видел новогоднюю ёлку. Это много!

Ну, первые три года жизни я, наверно, не понимал, что такое ёлка. Наверно, мама выносила меня на ручках. И наверно, я своими чёрными глазёнками без интереса смотрел на разукрашенное дерево.

А когда мне, дети, ударило пять лет, то я уже отлично понимал, что такое ёлка.

И я с нетерпением ожидал этого весёлого праздника. И даже в щёлочку двери подглядывал, как моя мама украшает ёлку.

А у меня была сестрёнка Лёля. Семи лет. Очень смелая, бойкая девочка.

Она мне однажды сказала:

— Минька, мама ушла на кухню. Давай пойдём в комнату, где стоит ёлка, и поглядим, что там делается.

Вот мы с сестрёнкой Лёлей вошли в комнату. И видим: очень красивая ёлка. А под ёлкой лежали подарки. А на ёлке разноцветные бусы, флаги, фонарики, золотые орехи, пастилки и крымские яблочки. Моя сестрёнка Лёля говорит:

— Не будем глядеть подарки. А вместо того давай лучше съедим по одной пастилке.

И вот она подходит к ёлке и моментально съедает одну пастилку, висящую на ниточке.

Я говорю:

— Лёля, если ты съела пастилку, то я тоже сейчас что-нибудь съем.

И я подхожу к ёлке и откусываю маленький кусочек яблока.

Лёля говорит:

— Минька, если ты яблоко откусил, то я сейчас другую пастилку съем и вдобавок возьму себе конфету.

А Лёля была очень высокая, длинновязая девочка. И она могла высоко достать.

Она встала на цыпочки и своим большим ртом стала поедать вторую пастилку.

А я был удивительно маленького роста. И мне почти что ничего нельзя было достать, кроме одного яблока, которое висело низко.

Я говорю:

— Если ты, Лёлища, съела вторую пастилку и вдобавок конфету, то я ещё раз откушу это яблоко.

И я снова беру руками это яблочко и снова его немножко откусываю.

Лёля говорит:

— Ну, если ты второй раз откусил яблоко, то я не буду больше церемониться и сейчас съем третью пастилку и вдобавок возьму себе на память хлопушку и орех.

Тогда я чуть не заревел. Потому что она могла до всего дотянуться, а я нет. Я ей говорю:

— А я как подставлю к ёлке стул да как достану себе тоже что-нибудь, кроме яблока.

И вот я стал своими худенькими ручонками тянуть к ёлке стул. Но стул упал на меня. Я хотел поднять стул. Но он снова упал. И прямо на подарки.

Лёля говорит:

— Минька, ты, кажется, разбил куклу. Так и есть. Ты отбил у куклы фарфоровую ручку.

Тут раздались мамины шаги, и мы с Лёлей убежали в другую комнату.

Лёля говорит:

— Вот теперь, Минька, я не ручаюсь, что мама тебя не выдерет.

Я хотел зареветь, но в этот момент пришли гости. Много детей с их родителями.

И тогда наша мама зажгла все свечи на ёлке, открыла дверь и сказала:

— Все входите.

И все дети вошли в комнату, где стояла ёлка.

А наша мама говорит:

— Теперь пусть каждый ребёнок подходит ко мне, и я каждому буду давать игрушку и угощение.

И дети стали подходить к нашей маме. И она каждому дарила игрушку. Потом снимала с ёлки яблоко, пастилку и конфету и тоже дарила ребёнку.

И все дети были очень довольны.

Но вот наша мама взяла в руки то яблоко, которое я откусил, и сказала:

— Лёля и Минька, подойдите сюда. Кто из вас двоих откусил это яблоко?

Лёля сказала:

— Это Минькина работа.

Я дёрнул Лёлю за косичку и сказал:

— Это меня Лёля научила.

Мама говорит:

— Лёлю я поставлю в угол носом, а тебе я хотела подарить заводной паровозик. Но теперь этот заводной паровозик я подарю тому мальчику, которому я хотела дать обкусанное яблоко.

И она взяла паровозик и подарила его одному четырёхлетнему мальчику. И тот моментально стал с ним играть.

И я рассердился на этого мальчика и ударил его по руке игрушкой. И он так отчаянно заревел, что его собственная мама взяла его на ручки и сказала:

— С этих пор я не буду приходить к вам в гости с моим мальчиком.

И я сказал:

— Можете уходить, и тогда паровозик мне останется.

И та мама удивилась моим словам и сказала:

— Наверно, ваш мальчик будет разбойник.

И тогда моя мама взяла меня на ручки и сказала той маме:

— Вы не смеее так говорить про моего мальчика. Лучше уходите со своим **золотушным** ребёнком и никогда к нам больше не приходите.

И та мама сказала:

— Я так и сделаю. С вами водиться, что в крапиву садиться.

И тогда ещё одна, третья, мама сказала:

— И я тоже уйду. Моя девочка не заслужила того, чтобы ей дарили куклу с обломанной ручкой.

И моя сестрёнка Лёля закричала:

— Можете тоже уходить со своим золотушным ребёнком. И тогда кукла со сломанной ручкой мне останется.

И тогда я, сидя на маминых руках, закричал:

— Вообще все можете уходить, и тогда все игрушки нам останутся.

И тогда все гости стали уходить.

И наша мама удивилась, что мы остались одни.

Но вдруг в комнату вошёл наш папа.

Он сказал:

— Такое воспитание губит моих детей. Я не хочу, чтоб мои дети были жадные и злые. И я не хочу, чтобы они дрались, ссорились и выгоняли гостей. Им будет трудно жить на свете, и они умрут в одиночестве.

И наш папа подошёл к ёлке и потушил все свечи. И потом сказал:

— Моментально ложитесь спать. А завтра все игрушки я отдам гостям.

И вот, ребята, прошло с тех пор тридцать пять лет, и я до сих пор хорошо помню эту ёлку.

И за все эти тридцать пять лет я, дети, ни разу больше не съел чужого яблока и ни разу не ударил того, кто слабее меня. И теперь доктора говорят, что я поэтому такой сравнительно весёлый и добродушный.

1 Почему был испорчен праздник? Задумывались ли дети о последствиях своих поступков? Герои делали так, потому что были: **жадными, завистливыми, жестокими, не способными правильно оценить то, что они делали, добрыми, отзывчивыми, смелыми?** Объясни. Приведи примеры из текста.

2 Что ты думаешь о поведении Лёли и Миньки? Как писатель относится к героям? Обсудите с другом.

3 Какие слова в рассказе ты считаешь главными? Запиши их в «Рабочую тетрадь».

4 Составь план произведения. Перескажи текст.

И ОЦЕНИМ СВОИ ДОСТИЖЕНИЯ

1. Что объединяет произведения данного раздела? Можно ли его озаглавить по-другому?
2. Знаешь ли ты о детстве твоих родителей или других близких? Расспроси взрослых, вопросы запиши в «Рабочую тетрадь».
3. Какие эпизоды своего детства вспоминает Житков? Как ты думаешь, эти воспоминания написаны так, что вызывают грусть о прошедшем детстве, улыбку или, может быть, бесстрастно с наибольшей точностью передают все события?
4. Составьте с другом список произведений для выставки книг на тему «Страна детства». Обсудите с другом, какое произведение произвело на вас самое сильное впечатление.
5. Представь, что могло произойти, если бы мальчик из рассказа Житкова нашёл человечков. Какая история получилась бы: реальная, фантастическая, юмористическая?
6. Какие рассказы Житкова ты знаешь? Что их объединяет? Согласен ли ты с тем, что автор рассказал своим читателям истории, которые произвели на него особое впечатление? Почему ты так считаешь?
7. Какое впечатление произвело на тебя произведение Паустовского? Поделись своими мыслями с друзьями. Согласны ли они с тобой?
8. Найди в рассказе «Корзина с еловыми шишками» описание осени, зимы, белых ночей.

Использует ли писатель приёмы сравнения и олицетворения? Приведи примеры.

Попробуй придумать свои сравнения и олицетворения, с помощью которых ты мог бы описать осень или зиму. Какие сравнения и олицетворения придумали твои одноклассники? Что тебе понравилось? Запиши в «Рабочую тетрадь».

9. Вспомни, какие произведения Зощенко ты читал раньше. Составь рассказ о творчестве писателя, используй опорные вопросы:

- О чём эти произведения? Кто их главные герои? Каким было их детство?
- От чьего имени ведётся рассказ? Чьи воспоминания описаны в произведениях Зощенко? Почему ты так решил?
- Что ты можешь сказать о каждом из главных героев, их характерах и тех поступках, которые они совершают?
- Какие уроки извлёк рассказчик из событий своего детства? Почему он так надолго запомнил всё с ним произошедшее?
- Можем ли мы сказать, что рассказы Зощенко весёлые, юмористические?

10. Если бы тебя попросили объединить все произведения Зощенко, которые ты читал, в одну книгу, какое название ты бы ей дал?

11. Какое произведение ты бы ещё включил в раздел «Страна детства»? Объясни свой выбор.

Поэтическая тетрадь

Мы познакомимся с творчеством поэтов
В. Брюсова, М. Цветаевой,
С. Есенина.

Мы научимся:

- определять тему, объединяющую стихи разных поэтов;
- читать и обсуждать прочитанные поэтические произведения в классе.

Мы будем учиться:

- сравнивать стихотворения разных поэтов на одну тему;
- понимать особенности поэтического текста и выражать свои чувства.

ВАЛЕРИЙ ЯКОВЛЕВИЧ БРЮСОВ

ОПЯТЬ СОН

Мне опять приснились **дебри**,
Глушь пустынь, заката тишь.
Жёлтый лев крадётся к зебре
Через травы и камыш.

Преодо мной стволы упрямо
В небо ветви вознесли.
Слышу шаг гиппопотама,
Заросль мнущего вдали.

На утёсе безопасен,
Весь я — зреньё, весь я — слух.
Но виденья старых басен
Возмущают слабый дух.

Крылья огненного змея
Не затмят ли вдруг закат?
Не взлетит ли, искры сея,
Он над нами, смерти рад?

Из камней не выйдет вдруг ли
Племя карликов ко мне?

Обрастая ветки в угли,
Лес не встанет ли в огне?

Месяц вышел. Громче шорох.
Зебра мчится вдаль.
Лес, взрывая листьев ворох,
Тупо тянется к реке.

Дали сумрачны и глухи.
Хруст слышнее. Страшно. Ведь
Кто же знает: это ль духи
Иль пещеры царь — медведь!

1 Какие картины ты представил, прочитав это стихотворение?

2 О чём говорит поэт в строчках:

Но виденья старых басен
Возмущают слабый дух?

3 Что это за видения? Перечитай четвёртое и пятое четверостишия. Почему в этих строфах все предложения вопросительные?

4 Какие чувства испытывает рассказчик: **боязни, страха, радости, опасности, грусти**? Какие слова помогают это понять?

5 Меняются ли чувства и настроение поэта? Прочитай два последних четверостишия. С какой интонацией ты прочитаешь короткие предложения? Где сделаешь паузы? Почему?

6 Приготовься к выразительному чтению.

ДЕТСКАЯ

Палочка-выручалочка,
Вечерняя игра!
Небо тени свесило,
Расшумимся весело,
Бегать нам пора!

Раз, два, три, четыре, пять,
Бегом тени не догнать.
Слово скажешь, в траву ляжешь,
Чёрной цепи не развяжешь.
Снизу яма, сверху высь,
Между них вертись, вертись.

Что под нами, под цветами,
За железными столбами?
Кто на троне? Кто в короне?
Ветер высью листья гонит
И уронит с высоты...
Я ли первый или ты?

Палочка-выручалочка,
То-то ты хитра!
Небо тени свесило,
Постучи-ка весело
Посреди двора.

- Каким настроением проникнуто стихотворение? Почему?

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЕСЕНИН

БАБУШКИНЫ СКАЗКИ

В зимний вечер по задворкам
Разухабистой гурьбой
По сугробам, по пригоркам
Мы идём, бредём домой.
Опостылеют салазки,
И садимся в два рядка
Слушать бабушкины сказки
Про Ивана-дурака.
И сидим мы, еле дышим.
Время к полночи идёт.
Притворимся, что не слышим,
Если мама спать зовёт.
Сказки все. Пора в постели...
Но а как теперь уж спать?
И опять мы загалдели,
Начинаем приставать.
Скажет бабушка несмело:
«Что ж, сидеть-то до зари?»
Ну, а нам какое дело, —
Говори да говори.

■ С каким чувством вспоминает поэт детские годы? Из каких слов это видно?

МАРИНА ИВАНОВНА ЦВЕТАЕВА

Бежит тропинка с бугорка,
Как бы под детскими ногами,
Всё так же сонными лугами
Лениво движется Ока;

Колокола звонят в тени,
Спешат удары за ударом,
И всё поют о добром, старом,
О детском времени они.

О, дни, где утро было рай,
И полдень рай, и все закаты!
Где были шпагами лопаты
И замком царственным сарай.

Куда ушли, в какую даль вы?
Что между нами пролегло?
Всё так же сонно-тяжело
Качаются на клумбах мальвы...

- 1 О чём стихотворение Цветаевой?
- 2 Какими чувствами наполнено произведение?
Как бы ты его прочитал? Почему?

НАШИ ЦАРСТВА

Владенья наши царственно богаты,
Их красоты не рассказать стиху:
В них ручейки, деревья, поле, скаты
И вишни прошлогодние во мху.

Мы — обе феи, добрые соседки,
Владенья наши делит тёмный лес.
Лежим в траве и смотрим, как сквозь ветки
Белеет облачко в выси небес.

Мы обе — феи, но большие (странно!)
Двух диких девочек лишь видят в нас.
Что ясно нам — для них совсем туманно:
Как и на всё — на фею нужен глаз!

Нам хорошо. Пока ещё в постели
Все старшие и воздух летний свеж,
Бежим к себе. Деревья нам качели,
Беги, танцуй, сражайся, палки режь!..

Но день прошёл, и снова феи — дети,
Которых ждут и шаг которых тих...
Ах, этот мир и счастье быть на свете
Ещё не взрослый передаст ли стих?

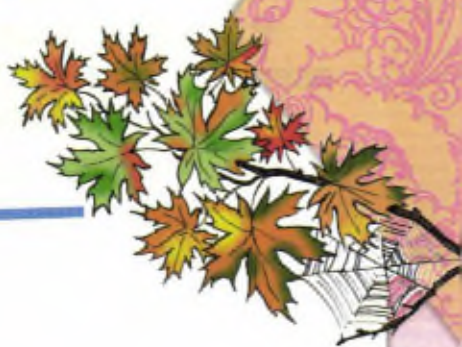
- 1 О каких царствах идёт речь? Как ты их представляешь?
- 2 Как меняются девочки и их жизнь, когда они попадают в волшебные царства?

ПРОВЕРИМ СЕБЯ

И ОЦЕНИМ СВОИ ДОСТИЖЕНИЯ

1. Какое название ты бы дал этой «Поэтической тетради»? Объясни.
2. Связано ли содержание стихотворения «Детская» с его ритмом? Отличаются ли по звучанию первая и последняя строфы от других строф?
3. Составьте с другом словарь настроений к стихотворению Цветаевой «Бежит тропинка с бугорка...».
4. Расскажи, какие картины ты представляешь, читая стихотворения этого раздела. Какими чувствами проникнуты эти картины? Подтверди свои ответы текстом.
5. В каких стихотворениях используется приём сравнения?
6. Обсуди с другом, какими другими произведениями можно дополнить раздел. Подумай, репродукции каких картин можно включить. Какие произведения они могут иллюстрировать?
7. Как меняется интонация в третьей строфе стихотворения «Бежит тропинка с бугорка...»? Почему это происходит? Как ты прочитаешь четвёртую строфу? Меняется ли интонация в произведении «Наши царства»? Когда и почему?
8. Выучи одно из стихотворений наизусть. Объясни свой выбор.
9. Сравни стихотворения, которые ты прочитал в этом разделе. Одинаковые ли чувства они вызывают?

Природа и мы

Мы познакомимся с произведениями писателей-натуралистов Е. Чарушина, М. Пришвина, А. Куприна, В. Астафьева, Д. Мамина-Сибиряка.

Мы научимся:

- внимательно читать произведения, наблюдать, как авторы описывают животных, птиц, природу;
- определять тему, которая объединяет рассказы в разделе;
- находить необходимую информацию в разных источниках для подготовки выступления.

Мы будем учиться:

- познавать мир и себя благодаря чтению произведений о природе;
- составлять самостоятельно научно-познавательный текст.

ПРИЁМЫШ

В дождливый день я подходил к Светлому озеру...

Когда я подходил уже совсем к избушке, из травы кубарем вылетела на меня пёстрая собачонка и залилась отчаянным лаем.

— Соболько, перестань... Не узнал?

Соболько остановился в раздумье, но, видимо, ещё не верил в старое знакомство. Он осторожно подошёл, обнюхал мои охотничьи сапоги и только после этой церемонии виновато завилял хвостом. Дескать, виноват, ошибся, — а всё-таки я должен стеречь избушку.

Избушка оказалась пустой. Хозяина не было, то есть он, вероятно, отправился на озеро осматривать какую-нибудь рыболовную снасть...

Сняв намокшую куртку и развесив охотничьи доспехи по стенке, я принялся разводить огонь. Соболько вертелся около меня, предчувствуя какую-нибудь поживу...

В ожидании старика я прикрепил на длинной палке медный походный чайник с водой и повесил его над огнём. Вода уже начинала кипеть, а старика всё не было...

Умная собака только виляла пушистым хвостом, облизывалась и нетерпеливо взвизгивала.

Когда этот «лучший друг человека» радостно взвизгнул, я понял, что он завидел хозяина. Действительно, в протоке чёрной точкой показа-

лась рыбацья лодка, огибавшая остров. Это и был Тарас... Он плыл, стоя на ногах, и ловко работал одним веслом. Когда он подплыл ближе, я заметил, к удивлению, плывшего перед лодкой лебедя.

— Ступай домой, гуляка! — ворчал старик, подгоняя красиво плывшую птицу. — Ступай, ступай... Вот я дам — уплыть Бог знает куда... Ступай домой, гуляка!

Лебедь красиво подплыл к сайме, вышел на берег, встряхнулся и, тяжело переваливаясь на своих кривых чёрных ногах, направился к избушке.

— Здравствуй, Тарас!.. Откуда Бог несёт?

— А вот за Приёмышем плавал, за лебедем... Всё тут вертелся, в протоке, а потом вдруг и пропал... Ну, я сейчас за ним. Выехал в озеро — нет; по заводям проплыл — нет; а он за островом плавает.

— Откуда достал-то его, лебедя?

— Тут охотники наезжали; ну лебедя с лебёдушкой и пристрелили, а вот этот остался. Забился в камыши и сидит. Летать-то не умеет, вот и спрятался... Я, конечно, ставил сети подле камышей, ну, и поймал его. Пропадёт один-то, ястреба заедят, потому как смыслу в нём ещё настоящего нет. Сиротой остался. Вот я его привёз и держу. И он тоже привык... Теперь вот скоро месяц будет, как живём вместе. Утром на заре поднимается, поплавает в протоке, покормится, а потом и домой. Знает, когда я встаю,

и ждёт, чтобы покормили. Умная птица, одним словом, и свой порядок знает.

Старик говорил необыкновенно любовно, как о близком человеке. Лебедь приковылял к самой избушке и, очевидно, выжидал какой-нибудь подачки.

— Улетит он у тебя, дедушка... — заметил я.

— Зачем ему лететь? И здесь хорошо: сыт, кругом вода...

— А зимой?

— Перезимует вместе со мной в избушке. Места хватит, а нам с Собольком веселее. Как-то один охотник забрёл ко мне на сайму, увидел лебедя и говорит вот так же: «Улетит, ежели крылья не подрежешь». А как же можно увечить Божью птицу? Пусть живёт... Не возьму я в толк, зачем господа лебедей застрелили. Ведь и есть не станут, а так, для озорства...

Лебедь точно понимал слова старика, поглядывал на него своими умными глазами.

— А как он с Собольком? — спросил я.

— Сперва-то боялся, а потом привык. Теперь лебедь-то в другой раз у Соболька и кусок отнимает. Пёс заворчит на него, а лебедь его — крылом. Смешно на них со стороны смотреть. А то гулять вместе отправятся: лебедь по воде, а Соболько — по берегу. Пробовал пёс плавать за ним, ну, да ремесло-то не то: чуть не потонул. А как лебедь уплывёт, Соболько ищет его. Сядет на бережку и воет... Дескать, скучно мне, псу, без тебя, друг единственный. Так вот и живём втроём.

Тарас жил на Светлом уже сорок лет. Когда-то у него были и своя семья, и дом, а теперь он жил бобылём. Дети перемёрли, жена тоже умерла, и Тарас безвыходно оставался на Светлом по целым годам.

— Не скучно тебе, дедушка? — спросил я, когда мы возвращались с рыбной ловли. — Жутко одному-то в лесу...

— Одному? Тоже и скажет... Я тут князь князем живу. Всё у меня есть... И птица всякая, и рыба, и трава. Конечно, говорить они не умеют, да я-то понимаю всё. Сердце радуется в другой раз посмотреть на Божью тварь... У всякой свой порядок и свой ум. Ты думаешь, зря рыбка плавает в воде или птица по лесу летает? Нет, у них заботы не меньше нашего... Эвон, погляди, лебедь-то дожидается нас с Собољком...

Старик ужасно был доволен своим Приёмышем, и все разговоры в конце концов сводились на него.

— Гордая, настоящая царская птица, — объяснил он. — Помани его кормом, да не дай, другой раз и не пойдёт. Свой характер тоже имеет, даром что птица... С Собољком тоже себя очень гордо держит. Чуть что, сейчас крылом, а то и носом долбанёт. Известно, пёс в другой раз созорничать захочет, зубами норovit за хвост поймать, а лебедь его по морде... Это тоже не игрушка, чтобы за хвост хватать.

— Посмотри-ка, как лебедь-то разыгрался с Собољком...

Действительно, стоило полюбоваться оригинальной картиной. Лебедь стоял, раскрыв крылья, а Собољко с визгом и лаем нападал на

него. Умная птица вытягивала шею и шипела на собаку, как это делают гуси. Старый Тарас от души смеялся над этой сценой, как ребёнок.

В следующий раз я попал на Светлое озеро уже поздней осенью, когда выпал первый снег...

Навстречу мне выскочил тот же Соболько. Теперь он узнал меня и ласково завилял хвостом ещё издали. Тарас был дома. Он чинил невод для зимнего лова.

Старик действительно имел утомлённый вид. Он казался теперь таким дряхлым и жалким... За чаем мы разговорились, и старик рассказал свою горе.

— Помнишь... лебедя-то?

— Приёмыша?

— Он самый... Ах, хороша была птица!.. А вот мы опять с Собольком остались одни... Да, не стало Приёмыша.

— Убили охотники?

— Нет, сам ушёл... Вот как мне обидно это!.. Уж я ли, кажется, не ухаживал за ним!.. Из рук кормил... Он ко мне и на голос шёл. Плавает он по озеру, — я его кликну, он и подплывает. Учёная птица. И ведь совсем привыкла... да! Уж в заморозки грех вышел. На перелёте стадо лебедей спустилось на Светлое озеро. Ну, отдыхают, кормятся, плавают, а я люблюсь. Пусть Божья птица с силой соберётся: не близкое место лететь... Мой-то Приёмыш сначала сторонился от других лебедей: подплывёт к ним и назад. Те го-

гочут по-своему, зовут его, он — домой... Дескать, у меня свой дом есть. Так дня три это у них было. Всё, значит, переговариваются по-своему, по-птичьему. Ну, а потом, вижу, мой Приёмыш за-тосковал... Вот, всё равно как человек тоскует. Выйдет это на берег, встанет на одну ногу и начнёт кричать. Да ведь так жалобно кричит...

Старик замолчал и тяжело вздохнул.

— Ну, и что же, дедушка?

— Ах, и не спрашивай... Запер я его в избушку на целый день, так он и тут донял. Станет на одну ногу у самой двери и стоит, пока не сгонишь его с места. Только вот не скажет человеческим языком: «Пусти, дедушка, к товарищам. Они-то в тёплую сторону летят, а что я с вами тут буду зимой делать?!» Ах, ты, думаю, задача! Пустить — улетит за стадом и пропадёт...

— Почему пропадёт?

— А как же. Те-то на вольной воле выросли. Их, молодые которые, отец с матерью летать учили. Ведь ты думаешь, как у них? Подрастут лебедята, — отец с матерью выведут их сперва на воду, а потом начнут учить летать. Исподволь учат: всё дальше да дальше. Своими глазами я видел, как молодых обучают к перелёту. Сначала особняком учат, потом небольшими стаями, а потом уже сгрудятся в одно большое стадо. Похоже на то, как солдат муштруют... Ну, а мой-то Приёмыш один вырос и, почитай, никуда не летал. Поплывает по озеру — только и всего ремес-

ла. Выбьется из сил, отстанет от стада и пропадёт... Непривычен к дальнему лёту.

Старик опять замолчал.

— А пришлось выпустить, — с горечью заговорил он. — Всё равно, думаю, ежели удержу его на зиму, затоскует и схиреет. Уж птица такая особенная. Ну, и выпустил. Пристал мой Приёмыш к стаду, поплавал с ними один день, а к вечеру опять домой... В последний-то раз отплыл от берега, остановился и как, братец ты мой, крикнет по-своему. Дескать: «Спасибо за хлеб, за соль!..» Только я его и видел. Остались мы опять с Собољком одни. Первое-то время сильно мы оба тосковали. Спрошу его: «Собољко, а где наш Приёмыш?» А Собољко сейчас выть... Значит, жалеет. И сейчас на берег, и сейчас искать друга милого... Мне по ночам всё грезилось, что Приёмыш-то тут вот полощется у берега и крылышками хлопает. Выйду — никого нет... Вот какое дело вышло...

- 1** Почему Мамин-Сибиряк назвал свой рассказ «Приёмыш»? Объясни.
- 2** Почему Тарас решил приютить птицу? Какие слова помогают понять, как он относился к Приёмышу? Почему старик назвал лебедя особенной птицей?
- 3** Что почувствовал Тарас, когда Приёмыш улетел? Почему герой отпустил лебедя? Как он сам объяснил свой поступок?

4 Что было правильнее:

- поступить так, как это сделал Тарас;
- подрезать лебедю крылья и навсегда сделать его ручным;
- силой удержать в сарае до зимних холодов и оставить зимовать в избушке, а весной подпустить к какой-нибудь стае лебедей?

5 Приготовься пересказать историю дружбы Соболяка и Приёмыша. Запиши план в «Рабочую тетрадь».

Вспомни! При выборочном пересказе нужно:

выделить те части текста, которые относятся к героям; определить, о чём в них говорится; расположить части по порядку и решить, как их можно объединить; подготовить план, определить, соответствует ли он содержанию текста; рассказать, опираясь на пункты плана.

6 Какими мыслями и чувствами хотел поделиться Мамин-Сибиряк с читателями? Обсудите с другом.

7 Найди и прочитай в энциклопедии статью о жизни лебедей. Перечитай описание лебедя в рассказе. Сравни, что общего и различного в этих текстах.

БАРБОС И ЖУЛЬКА

(В сокращении)

Барбос был невелик ростом, но приземист и широкогруд. Благодаря длинной, чуть-чуть вьющейся шерсти в нём замечалось отдалённое сходство с белым пуделем, но только с пуделем, к которому никогда не прикасались ни мыло, ни гребень, ни ножницы. Летом он постоянно с головы до конца хвоста бывал унизан колючими «репьями», осенью же клоки шерсти на его ногах, животе, извалявшись в грязи и потом высохнув, превращались в сотни коричневых, болтающихся сталактитов. Уши Барбоса вечно носили на себе следы «боевых схваток», а в особенно горячие периоды собачьего флирта прямо-таки превращались в причудливые фестоны. Таких собак, как он, искони и всюду зовут Барбосами. Изредка только, да и то в виде исключения, их называют Дружками. Эти собаки, если не ошибаюсь, происходят от простых дворняжек и овчарок. Они отличаются верностью, независимым характером и тонким слухом.

Жулька также принадлежала к очень распространённой породе маленьких собак, тех тонконогих собачек с гладкой чёрной шерстью и жёлтыми подпалинами над бровями и на груди, которых так любят отставные чиновницы. Основной чертой её характера была деликатная, почти застенчивая вежливость.

Это не значит, чтобы она тотчас же перевёртывалась на спину, начинала улыбаться или униженно ползала на животе, как только с ней заговаривал человек (так поступают все лицемерные, льстивые и трусливые собачонки). Нет, к доброму человеку она подходила с свойственной ей смелой доверчивостью, опиралась на его колено своими передними лапами и нежно протягивала мордочку, требуя ласки. Деликатность её выражалась главным образом в манере есть. Она никогда не попрошайничала, наоборот, её всегда приходилось упрашивать, чтобы она взяла косточку. Если же к ней во время еды подходила другая собака или люди, Жулька скромно отходила в сторону с таким видом, который как будто бы говорил: «Кушайте, кушайте, пожалуйста... Я уже совершенно сыта...» Право же, в ней в эти моменты было гораздо меньше собачьего, чем в иных почтенных человеческих лицах во время хорошего обеда.

Конечно, Жулька единогласно признавалась комнатной собачкой. Что касается до Барбоса, то нам, детям, очень часто приходилось его отстаивать от справедливого гнева старших и пожизненного изгнания во двор. Во-первых, он имел весьма смутные понятия о праве собственности (особенно если дело касалось съестных припасов), а во-вторых, не отличался аккуратностью в туалете. Этому разбойнику ничего не стоило стрескать в один присест добрую половину жареного пасхального индюка, воспитанного

с особенною любовью и откормленного одними орехами, или улечься, только что выскочив из глубокой и грязной лужи, на праздничное, белое, как снег, покрывало маминой кровати.

Летом к нему относились снисходительно, и он обыкновенно лежал на подоконнике раскрытого окна в позе спящего льва, уткнув морду между вытянутыми передними лапами. Однако он не спал: это замечалось по его бровям, всё время не перестававшим двигаться. Барбос ждал... Едва только на улице против нашего дома показывалась собачья фигура, Барбос стремительно скатывался с окошка, проскальзывал на брюхе в подворотню и полным карьером нёсся на дерзкого нарушителя территориальных законов. Он твёрдо памятовал великий закон всех единоборств и сражений: бей первый, если не хочешь быть битым, и поэтому наотрез отказывался от всяких принятых в собачьем мире дипломатических приёмов, вроде предварительного взаимного обнюхивания, угрожающего рычания, завивания хвоста кольцом и так далее. Барбос, как молния, настигал соперника, грудью сшибал его с ног и начинал грызню. В течение нескольких минут среди густого столба коричневой пыли барахтались, сплетаясь клубком, два собачьих тела. Наконец Барбос одерживал победу. В то время, когда его враг обращался в бегство, поджимая хвост между ногами, визжа и трусливо оглядываясь назад, Барбос с гордым видом возвращался на свой пост на подоконник. Правда, что

иногда при этом триумфальном шествии он сильно прихрамывал, и уши его украшались лишними фестонами, но, вероятно, тем слаще казались ему победные лавры.

Между ним и Жулькой царствовало редкое согласие и самая нежная любовь. Может быть, втайне Жулька осуждала своего друга за буйный нрав и дурные манеры, но, во всяком случае, явно она никогда этого не высказывала. Она даже и тогда сдерживала своё неудовольствие, когда Барбос, проглотив в несколько приёмов свой завтрак, нагло облизываясь, подходил к Жулькиной миске и засовывал в неё свою мокрую мохнатую морду. Вечером, когда солнце жгло не так сильно, обе собаки любили поиграть и повозиться на дворе.

Они то бегали одна от другой, то устраивали засады, то с притворно сердитым рычанием делали вид, что ожесточённо грызутся между собой.

Однажды к нам во двор забежала бешеная собака. Барбос видел её с своего подоконника, но, вместо того, чтобы, по обыкновению, кинуться в бой, он только дрожал всем телом и жалобно повизгивал. Собака носилась по двору из угла в угол, нагоняя одним своим видом панический ужас и на людей, и на животных. Люди попрятались за двери и боязливо выглядывали из-за них. Все кричали, распоряжались, давали бестолковые советы и подзадоривали друг друга. Бешеная собака тем временем уже успела

искусать двух свиней и разорвать несколько уток.

Вдруг все ахнули от испуга и неожиданности. Откуда-то из-за сарая выскочила маленькая Жулька и во всю прыть своих тоненьких ножек понеслась наперерез бешеной собаке. Расстояние между ними уменьшалось с поразительной быстротой. Потом они столкнулись... Это всё произошло так быстро, что никто не успел даже отозвать Жульку назад. От сильного толчка она упала и покатилась по земле, а бешеная собака тотчас же повернула к воротам и выскочила на улицу.

Когда Жульку осмотрели, то на ней не нашли ни одного следа зубов. Вероятно, собака не успела её даже укусить. Но напряжение героического порыва и ужас пережитых мгновений не прошли даром бедной Жульке... С ней случилось что-то странное, необъяснимое. Если бы собаки обладали способностью сходить с ума, я сказал бы, что она помешалась. В один день она исхудала до неузнаваемости; то лежала по целым часам в каком-нибудь тёмном углу, то носилась по двору, кружась и подпрыгивая. Она отказывалась от пищи и не оборачивалась, когда её звали по имени.

На третий день она так ослабела, что не могла приподняться с земли. Глаза её, такие же светлые и умные, как и прежде, выражали глубокое внутреннее мучение. По приказанию отца, её отнесли в пустой дровяной сарай...

Через час после того, как Жульку заперли, к сараю прибежал Барбос. Он был сильно взволнован и принялся сначала визжать, а потом выть, подняв кверху голову. Иногда он останавливался на минуту, чтобы понюхать с тревожным видом и настороженными ушами щель сарайной двери, а потом опять протяжно и жалостно выл.

Его пробовали отзывать от сарая, но это не помогало...

Так как дети вообще стоят к животным гораздо ближе, чем это думают взрослые, то мы первые догадались, чего хочет Барбос.

— Папа,пусти Барбоса в сарай. Он хочет проститься с Жулькой. Пустипожалуйста, папа, — пристали мы к отцу...

И мы были правы. Как только отворили дверь сарая, Барбос стремглав бросился к Жульке, бессильно лежавшей на земле, обнюхал её и с тихим визгом стал лизать её в глаза, в морду, в уши. Жулька слабо помахивала хвостом и старалась приподнять голову — ей это не удалось. В прощании собак было что-то трогательное...

Когда Барбоса позвали, он повиновался и, выйдя из сарая, лёг около дверей на земле. Он уже больше не волновался и не выл, а лишь изредка поднимал голову и как будто бы прислушивался к тому, что делается в сарае. Часа через два он опять завыл, но так громко и так выразительно, что кучер должен был достать ключи и отворить двери. Жулька лежала неподвижно на боку. Она издохла...

- 1** Как ты думаешь, почему автор подробно описал нам внешний вид каждой собаки? Можно ли было ожидать, что Жулька окажется способной на такой поступок?
- 2** Как Куприн называет отношения, сложившиеся между двумя собаками? Согласен ли ты с ним? Подтверди своё мнение примерами из текста.
- 3** О чём хотел сказать Куприн своим читателям? Обсудите с другом.
- 4** Какой рассказ Л. Толстого напоминает произведение А. Куприна? Сравни их. Запиши свои мысли в «Рабочую тетрадь».

ВЫСКОЧКА

Наша охотничья собака, лайка, приехала к нам с берегов Бии, и в честь этой сибирской реки так и называли мы её Бией. Но скоро эта Бия почему-то у нас превратилась в Бьюшку, Бьюшку все стали звать Вьюшкой. Мы с ней мало охотились, но она прекрасно служила у нас сторожем. Уйдёшь на охоту, и будь уверен: Вьюшка не пустит врага.

Весёлая собачка эта Вьюшка, всем нравится: ушки как рожки, хвостик колечком, зубки беленькие, как чеснок.

Достались ей от обеда косточки. Получая подарок, Вьюшка развернула колечко своего хвоста и опустила его вниз поленом. Это у неё означало тревогу и начало бдительности, необходимой для защиты, — известно, что в природе на кости есть много охотников.

С опущенным хвостом Вьюшка вышла на траву-мураву и занялась одной косточкой, другую же положила рядом с собой.

Тогда, откуда ни возьмись, сороки: скок, скок! — и к самому носу собаки. Когда же Вьюшка повернула голову к одной — хватать! другая сорока с другой стороны — хватать! — и унесла косточку.

Дело было поздней осенью, и сороки вывода этого лета были совсем взрослые. Держались они тут всем выводком, в семь штук, и от своих

родителей постигли все тайны воровства. Очень быстро они оклевали украденную косточку и, недолго думая, собрались отнять у собаки вторую.

Говорят, что в семье не без урода. То же оказалось и в сорочьей семье. Из семи сорок одна вышла не то чтобы совсем глупенькая, а как-то с заскоком и с пыльцой в голове.

Вот сейчас то же было: все шесть сорок повели правильное наступление, большим полукругом, поглядывая друг на друга, и только одна Вискочка поскакала дуром.

— Тра-та-та-та-та! — застрекотали все сороки.

Это у них значило:

— Скачи назад, скачи, как надо, как всему сорочьему обществу надо!

— Тра-ля-ля-ля-ля! — ответила Вискочка.

Это у неё значило:

— Скачите, как надо, а я — как мне самой хочется.

Так за свой страх и риск Вискочка подскакала к самой Вьюшке в том расчёте, что Вьюшка, глупая, бросится на неё, выбросит кость, она же изловчится и кость унесёт.

Вьюшка, однако, замысел Вискочки хорошо понимала и не только не бросилась на неё, но, заметив Вискочку косым глазом, освободила кость и поглядела в противоположную сторону, где правильным полукругом, как бы нехотя — скок и подумают,— наступали шесть умных сорок.

Вот это мгновение, когда Вьюшка отвернула голову, Вискочка улучила для своего нападения.

Она схватила кость и даже успела повернуться в другую сторону, успела ударить по земле крыльями, поднять пыль из-под травы-муравы.

И только бы ещё одно мгновение, чтобы подняться на воздух, только бы одно мгновеньишко! Вот только-только бы подняться сороке, как Вьюшка схватила её за хвост, и кость выпала...

Выскочка вырвалась, но весь радужный длинный сорочий хвост остался у Вьюшки в зубах и торчал из пасти её длинным острым кинжалом.

Видел ли кто-нибудь сороку без хвоста? Трудно даже вообразить, во что превращается эта блестящая пёстрая и проворная воровка яиц, если ей оборвать хвост. Ничего сорочьего не ос-

таётся тогда в этой птице, и ни за что в ней не узнаешь не только сороку, а и какую-нибудь птицу: это просто шарик пёстрый с головкой.

Бесхвостая Выскочка села на ближайшее дерево, все другие шесть сорок прилетели к ней. И было видно по всему сорочьему стрекотанью, по всей суете, что нет в сорочьем быту большего срама, как лишиться сороке хвоста.

- 1 Почему Пришвин назвал свой рассказ «Выскочка»? Объясни.
- 2 Как автор описывает Вьюшку, её поведение и повадки? Как у собаки появилась такая кличка?
- 3 Что произошло с Вьюшкой? Как она проявила себя в ситуации с сорокой?
- 4 Что ты узнал о Выскочке? Какое чувство вызвала у тебя сорока? Случайно ли писатель так назвал её?
- 5 На что рассчитывала Выскочка, приближаясь к собаке? Какой момент в рассказе самый напряжённый? Почему ты так считаешь?
- 6 Как рассказчик относится к Вьюшке и Выскочке: **с любовью, юмором, насмешкой, нежностью, состраданием**? Объясни.
- 7 Почему история, которую рассказал Пришвин, закончилась таким образом? Придумай другой конец. Запиши план рассказа в «Рабочую тетрадь».

КАБАН

Я рисую животных.

Рано... Часов в семь-восемь в зоосаду никого не бывает. Рисовать удобно. Никто через плечо не заглядывает, не спрашивает. Хорошо!

Только звери в клетках да я.

Рисую я оленя марала, Серёжку.

У него рога новые. Каждый год олени меняют рога. Старые отваливаются, а новые вырастают, сначала мягкие, тёплые, живые, не рога, а кровяной какой-то студень в кожаном пушистом чехле.

Потом студень твердеет, становится настоящим рогом, а кожа отпадает.

Сейчас у Серёжки на рогах кожа висит клочьями.

Утром все звери играют. Ягуар шар деревянный катает в клетке. Гималайский медведь-губач стоит на голове. Днём, при народе, он за конфетку стоит, — а сейчас сам забавляется.

Слон боком сторожа к стене придавил, метлу отнял и съел. Волки по клетке бегают, кружат: в одну сторону — в другую, в одну — в другую, рысью, быстро.

В общей птичьей загородке танцуют журавли-красавки, подпрыгивают, вертятся. А наш серый журавль их унимает. Баловства не любит. Чуть где-нибудь непорядок — суета или драка, — он не

торопясь пришагает и ткнёт кого надо клювом. Начальник-птица! За это его и на птичьих дворах часто держат начальником.

У оленя Серёжки в рогах зуд. Он их чешет. Изгибается весь передо мной: то на меня бросится — пугает, то шею вытянет, приподнимает ноздри, противно сопит. Тоже пугает,— а может, подраться зовёт.

Забьёт передними острыми копытами землю, начнёт скакать по загородке телёнком и хвост поднимет. А сам чуть не с лошадь.

Интересно мне рисовать!

Рисую — и ничего не вижу, кроме оленя.

Хрустнуло что-то сзади. Оглянулся. И ничего не могу понять. Идут на меня шесть кабанов гуськом, передний в пяти шагах от меня.

А решётка-то где перед ними? А решётки-то нет! Вырвались на волю!

Всё у меня из рук попадало. И полез я на Серёжкину загородку. Залез и сижу.

Подо мной с одной стороны Сергей буянит, на задних ногах ходит, меня хочет сшибить с загородки, растоптать, забодать.

Пена изо рта тянется.

А с другой — кабаны.

Громадные, с жёлтыми клыками, в щетине, в щётке. Толпятся, на меня не смотрят, не умеют голову поднимать, смотреть вверх. Сверху узкие, как рыбы, — только клыки торчат в стороны.

Прощай, моя акварель! Сжевали вместе с деревянным ящиком.

А что если меня или ещё кого-нибудь так сжуют?

Делать что-то надо! Да что делать-то? Заорать — прибежит кто-нибудь на крик, а они — на него. Догонят, повалят!

Полезу лучше к забору. К забору — по загородке, за забором улица. По телефону в пожарную часть позвоню, администрации скажу...

Ползу, перебираюсь по загородке, будто по небоскрёбу. Свалишься — тут и смерть тебе: справа Сергей сопит, танцует, слева кабаны чавкают, идут толпой.

Верхняя доска на загородке подо мной качаться стала, старая совсем; вспотел я со страху.

Вдруг — крик!

— Сашка, Машка, Яшка, Прошка, Акулька!

Чуть я не слетел! Едва-едва удержался. Маленький парнишка забежал в кабанью толпу и стегает кабанов хворостиной.

— Обратно! — кричит. — Я вас!

Повернулись кабаны. Простыми свиньями побежали в свой хлев — в свою клетку.

А парнишка их подгоняет прутиком.

Похрюкивают кабаны, бегут, хвостиками вертят.

Загнал в клетку и запер.

Тут я быстро-быстро с решётки слез, чтобы парнишка не заметил, и ходу из сада.

Стыдно стало. Кабаны-то ручные!

- 1 Почему рассказ называется «Кабан»? Предложи свой вариант названия.
- 2 О каких обитателях зоосада идёт речь в рассказе? Проведи исследование и заполни таблицу в «Рабочей тетради».
- 3 Прочитай эпизод рассказа, который вызвал улыбку.
- 4 Можно ли назвать этот рассказ юмористическим? В чём особенность юмористических рассказов? Обсудите с другом.
- 5 Составь самостоятельно научно-познавательный текст об одном из обитателей зоосада. Сравни свой текст с текстом из энциклопедии.

СТРИЖОНОК СКРИП

Стрижонок вылупился из яичка в тёмной норке и удивлённо пискнул. Ничего не было видно. Лишь далеко-далеко тускло мерцало пятнышко света. Стрижонок испугался этого света, плотнее приник к тёплой и мягкой маме-стрижихе. Она прижала его крылышком к себе. Он задремал, угревшись под крылом. Где-то шёл дождь, падали одна за другой капли. И стриженку казалось, что это мама-стрижиха стучит клювом по скорлупе яйца. Она так же стучала, перед тем как выпустить его наружу.

Стрижонок проснулся оттого, что ему стало холодно. Он пошевелился и услышал, как вокруг него завопили и запищали голенькие стрижата, которых мама-стрижиха тоже выклевала из яиц.

А самой мамы не было.

— Скрип! — позвал её стрижонок.

— Скрип! Скрип! Скрип! — повторили за ним братья и сёстры.

Видно, всем понравилось, что они научились звать маму, и они громче и дружнее запищали:

— Скрип! Скрип! Скрип!

И тут далёкое пятнышко света потухло. Стрижата притихли.

— Скрип! — слышалось издалека.

«Так это же мама прилетела!» — догадались стрижата и запищали веселей.

Мама принесла в клюве капельку дождя и отдала её Скрипу — первому стрижонку.

Какая это была вкусная капля! Стрижонки Скрип проглотил её и пожалел, что капля такая маленькая.

— Скрип! — сказал он. Ещё, мол, хочу.

— Скрип-скрип! — радостно ответила мама-стрижиха. Сейчас, дескать, сейчас.

И опять её не стало. И опять стрижата тоскливо запищали. А первый стрижонки кричал громче всех. Ему очень уж понравилось, как мама-стрижиха поила его из клюва.

И когда снова закрылся свет вдали, он что было духу закричал:

— Скрип! — и даже полез навстречу маме. Но тут же был откинут крылом на место, да так бесцеремонно, что чуть было кверху лапками не опрокинулся. И каплю вторую мама-стрижиха отдала не ему, а другому стрижонку.

Обидно. Примолк стрижонки Скрип, рассердился на маму и братьев с сестрёнками, которые тоже, оказывается, хотели пить. Когда мама принесла мошку и отдала её другому стрижонку, Скрип попытался отнять её. Тогда мама-стрижиха так долбанула Скрипа клювом по голове, что у него пропала всякая охота отбирать еду у других.

Понял стрижонки, какая у них серьёзная и строгая мама. Её не разжалобишь писком.

Так начал жизнь в норке стрижонки Скрип вместе с братьями и сёстрами.

Таких норок в глиняном берегу над рекой было очень много. В каждой норке жили стрижата, а точнее, ласточки-береговушки. И были у них папы и мамы. А вот у стришонка Скрипа папы не было. Его сшибли из рогатки мальчишки. Он упал в воду, и его унесло куда-то. Конечно, стрижата не знали об этом.

Маме-стрижихе было очень тяжело одной прокормить детей. Но она была хорошая мать. С рассвета и до вечера носилась она над берегом и водой, схватывала на лету мошек, комариков, дождевые капли. Приносила их детям. А мальчишки, сидевшие с удочками на берегу, думали, что стрижиха и все стрижи играют над рекой.

Стришонок Скрип подрос. У него появились перья, и ему всё время хотелось есть. Иногда ему удавалось отобрать у братца или сестрёнки мошку, и тогда они жалобно и недовольно пищали. За это Скрипу попадало от мамы-стрижихи. Но ему так хотелось есть, так хотелось есть!

А ещё ему хотелось выглянуть из норки и посмотреть, что же оно там такое, дальше этого пятнышка света, откуда мама-стрижиха приносит еду и ветреные запахи на крыльях.

Пополз стришонок Скрип. И чем дальше он полз, перебирая слабыми лапками, тем больше и ярче делался свет.

Боязно!

Но Скрип был храбрый стришонок, он полз и полз. Наверное, он выпал бы из норки и раз-

бился, как разбиваются такие вот неразумные птенцы. Но тут появилась мама-стрижиха, схватила его, уволокла в глубь норки — и раз-раз его клювом по голове. Сказала сердито:

— Скрип-скрип! — и ещё по голове, и ещё по голове.

Очень рассердилась мама-стрижиха, очень сильно была Скрипа. Должно быть, там, за норкой, опасно, раз мама-стрижиха так волнуется. Конечно, откуда Скрипу было знать, сколько врагов у маленьких проворных стрижей!

Сидит на вершине берёзы страшный быстрый сокол и подстерегает их. Скоком-прыгом подходит к норкам клюватая ворона. Тихо ползёт меж камней чёрная гадюка.

Побольше подрос Скрип, догадываться стал об этом. Ему делалось жутко, когда там, за норкой, раздавалось пронзительное «тиу!». Тогда мама-стрижиха бросала всё, даже мошку или каплю воды, и, тоже крикнув грозное «тиу!», мчалась из норки.

И все стрижи с криком «тиу!» высыпали из норок и набрасывались на врага. Пусть этот враг хоть сокол, хоть коршун, хоть кто, пусть он хоть в сто раз больше стрижей, они всё равно не боялись его. Дружно налетали стрижи, все как один. Коршун и ворона скорей-скорей убирались в лес, а гадюка пряталась под камень и со страху шипела.

Однажды мама-стрижиха вылетела на битву с врагом — разбойником соколом.

Сокол был не только быстрым, но и хитрым. Он сделал вид, что отступает. Вожак стрижей — Белое брюшко — дал отбой, крикнув победоносное «тиу!». Но мама-стрижиха ещё гналась за соколом, чтобы уж навсегда отвадить его летать к стрижиным норкам.

Тут сокол круто развернулся, ударил маму-стрижиху и унёс в когтях. Только щепотка перьев кружилась в воздухе. Перья упали в воду, и их унесло...

Долго ждал стрижонок Скрип маму. Он звал её. И братцы и сестрёнки тоже звали. Мама-стрижиха не появлялась, не приносила еду.

Потускнело пятнышко света. Настала ночь. Утихло всё на реке. Утихли стрижи и стрижа-

та, пригретые папами и мамами. И только Скрип был с братьями и сестрёнками без мамы. Сбились в кучу стрижата. Холодно без мамы, голодно. Видно, пропадать придётся.

Но Скрип ещё не знал, какой дружный народ стрижи! Ночью к ним нырнул вожак Белое брюшко, пощекотал птенцов клювом, обнял их крыльями, и они пригрелись, уснули. А когда рассвело, в норку к Скрипу наведальась соседка-стрижиха и принесла большого комара. Потом залетали ещё стрижи и стрижихи и приносили еду и капли воды. А на ночь к осиротевшим стрижатам снова прилетел вожак Белое брюшко.

Выросли стрижата. Не пропали. Пришла пора покидать им родную норку, как говорят, становиться на крыло — самим добывать себе пищу и строить свой дом.

Это было радостно и жутко!

Скрип помнит, как появился в норке вожак Белое брюшко. Вместо того чтобы дать ему мошку или капельку, он ухватил Скрипа за шиворот и поволок из норки. Скрип упирался, пищал. Белое брюшко не обращал внимания на писк Скрипа, подтащил его к устью норки и вытолкнул наружу.

Ну что было делать Скрипу! Не падать же! Он растопырил крылья и... полетел! И тут на него набросились все стрижи, старые и молодые. Все-все! И погнали его от норки всей стайей навстречу ветру, навстречу ослепительному солнцу.

— Скрип! Скрип! — испуганно закричал стригонок, захлебнувшись ветром, и увидел под собою воду. — Скрип! Скрип!

«А если я упаду?» — с ужасом подумал он.

Но стрижи не давали ему упасть. Они гоняли его кругами над водой, над берегом, над лесом.

Потом крики стрижей остались позади. Свист крыльев и гомон птичий угасли. И тут стригонок Скрип с удивлением увидел, что он уже сам, один, летает над рекой! И от этого сделалось так радостно, что он взмыл высоко-высоко и крикнул оттуда солнцу, реке, всему миру: «Скрип!» — и закружился, закружился над рекой, над лесом. Даже в облако один раз залетел. Но там ему не понравилось — темновато и одиноко. Он спикировал вниз и заскользил над водою, чуть не касаясь её брюшком.

А потом Скрип и сам стал помогать стригам — вытаскивал из норок стрижат и тоже гнал их над рекой вместе со всеми стрижами и кричал:

— Скрип! Скрип! Держи его! Догоняй!..

И ему было весело смотреть, как метались и заполошно кричали молоденькие стрижата, обретая полёт, вечный полёт.

Скрип много съел в этот день мошек, много выпил воды. Ел и пил он жадно, потому что стрижи всегда в движении, всегда в полёте, и оттого надо им всё время есть, всё время пить. Но день кончился. Он ещё раз плюхнулся белым брюшком на воду, схватил капельку воды, отряхнулся и поспешил к своей норке. Но

найти её не смог. Ведь снаружи он никогда не видел свою норку, а сейчас все норки казались ему одинаковыми. Норок много, разве их различишь?

Скрип сунулся в одну норку — не пускают, в другую — не пускают. Все стрижиные дома заняты. Что же делать? Не ночевать же на берегу? На берегу страшно. В норке лучше.

И Скрип начал делать свою норку. Выскребал глину остренькими когтями, выклёвывал её и уносил к воде, снова возвращался к яру и опять клевал, скрёб, а в землю подался чуть-чуть.

Устал Скрип, есть захотел и решил, что такой норки ему вполне хватит. Он немного покормился над рекой и завалился спать в свою совсем ещё не глубокую норку.

Неподалёку рыбачили мальчишки. Они пришли к стрижиному яру. Один мальчишка засунул руку в норку и вынул Скрипа. Что только пережил Скрип, пока его держали в руках и поглаживали, как ему казалось, громадными пальцами!

Но ничего попались ребяташки, хорошие, выпустили Скрипа. Он полетел над рекой и со страху крикнул:

— Тиу!

Все стрижи высыпали из норок, глядят — никого нет. Ребяташки уже ушли, сокол не летает. Чуть было не побиили стрижи Скрипа, но пожалели — молодой ещё.

Тут понял Скрип, что в маленькой норке не житьё, и принялся снова работать. Он так много

раз подлетал к своей норке, чтобы унести глину, так пробивался в глубь яра, что норку эту отличал уже ото всех.

Как-то опять пришли мальчишки, засунули руку, чтобы вытащить Скрипа, а достать не могут. Скрип вертел головою и, должно быть, насмешливо думал: «Шалишь, братцы мальчишки! И вообще совесть надо иметь!»

Хорошо, спокойно жилось в своей норке. Теперь Скрип наедаясь и напиваясь досыта, сделался стремительным, сильным. Но вот отчего-то сделались беспокойными стрижи.

Они почти не находились в норках, а всё летали, кружились, лепились на проводах и часами сидели молча, прижавшись один к одному. А потом с визгом рассыпались в разные стороны, присаживались к осенним лужам, заботливо клевали глину, и снова сбивались в стаи, и снова тревожно кружились. Эта тревога передалась и Скрипу. Он стал ждать, сам не зная чего, и в конце августа, на рассвете, вдруг услышал призывный голос вожака Белое брюшко.

— Тиу! — крикнул вожак.

В голосе его на этот раз не было угрозы. Он звал в отлёт.

Взмыл Скрип и видит: всё небо клубится. Тучи стрижей летят к горизонту.

— Тиу! — звал вожак.

И стайка Скрипа помчалась вдаль, смешалась с другими стаями. Стрижей было так много, что

они почти заслонили собой разгорающуюся в небе зарю.

— Скрип! Скрип! — тревожно и тоскливо кричали стрижи, прощаясь до следующего лета с родным краем.

— Скрип! До свидания! — крикнул и стрижонок Скрип и помчался за леса, за горы, за край земли.

— До свидания, Скрип! До свидания! Прилетай в свою норку! — кричали вслед Скрипу мальчишки-рыбаки.

Стрижи улетают в одну ночь и уносят с собою лето. Прилетают они в одну ночь и приносят с собою лето.

Скучно без стрижей на реке. Чего-то не хватает.

Где ты, маленький Скрип? В каких краях и странах? Возвращайся скорее! Приноси нам на крыльях лето!

1 Как стрижонок Скрип появился на свет? Как прошли первые дни его жизни? Чему важному хотела научить стрижонка мама?

- 2** Какие слова выбирает автор, чтобы рассказать о стриже? Согласен ли ты с тем, что она была хорошей матерью? Объясни.
- 3** Почему стрижата остались одни? Как писателю удаётся показать, что стрижи очень дружные?
- 4** Как стрижонок Скрип научился летать? Какие слова помогают понять его состояние?
- 5** Почему Скрип оказался в руках ребят? Что он почувствовал в этот момент?
- 6** Как писатель относится к поступку мальчиков? Обсудите с другом.
- 7** Отчего стрижи стали беспокоиться? Почему, прощаясь с родным краем, они кричали тревожно и тоскливо? Для чего автор выбрал именно эти слова?
- 8** Подумай, что Астафьев мог наблюдать в жизни, а что создал своим воображением, фантазией, когда сочинял историю про стрижонок Скрипа. Как писатель, используя приём олицетворения, «оживил» историю?
- 9** Что ты можешь сказать об авторе этого произведения? Какой он человек? Как относится к природе? Где ты будешь искать информацию? Запиши в «Рабочую тетрадь».
- 10** Раздели текст на части, озаглавь каждую из них. С помощью плана перескажи произведение от имени стрижонок Скрипа. С каких слов ты начнёшь свой рассказ? Почему?

ПРОВЕРИМ СЕБЯ

И ОЦЕНИМ СВОИ ДОСТИЖЕНИЯ

1. Объясни название раздела. Можно ли его озаглавить иначе? Почему? Что объединяет произведения, включённые в данный раздел?
2. Как ты думаешь, автор какого текста: художественного или научно-познавательного — будет использовать эпитеты, сравнения и олицетворения при описании природы, животных, птиц и растений? Объясни. Приведи примеры из текстов.
3. Представь, что могло произойти с Приёмышем, о котором рассказал Мамин-Сибиряк, дальше. Случилось ли так, как думал Тарас, или Приёмыш, умная и сильная птица, благополучно добрался до места зимовки?
4. Если бы тебя попросили озаглавить рассказ Куприна, какое название ты бы ему дал? Какое заглавие придумал твой друг. Обсудите.
5. Какие произведения Чарушина ты читал раньше? Можно ли сказать, что автор с юмором относится к своим героям? Почему ты так думаешь?
6. Вспомни рассказ Астафьева, который ты прочитал в прошлом году. Что его сближает с произведением «Стрижонок Скрип»? Что хотел сказать читателям автор, когда создавал свои произведения? Обсудите с другом.
7. Составь рассказ о произведениях Пришвина. В этом тебе помогут вопросы:
 - Что интересует Пришвина? О чём он пишет? Как объяснил писатель свой интерес к

жизни природы в рассказе «Родина»?

- Чем этот рассказ отличается от других произведений автора? Какие важные мысли он в нём высказал?

- Как в рассказе «Ребята и утята» Пришвину удаётся убедить читателей в необходимости охранять природу?

- Можем ли мы сказать, что писатель живо интересуется жизнью животных и птиц, что он очень наблюдательный и внимательный человек? Приведи примеры из прочитанных рассказов.

- Как относится Пришвин к своим героям: **по-доброму, с юмором, равнодушно, зло, с нежностью, с состраданием?** Почему ты так думаешь?

- Что объединяет произведения писателя? Зачем он их создал?

 8. Дополни свой рассказ о творчестве Пришвина некоторыми сведениями о его жизни. Найди такой материал в энциклопедическом словаре. Запиши его в «Рабочую тетрадь».

 На какие сведения ты обратишь особое внимание? Почему? Какой материал использовали в своём рассказе твои одноклассники?

 9. Напиши отзыв на понравившийся рассказ Пришвина. Запиши его в «Рабочую тетрадь».

Поэтическая тетрадь

Мы познакомимся с лирическими произведениями русских поэтов XX века; узнаем, что сближает разные виды искусства.

Мы научимся:

- определять в стихотворении настроение и чувства поэта.

Мы будем учиться:

- сравнивать произведения живописи и литературы;
- составлять рассказ по картине с использованием слов и выражений авторского текста.

БОРИС ЛЕОНИДОВИЧ ПАСТЕРНАК

ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ

Осень. Сказочный чертог,
Всем открытый для обзора.
Просеки лесных дорог,
Заглядевшихся в озёра.

Как на выставке картин:
Залы, залы, залы, залы
Вязов, ясеней, осин
В позолоте небывалой.

Липы обруч золотой —
Как венец на новобрачной.
Лик берёзы — под фатой
Подвенечной и прозрачной.

Погребённая земля
Под листвой в канавах, ямах.
В жёлтых клёнах флигеля,
Словно в золочёных рамах.

Где нельзя ступить в овраг,
Чтоб не стало всем известно:
Так бушует, что ни шаг,
Под ногами лист древесный.

Где звучит в конце аллея
Эхо у крутого спуска
И зари вишнёвый клей
Застывает в виде сгустка.

Осень. Древний уголок
Старых книг, одежд, оружия,
Где сокровищ **каталог**
Перелистывает стужа.

- 1 Поразмышляй, почему поэт воспринимает осень, как «сказочный чертог»?
- 2 Найди эпитеты и сравнения, которые использует Пастернак для создания картины осени.
- 3 Рассмотрите репродукцию. Ответь на вопросы в «Рабочей тетради» и составь рассказ по картине.

В. Борисов-Мусатов. Осенняя песня

СЕРГЕЙ АНТОНОВИЧ КЛЫЧКОВ

ВЕСНА В ЛЕСУ

Снег обтаял под сосною,
И тепло на мягком мху,
Рано в утренник весною
Над опушкою лесною
Гаснут звёзды наверху.

Соберутся зайцы грудой
Под капелью и теплом,
Громче дятел красногрудый
Застучит в сухой и рудый
Ствол со щелью и дуплом.

И медведь с хребтом багровым
Встанет, щурясь, в лому,
По болотам, по дубровам
Побродить с тягучим рёвом
И с очей согнать дрему.

Как и я уйду весною
В яр дремучий до зари
Поглядеть, как никнет хвоя,
Как в истоме клохчут сои
И кружатся глухари.

Как гуляет перед бором
Чудный странничек в кустах:
В золотых кудрях с пробором,
В нарукавнице с узором,
Со свирелкой на устах.

- 1 Какие картины изображает поэт? Как ему удаётся показать, что наступает весна и природа оживает?
- 2 Как ты думаешь, с каким чувством рассказывает автор о приходе весны?
- 3 Сравни репродукцию картины и стихотворение.

Н. Крымов. К весне

ДМИТРИЙ БОРИСОВИЧ КЕДРИН

БАБЬЕ ЛЕТО

Наступило Бабье лето —
Дни прощального тепла.
Поздним солнцем отогрета,
В щёлке муха ожила.

Солнце! Что на свете слаже
После зябкого денька?..
Паутинок лёгких пряжа
Обвилась вокруг сучка.

Завтра хлынет дождик быстрый,
Тучей солнце заслоня.
Паутинкам серебристым
Жить осталось два-три дня.

Сжался, осень! Дай нам света!
Защити от зимней тьмы!
Пожалей нас, Бабье лето;
Паутинки эти — мы.

- 1 Как поэту удаётся показать, что осень скоро уступит место зиме?
- 2 Какие слова помогают понять настроение и чувства автора?

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ РУБЦОВ

СЕНТЯБРЬ

Слава тебе, поднебесный
Радостный краткий покой!
Солнечный блеск твой чудесный
С нашей играет рекой,
С рощей играет багряной,
С россыпью ягод в сенях,
Словно бы праздник нагрел
На златогривых конях!
Радуюсь громкому лаю,
Листьям, корове, грачу
И ничего не желаю,
И ничего не хочу!
И никому не известно
То, что, с зимой говоря,
В бездне таится небесной
Ветер и грусть октября...

- 1 Какое настроение у поэта? Почему в тексте так много восклицательных предложений?
- 2 Перечитай последние четыре строчки. Меняется ли настроение автора? Какие слова помогают это понять?

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЕСЕНИН

ЛЕБЁДУШКА

Из-за леса, леса тёмного,
Подымалась красна зорюшка,
Рассыпала ясной радугой
Огоньки-лучи багровые.

Загорались ярким пламенем
Сосны старые, могучие,
Наряжали сетки хвойные
В покрывала златотканые.

А кругом роса жемчужная
Отливала блёстки алые,
И над озером серебряным
Камыши, склонясь, шептались.

В это утро вместе с солнышком
Уж из тех ли тёмных зарослей
Выплывала, словно зоренька,
Белоснежная лебёдушка.

Позади ватагой стройною
Подвигались лебежатушки,
И дробилась гладь зеркальная
На колечки изумрудные.

И от той ли тихой заводи,
Посередь того ли озера,
Пролегла струя далёкая
Лентой тёмной и широкою,

Уплывала лебедь белая
По ту сторону раздольную,
Где к затону молчаливому
Прилегла трава шелковая.

У побережья зелёного,
Наклонив головки нежные,
Перешёптывались лилии
С ручейками тихозвонными.

Как и стала звать лебедушка
Своих малых лебежатушек
Погулять на луг пестреющий,
Пощипать траву душистую.

Выходили лебежатушки
Теребить траву-муравушку,
И росинки серебристые,
Словно жемчуг, осыпалися.

А кругом цветы лазоревы
Распускали волны пряные
И, как гости чужедальные,
Улыбались дню весёлому.

И гуляли детки малые
По раздолью по широкому,

А лебёдка белоснежная,
Не спуская глаз, дозорила.

Пролетал ли коршун рощею,
Иль змея ползла равниною,
Гоготала лебедь белая,
Созывая малых детушек.

Хоронились лебежатушки
Под крыло ли материнское,
И когда гроза скрывалась,
Снова бегали-резвилисья.

Но не чуюла лебёдушка,
Не видала оком доблестным,
Что от солнца золотистого
Надвигалась туча чёрная —

Молодой орёл под облаком
Расправлял крыло могучее
И бросал глазами молнии
На равнину бесконечную.

Видел он у леса тёмного,
На пригорке у расщелины,
Как змея на солнце выползла
И свилась в колечко, грелась.

И хотел орёл со злобою
Как стрела на землю кинуться,
Но змея его заметила
И под кочку притаилась.

Взмахом крыл своих под облаком
Он расправил когти острые
И, добычу поджидая,
Замер в воздухе распластанный.

Но глаза его орлиные
Разглядели степь далёкую,
И у озера широкого
Он увидел лебедь белую.

Грозный взмах крыла могучего
Отогнал седое облако,
И орёл, как точка чёрная,
Стал к земле спускаться кольцами.

В это время лебедь белая
Оглянула гладь зеркальную
И на небе отражавшемся
Увидала крылья длинные.

Встрепенулася лебёдушка,
Закричала лебежатушкам,
Собралися детки малые
И под крылья схоронилися.

А орёл, взмахнувши крыльями,
Как стрела на землю кинулся,
И впилися когти острые
Прямо в шею лебединую.

Распустила крылья белые
Белоснежная лебёдушка

И ногами помертвелыми
Оттолкнула малых детушек.

Побежали детки к озеру,
Понеслись в густые заросли,
А из глаз родимой матери
Покатились слёзы горькие.

А орёл когтями острыми
Раздирал ей тело нежное,
И летели перья белые,
Словно брызги, во все стороны.

Колыхалось тихо озеро,
Камыши, склонясь, шептались,
А под кочками зелёными
Хоронились лебеджатушки.

- 1** Не напоминает ли тебе стихотворение Есенина народную песню или сказку? Найди в произведении слова и выражения, близкие к тем, что используются в фольклорных произведениях.
- 2** Перечитай начало стихотворения. Какую картину изображает поэт? Какие эпитеты и сравнения помогают ему описать красоту наступающего утра? Предвещало ли оно беду?
- 3** Что необычного в изображении лебедушки? Как автору удаётся показать, что она была хорошей матерью? Как поэт относится к лебедушке? Обсудите с другом. В каких словах это передаётся?

- 4** Приготовься к выразительному чтению стихотворения Есенина. Реши, как ты будешь читать: громко или тихо, медленно или быстро. Подумай, какие слова ты выделишь голосом, какое настроение постарайся передать. Объясни своё мнение.

ПРОВЕРИМ СЕБЯ

И ОЦЕНИМ СВОИ ДОСТИЖЕНИЯ

- 1.** С произведениями каких поэтов ты познакомился в данном разделе? Имена каких авторов ты узнал впервые? Какое стихотворение тебе особенно запомнилось? Почему?
- 2.** Что объединяет стихотворения Пастернака, Рубцова и Кедрина? А чем они, по твоему мнению, различаются? Объясни.
- 3.** Понравилось ли тебе произведение Клычкова? Какие стихотворения о ранней весне ты читал раньше? Какое тебе особенно запомнилось? Почему? Приготовься прочитать его выразительно в классе.
- 4.** Что такое описание и повествование? Подумай, какие из прочитанных стихотворений являются описаниями природы, чувств поэта, а в каком главным становится повествование о событиях из жизни героев?
- 5.** Вспомни, что такое стихотворение. Что нового ты можешь добавить к своим знаниям о стихотворных произведениях? Запиши в «Рабочую тетрадь».

Родина

Мы познакомимся с произведениями о Родине известных русских поэтов и писателей.

Мы научимся:

- читать стихи, передавая чувство гордости за свою великую Родину;
- рассказывать о Родине, используя прочитанные произведения и собственные мысли.

Мы будем учиться:

- делать сообщения по итогам самостоятельной исследовательской работы;
- писать сценарии тематических вечеров.

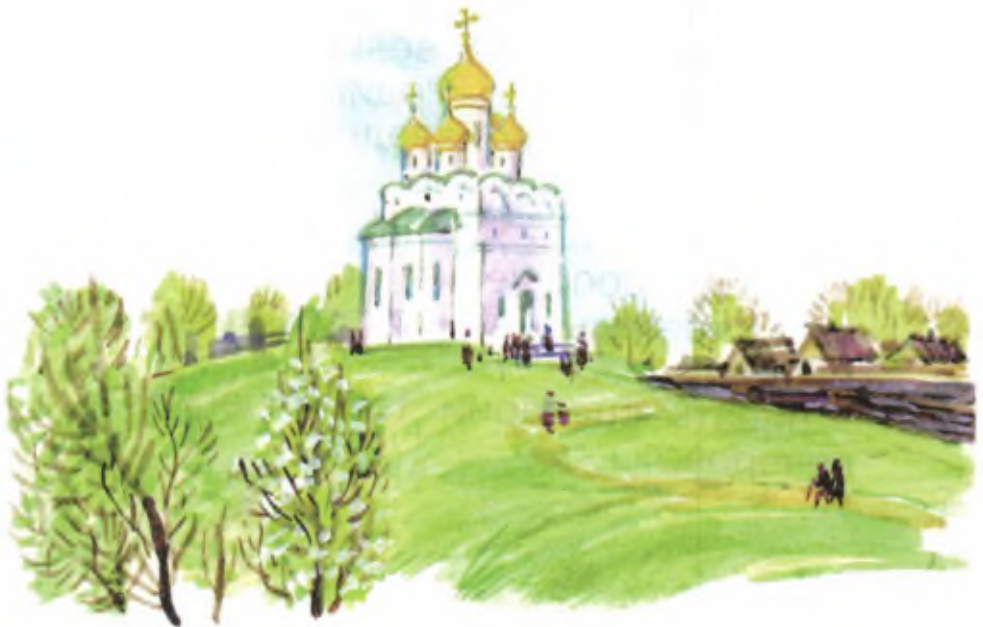

ИВАН САВВИЧ НИКИТИН

РУСЬ

Под большим шатром
Голубых небес —
Вижу — даль степей
Зеленеется.

И на гранях их,
Выше тёмных туч,
Цепи гор стоят
Великанами.

По степям в моря
Реки катятся,
И лежат пути
Во все стороны.

Посмотрю на юг —
Нивы зрелые,
Что камыш густой,
Тихо движутся;

Мурава лугов
Ковром стелется,
Виноград в садах
Наливается.

Гляну к северу —
Там, в глуши пустынь,
Снег, что белый пух,
Быстро кружится;

Подымает грудь
Море синее,
И горами лёд
Ходит по морю;

И пожар небес
Ярким заревом
Освещает мглу
Непроглядную...

Это ты, моя
Русь державная,
Моя родина
Православная!

Широко ты, Русь,
По лицу земли
В красе царственной
Развернулася!

У тебя ли нет
Поля чистого,
Где б разгул нашла
Воля смелая?

У тебя ли нет
Про запас казны,
Для друзей стола,
Меча недругу?

У тебя ли нет
Богатырских сил,
Старины святой,
Громких подвигов?

Перед кем себя
Ты унизила?
Кому в чёрный день
Низко кланялась?

На полях своих,
Под курганами,
Положила ты
Татар полчища.

Ты на жизнь и смерть
Вела спор с Литвой
И дала урок
Ляху гордому.

И давно ль было,
Когда с Запада
Облегла тебя
Туча тёмная?

Под грозой её
Леса падали,
Мать сыра земля
Колебалась,

И зловещий дым
От горевших сёл
Высоко вставал
Чёрным облаком!

Но лишь кликнул царь
Свой народ на брань —
Вдруг со всех концов
Поднялася Русь.

Собрала детей,
Стариков и жён,
Приняла гостей
На кровавый пир.

И в глухих степях,
Под сугробами,
Улеглись спать
Гости навеки.

Хоронили их
Вьюги снежные,
Бури севера
О них плакали!..

И теперь среди
Городов твоих
Муравьём кишит
Православный люд.

По седым морям
Из далёких стран
На поклон к тебе
Корабли идут.

И поля цветут,
И леса шумят,
И лежат в земле
Груды золота.

И во всех концах
Света белого
Про тебя идёт
Слава громкая.

И уж есть за что,
Русь могучая,
Полюбить тебя,
Назвать матерью.

Стать за честь твою
Против недруга,
За тебя в нужде
Сложить голову!

- 1 Можно ли сказать, что стихотворение Никитина о Родине, о России? Какой видит Русь автор: **необъятной, великой, непобедимой, самоотверженной, красивой, достойной восхищения**? Найдите и прочитайте слова, подтверждающие вашу мысль.
- 2 Какие слова выбирает поэт, рассказывая о том, что никто не мог завоевать Русскую землю?
- 3 Какие чувства и мысли владели автором, когда он создавал своё произведение? Почему ты так думаешь?

СПИРИДОН ДМИТРИЕВИЧ ДРОЖЖИН

РОДИНЕ

Как не гордиться мне тобой,
О Родина моя!
Когда над Волгою родной
Стою, недвижим, я.

Когда молитвенно свой взор
Бросаю в небеса,
На твой чарующий простор,
На тёмные леса.

Как хороша ты в тёплый день
На празднике весны,
Среди приветных деревень
Родимой стороны!

Как бодро дышится, когда
На поле весь народ
Среди свободного труда
Все силы отдаёт!

Каким восторгом мою грудь
Ты наполняешь мне,
Когда хочу я отдохнуть
С тобой наедине!..

Я в каждом шелесте листов
Твой голос узнаю.
Хожу среди твоих лугов,
Мечтаю и пою.

Во всей в тебе и мощь видна,
И сила с красотой,
Недаром ты и названа
Великой и святой.

- 1 Как поэт относится к Родине? Какие слова он находит для того, чтобы передать свои чувства?
- 2 Какой изображает автор родную землю? Что ему особенно дорого?
- 3 Как ты прочитаешь стихотворение Дрожжина? Какое настроение выразишь при чтении? Объясни.

ГОДАМИ ВЪ ВОЮЮЩЕМЪ И КНЯЗЮ ПОЖАРСКОМУ
БЫВАЮЩЕМЪ Р. ССІВ. АРТА. 1818

АНАТОЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ЖИГУЛИН

О, Родина! В неярком блеске
Я взором трепетным ловлю
Твои просёлки, перелески —
Всё, что без памяти люблю:

И шорох рощи белоствольной,
И синий дым в дали пустой,
И ржавый крест над колокольней,
И низкий холмик со звездой...

Мои обиды и прощенья
Сгорят, как старое жнивье.
В тебе одной — и утешенье,
И исцеление моё.

- 1** О чём стихотворение Жигулина? Как можно озаглавить это произведение? Почему?
- 2** Как поэту удаётся подчеркнуть, что он любит Родину без громких слов?
- 3** Какие чувства испытывает автор? Почему ты так думаешь?
- 4** Как ты понимаешь последнюю строфу стихотворения? Почему поэт использует такое сравнение? Что является для автора главным?

НАШЕ ДЕЛО ПРАВОЕ

РОДИНА-МАТЬ
ЗОВЕТ!

ВОЙНА БУДЕТ ЗА НАМИ

СЛАВА
ВОИНУ-ПОБЕДИТЕЛЮ!

Темы проектов (на выбор):

- Они защищали Родину.
- Россия — Родина моя.
- Как не гордиться мне тобой, о Родина моя!

Расспросите своих родителей, бабушек, дедушек о Великой Отечественной войне. Какие военные события им запомнились из воспоминаний близких людей? Какие книги о войне оставили след в их памяти? Какие песни и стихи хотелось бы послушать?

План действий

- Выберите понравившуюся тему проекта.
- Совместно определите, как вы будете представлять выбранную тему:

Литературный вечер.

Музыкальная композиция.

Устный радиожурнал.

Книга воспоминаний.

Вечер военной песни.

Фотомонтаж.

- Пусть каждый напишет ответ на вопрос: «Что значит для меня моя Родина?»

Обсудите в группе, чья работа наиболее интересна и удачна. Выберите одно сочинение, которое можно будет прочитать на вечере.

- Прочитайте произведения раздела. Какие из них вы включите в сценарий?
- Найдите в библиотеке рассказы и стихи русских писателей и поэтов о войне, о Родине. Выберите понравившиеся произведения. Составьте их список.
- Подберите музыкальное сопровождение: песни о войне, о Родине; произведения классической музыки. Например: «Баллада о солдате» (музыка В. Соловьева-Седого, слова М. Матусовского); «Тёмная ночь» из к/ф «Два бойца» (музыка Н. Богословского); «На безымянной высоте» (музыка В. Баснера, слова М. Матусовского); «Журавли» (музыка Я. Френкеля, слова Р. Гамзатова), «В землянке» (музыка К. Листова, слова А. Суркова).
- Напишите сценарий «Они защищали Родину». Он может начинаться словами:

Чтоб снова на земной планете
 Не повторилось той войны,
 Нам нужно, чтобы наши дети
 Об этом помнили, как мы.

Ю. Воронов

- Определите, какой дополнительный материал понадобится для проведения мероприятия.
 - Разбейтесь на группы: решите, кто какую работу будет выполнять (украшать сцену и готовить необходимый реквизит, делать приглашения билеты).
- Не забудьте провести репетицию в классе!

1. Какое название ты бы дал этому разделу? Почему? Что объединяет произведения, включённые в него?

2. Перечитай стихотворения о Родине Жигулина и Никитина. Одинаковые ли картины мы видим? Найдите подтверждение в тексте.

3. Найди рифмующиеся слова в произведении Никитина. Можешь ли ты сказать, что прочитал стихотворение? Объясни. В чём особенность этого стихотворного текста? Зачем автор использует этот приём? Чего он достигает?

4. Какие произведения Никитина ты читал раньше? О чём пишет поэт? С каким настроением, чувством? Какое из произведений можно включить в данный раздел? Почему ты так считаешь?

5. С одинаковым ли чувством пишут авторы о Родине? Объясни свою точку зрения.

6. Близки ли тебе мысли и чувства поэтов, чьи произведения ты прочитал в этом разделе? Почему?

7. Как бы ты рассказал о своей Родине? Какое отношение к ней можешь выразить? Опиши свой город, место, где ты живёшь.

Знаешь ли ты свою родословную? Воевал ли твой прадед?

Расскажи, почему ты гордишься своей Родиной.

Страна фантазия

Мы познакомимся

с произведениями писателей-фантастов Е. Велтистова, Кира Булычёва о наших сверстниках и их удивительных приключениях.

Мы научимся:

- определять особенности фантастических рассказов.

Мы будем учиться:

- самостоятельно придумывать фантастические рассказы.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЭЛЕКТРОНИКА

Чемодан с четырьмя ручками

Ранним майским утром к гостинице «Дубки» подкатил светло-серый автомобиль. Распахнулась дверца, из машины выскочил человек с трубкой в зубах. Увидев приветливые лица, букеты цветов, он смущённо улыбнулся. Это был профессор Громов. Почётный гость конгресса кибернетиков приехал из Синегорска, сибирского научного городка, и, как всегда, решил остановиться в «Дубках».

Директор «Дубков», организовавший торжественную встречу, занялся вещами. Из распахнутой пасти багажника торчал закруглённый угол большого чемодана.

— Э-э, даже такой силач, как вы, не поднимет его, — сказал профессор, заметив, что директор заглядывает в багажник. — Это очень тяжёлый чемодан.

— Пустяки, — отозвался директор.

Он обхватил чемодан мускулистыми руками и поставил на землю. Лицо его покраснело. Чемодан был длинный, чёрного цвета, с четырьмя ручками. По форме он напоминал футляр контрабаса. Однако надписи точно определяли содержимое: «Осторожно! Приборы!»

— Ну и ну... — покачал головой директор. — Как же вы справлялись, профессор?

— Приглашал четырёх носильщиков. А сам руководил, — сказал Громов.

— Мы оставили вам тот же номер. Вы не возражаете?

— Прекрасно. Весьма благодарен.

Директор с тремя помощниками взялись за ручки и отнесли чемодан на второй этаж. Поднявшись за ними, профессор с удовольствием оглядел голубоватые стены гостиной, удобную мебель, маленький рабочий стол у широкого, во всю стену, окна. Он почувствовал, что в комнате пахнет сосновым лесом, и улыбнулся.

Директор нажал на одну из кнопок у двери:

— Запах хвои не обязательно. Если хотите, можно цветущие луга, фиалки и даже морозный день. Это кнопки генератора запахов. Для настроения.

— Всё чудесно, настроение отличное, — успокоил его профессор.

— Мы так и думали. Пожалуйста, располагайтесь, отдыхайте. — И директор удалился.

Профессор распахнул окно. В комнату с шорохом листвы влетел утренний ветерок и запутался в прозрачных шторах. Под окном росли крепкие дубки, солнечные лучи пробивались сквозь их лохматые шапки и ложились светлыми пятнами на землю. Вдалеке шуршали шины. Над деревьями прострекотал маленький вертолёт — воздушное такси.

Громов улыбнулся: он никак не мог привыкнуть к этим вертолётам и ездил в обычных такси. Он видел, что город раздался и похорошел. От вокзала ехали мимо километровых цветников,

в бесконечном коридоре зелёных деревьев, зас-
тывших, как в почётном карауле. Куда ни пос-
мотришь — везде что-то новое: берёзовая рощи-
ца, хоровод стройных сосен, яблони и вишни в
белых накидках, цветущая сирень... Сады висели
и над головой, на крышах зданий, защищённые
от непогоды прозрачными раздвижными купола-
ми. В промежутках между окнами, которые пе-
репоясывали здания блестящими лентами, тоже
была зелень: вьющиеся растения цеплялись за
камни и бетон.

— Дубки подросли, — сказал профессор, смот-
ря в окно.

Да, он много лет не был в этом городе.

Он нагнулся над чемоданом, отпер замки, от-
кинул крышку. В чемодане, на мягком голубом
нейлоне, лежал, вытянувшись во весь рост,
мальчик с закрытыми глазами. Казалось, он
крепко спит.

Несколько минут профессор смотрел на спя-
щего. Нет, ни один человек не мог бы сразу до-
гадаться, что перед ним кибернетический маль-
чик. Курносый нос, вихор на макушке, длинные
ресницы... Синяя курточка, рубашка, летние брю-
ки. Сотни, тысячи таких мальчишек бегают по
улицам большого города.

— Вот мы и приехали, Электроник, — мягко
произнёс профессор. — Как ты себя чувст-
вуешь?

Ресницы дрогнули, блестящие глаза откры-
лись. Мальчик приподнялся и сел.

— Я чувствую себя хорошо, — сказал он хриплым голосом. — Правда, немного трясло. Почему я должен был лежать в чемодане?

Профессор помог ему вылезти, стал поправлять костюм.

— Сюрприз. Ты должен знать, что такое сюрприз. Но об этом поговорим потом... А теперь одна необходимая процедура.

Он усадил Электроника на стул, достал из-под его куртки маленькую электрическую вилку на эластичном, растягивающемся проводе и вставил её в розетку.

— Ой! — дёрнулся Электроник.

— Ничего, ничего, потерпи, — успокаивающе сказал профессор. — Это необходимо. Ты будешь сегодня много двигаться. Надо подкрепиться электрическим током.

Оставив Электроника, профессор подошёл к видеотелефону, набрал на диске номер. Засветился голубой экран. Громов увидел знакомое лицо.

— Да, да, Александр Сергеевич, я уже здесь, — попыхивая трубкой, весело сказал Громов. — Самочувствие? Превосходное!

— Я не хочу, — раздался за его спиной скрипящий голос Электроника. — Я так не могу...

Профессор погрозил Электронику пальцем и продолжал:

— Приезжайте... Жду... Предупреждаю, вас ждёт сюрприз!

Экран погас. Громов повернулся, чтобы спросить мальчика, почему он капризничает, но не успел. Электроник вдруг сорвался со стула, подбежал к подоконнику, молниеносно вскочил на него и прыгнул со второго этажа.

В следующее мгновение профессор был у окна. Он увидел, как мелькает между деревьями синяя курточка.

— Электроник! — крикнул Громов.

Но мальчик уже исчез.

Покачивая головой, профессор достал из кармана очки и нагнулся к розетке.

— Двести двадцать вольт! — В его голосе прозвучала тревога. — Что я наделал! — Он бросился к двери.

Сбегая по лестнице, профессор заметил удивлённое лицо директора и успокаивающе помахал ему рукой. Сейчас было не до объяснений.

У тротуара стояло такси. Громов резко распахнул дверцу, упал на сиденье. Переводя дыхание, скомандовал шофёру:

— Вперёд! Надо догнать мальчика в синей куртке!..

...Так начались необычайные события, которые вовлекли в свой круговорот немало людей.

- 1 **1** Согласен ли ты с тем, что Велтистов рассказал о необычном событии? Объясни.
- 2 **2** Почему Электроника привезли в чемодане? Какой сюрприз хотел сделать профессор Громов своим коллегам?
- 3 **3** Как ты считаешь, Громов был жестоким человеком? Объясни. Почему Электроник сбежал от профессора?
- 4 **4** Обсудите с другом, каким вы представляете себе Электроника. Чем он похож на обычного мальчика? Составьте рассказ «Наш друг Электроник».

ПУТЕШЕСТВИЕ АЛИСЫ

Кустики

(В сокращении)

Восемнадцать раз наш космокатер облетел всю пустыню, и лишь на девятнадцатом заходе мы увидели в глубокой ложбине зелень. Разведкатель снизился над песчаными барханами, и нашим глазам предстали кусты, окружавшие родник.

Кусты были невысоки, мне по пояс, у них были длинные, серебристые с изнанки листья и довольно короткие, толстые корни, которые легко выходили из песка. Мы осторожно выкопали пять кустов, выбирая те, на которых нашли бутоны, набрали в большой ящик песка и перенесли наши трофеи на «Пегас».

В тот же день «Пегас» стартовал с пустынного спутника и взял курс дальше.

Как только кончился разгон, я начал готовить к съёмкам камеру, потому что надеялся, что на кустах вскоре распустятся светящиеся цветы, а Алиса приготовила бумагу и краски, чтобы эти цветы зарисовать.

И в этот момент мы услышали тихое, благозвучное пение.

— Что такое? — удивился механик Зелёный. — Я не включал магнитофон. Кто включил? Почему мне не дают отдохнуть?

— Это поют наши кусты! — закричала Алиса. — Надвигается песчаная буря?

— Что? — удивился Зелёный. — Откуда в космосе может быть песчаная буря?

— Пошли к кустам, пап, — потребовала Алиса. — Посмотрим.

Алиса побежала в трюм, а я немного задержался, заряжая камеру.

— Я тоже схожу, — сказал механик Зелёный. — Никогда не видел поющих кустов.

Я заподозрил, что на самом деле ему хочется выглянуть в иллюминатор, потому что он опасается, а вдруг и в самом деле надвигается песчаная буря.

Только я кончил заряжать камеру, как услышал крик. Я узнал голос Алисы.

Я бросил камеру в кают-компании и побежал скорее вниз, к трюму.

— Папа! — кричала Алиса. — Ты только посмотри!

— Спасите! — шумел механик Зелёный. — Они идут!

Ещё несколько шагов — и я подбежал к двери в трюм. В дверях я столкнулся с Алисой и Зелёным. Вернее, я столкнулся с Зелёным, который нёс на руках Алису. Вид у Зелёного был испуганный, и борода развевалась, словно от ветра.

В дверном проёме показались кустики. Зрелище было и на самом деле ужасное. Кустики вылезли из полного песку ящика и, тяжело переступая на коротких уродливых корнях, двигались на нас. Они шли полукругом, покачивая

ветвями, бутоны раскрылись, и среди листьев горели, словно зловещие глаза, розовые цветы.

— К оружию! — крикнул Зелёный и протянул мне Алису.

— Захлопните дверь! — сказал я.

Но было поздно. Пока мы толкались, стараясь разминуться, первый из кустов миновал дверь, и нам пришлось отступить в коридор.

Один за другим кустики последовали за своим предводителем.

Зелёный, нажимая по пути все кнопки тревоги, побежал на мостик за оружием, а я схватил стоявшую у стены швабру и попытался прикрыть Алису. Она смотрела на наступление кустиков зачарованно, как кролик на удава.

— Да беги же! — крикнул я Алисе. — Мне их долго не сдержать!

Кустики упругими, сильными ветвями схватились за швабру и вырывали её из моих рук. Я отступал.

— Придержи их, па! — сказала Алиса и убежала.

«Хорошо, — успел подумать я, — что хоть Алиса в безопасности». Моё положение продолжало оставаться опасным. Кустики старались загнать меня в угол, а шваброй я уже не мог действовать.

— Зачем Зелёному огнемёт? — услышал я вдруг в динамике голос капитана Полоскова. — Что случилось?

— На нас напали кустики, — ответил я. — Но огнемёта Зелёному не давай. Я постараюсь запереть их в отсеке. Как только я отступлю за соединительную дверь, я тебе дам знать, и ты тут же закроешь трюмный отсек.

— Тебе не грозит опасность? — спросил Полосков.

— Нет, пока держусь, — ответил я.

И в тот же момент ближайший ко мне куст сильно дёрнул за швабру и вырвал её из рук. Швабра отлетела в дальний конец коридора, и кусты, будто ободрённые тем, что я безоружен, двинулись ко мне сомкнутым строем.

И в этот момент я услышал быстрые шаги сзади.

— Ты куда, Алиса! — крикнул я. — Сейчас же назад! Они сильные, как львы!

Но Алиса проскользнула у меня под рукой и кинулась к кустам.

Что-то большое, блестящее было у неё в руке. Я кинулся за ней следом, потерял равновесие и упал. Последнее, что я увидел, была Алиса, окружённая зловещими ветвями оживших кустов.

— Полосков! — крикнул я. — На помощь!

И в ту же секунду пение кустов прервалось. Сменилось тихим журчанием и вздохами.

Я поднялся на ноги и увидел мирную картинку.

Алиса стояла в самой гуще кустиков и поливала их из лейки. Кустики раскачивали ветвями, стараясь не упустить ни капли влаги, и блаженно вздыхали...

Когда мы загнали кусты обратно в трюм, убрали сломанную швабру и вытерли пол, я спросил Алису:

— Но как же ты догадалась?

— А ничего особенного, пап. Ведь кустики — растения. Значит, их надо поливать. Как морковь. А мы ведь их выкопали, посадили в ящик, а полить забыли. Когда Зелёный схватил меня и старался спасти, я успела подумать: ведь они у себя дома живут у самой воды... А поют они, когда надвигается песчаная буря, которая сушит воздух и засыпает песком воду. Вот они и волнуются тогда, что воды им не хватит.

— Так чего же ты сразу не сказала?

— А ты бы поверил? Ты с ними воевал, как с тиграми. Ты совсем забыл, что они — самые обыкновенные кустики, которые надо поливать.

— Ну уж самые обыкновенные! — проворчал механик Зелёный. — Гоняются за водой по коридорам!

Тут уж наступила моя очередь как биолога сказать своё последнее слово.

— Так эти кусты борются за существование, — сказал я. — Воды в пустыне мало, родники пересыхают, и, чтобы остаться живыми, кустам приходится бродить по песку и искать воду.

С тех пор кусты мирно жили в ящике с песком. Только один из них, самый маленький и непоседливый, часто вылезал из ящика и подстерегал нас в коридоре, шелестел ветками, напевал, выпрашивал воду. Я просил Алису не перепаивать малыша — и так уж вода сочится из корней, — но Алиса его жалела и до самого конца путешествия таскала ему воду в стакане. И это ещё бы ничего. Но как-то она напоила его компотом, и теперь кустик вообще никому прохода не даёт. Топают по коридорам, оставляя за собой мокрые следы, и тупо тычется листьями в ноги людям.

Разума в нём ни на грош. Но компот любит до безумия.

1 О каком путешествии Алисы ты прочитал? В чём фантастичность, необычность всего произошедшего?

- 2 Чем фантастический рассказ отличается от обычного рассказа?
- 3 От чьего имени ведётся рассказ? Почему ты так решил? Что ты думаешь о рассказчике? Какой у него характер?
- 4 Как герои отнеслись к истории с кустиками вначале? Изменилось ли их отношение потом? Объясни.
- 5 Можешь ли ты сказать, что Алиса была **находчивой, доброй, отзывчивой** девочкой? Какие строки убедили тебя в этом?
- 6 Прочитай выделенные слова.

В дверном проёме показались кустики. Зрелище было и на самом деле ужасное. Кустики **вылезли** из полного песку ящика и, тяжело **переступая** на коротких уродливых корнях, **двигались** на нас. Они **шли** полукругом, покачивая ветвями, бутоны раскрылись, и среди листьев горели, **словно зловещие глаза**, розовые цветы.

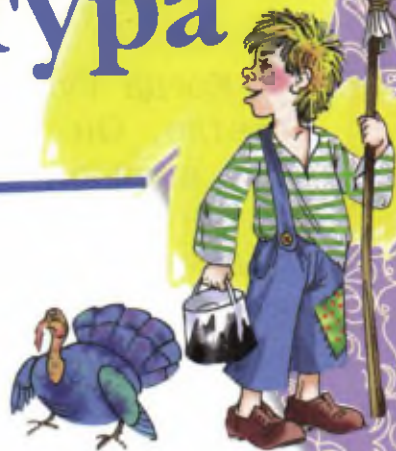
- 7 Обсудите с другом, какой приём использует автор? Как ему в этом помогает сравнение?
- 8 Что изменилось бы в произведении, если бы писатель не использовал данный приём?
- 9 Как бы рассказала эту историю Алиса? Составь план. Запиши его в «Рабочую тетрадь».

ПРОВЕРИМ СЕБЯ

И ОЦЕНИМ СВОИ ДОСТИЖЕНИЯ

1. Понравились ли тебе произведения из этого раздела? Расскажи, какие особенности фантастических рассказов ты знаешь.
2. Обсудите с другом, что общего между фантастическим рассказом и сказкой. А чем они различаются?
3. Что из того, о чём писали Велтистов и Булычёв, уже воплотилось в жизнь? Благодаря чему это произошло?
4. Отличаются ли главные герои прочитанных произведений от сказочных персонажей? Что у них общего? Объясни.
5. Найди книги Велтистова и Булычёва и прочитай о других приключениях Электроника и Алисы Селезнёвой. Напиши отзыв на понравившееся произведение.
6. Нравится ли тебе фантастические рассказы? Произведения каких писателей-фантастов ты читал? Расскажи о самом любимом своём произведении. Чем оно тебя заинтересовало? Почему?
7. Сделайте с друзьями выставку рисунков на космическую тему и подготовьтесь поучаствовать в конкурсе на лучший рисунок.
8. Придумай небольшую историю о путешествии на любую планету Солнечной системы. Как ты будешь рассказывать: как учёный или как писатель? Запиши план своего рассказа в «Рабочую тетрадь».

Зарубежная литература

Мы познакомимся

с самыми известными произведениями Г.-Х. Андерсена, М. Твена, Дж. Свифта, С. Лагерлёф.

Мы научимся:

- пересказывать самые интересные эпизоды из произведений от лица главных героев;
- составлять рассказ о герое, используя авторский текст.

Мы будем учиться:

- высказывать своё мнение о прочитанном произведении;
- давать оценку поступкам героев;
- пользоваться списком рекомендованной литературы для выбора книги.

Джонатан Свифт

ПУТЕШЕСТВИЕ ГУЛЛИВЕРА

Путешествие в Лилипутию
(В сокращении)

Когда Гулливер проснулся, было уже совсем светло. Он лежал на спине, и солнце светило ему в лицо.

Он хотел было протереть глаза, но не мог поднять руку; хотел сесть, но не мог пошевелиться.

Тонкие верёвочки опутывали всё его тело от подмышек до колен; руки и ноги были крепко стянуты верёвочной сеткой; верёвочки обвивали каждый палец. Даже длинные густые волосы Гулливера были туго намотаны на маленькие колышки, вбитые в землю, и переплетены верёвочками.

Гулливер был похож на рыбу, которую поймали в сеть.

«Верно, я ещё сплю», — подумал он.

Вдруг что-то живое быстро вскарабкалось к нему на ногу, добралось до груди и остановилось у подбородка.

Гулливер скосил один глаз.

Что за чудо! Чуть ли не под носом у него стоит человечек — крошечный, но самый настоящий человечек! В руках у него — лук и стрела, за спиной — колчан. А сам он всего в три пальца ростом.

Вслед за первым человечком на Гулливера взобралось ещё десятка четыре таких же маленьких стрелков.

От удивления Гулливер громко вскрикнул.

Человечки заметались и бросились врассыпную.

На бегу они спотыкались и падали, потом вскакивали и один за другим прыгали на землю.

Минуты две-три никто больше не подходил к Гулливеру. Только под ухом у него всё время раздавался шум, похожий на стрекотание кузнечиков.

Но скоро человечки опять расхрабрились и снова стали карабкаться вверх по его ногам, рукам и плечам, а самый смелый из них подкрался к лицу Гулливера, потрогал копьём его подбородок и тоненьким, но отчётливым голосом прокричал:

— Гекина дегуль!

— Гекина дегуль! Гекина дегуль! — подхватили тоненькие голоса со всех сторон.

Но что значили эти слова, Гулливер не понял, хотя и знал много иностранных языков.

Долго лежал Гулливер на спине. Руки и ноги у него совсем затекли.

Он собрал силы и попытался оторвать от земли левую руку.

Наконец это ему удалось.

Он выдернул колышки, вокруг которых были обмотаны сотни тонких, крепких верёвочек, и поднял руку.

В ту же минуту кто-то внизу громко пропищал:

— Только фонак!

В руку, в лицо, в шею Гулливера разом вонзились сотни стрел. Стрелы у человечков были тоненькие и острые, как иголки.

Гулливер закрыл глаза и решил лежать не двигаясь, пока не наступит ночь.

«В темноте будет легче освободиться», — думал он. Но дожждаться ночи на лужайке ему не пришлось. Недалеко от его правого уха послышался частый, дробный стук, будто кто-то рядом вколачивал в доску гвоздики.

Молоточки стучали целый час.

Гулливер слегка повернул голову — повернуть её больше не давали верёвочки и колышки — и возле самой своей головы увидел только что построенный деревянный помост. Несколько человек прилаживали к нему лестницу.

Потом они убежали, и по ступенькам медленно поднялся на помост человек в длинном плаще.

За ним шёл другой, чуть ли не вдвое меньше ростом, и нёс край его плаща. Наверно, это был мальчик-паж. Он был не больше Гулливерова мизинца.

Последними взошли на помост два стрелка с натянутыми луками в руках.

— Лангро дегюль сан! — три раза прокричал человек в плаще и развернул свиток длиной и шириной с берёзовый листок.

Сейчас же к Гулливеру подбежали пятьдесят человек и обрезали верёвки, привязанные к его волосам.

Гулливер повернул голову и стал слушать, что читает человек в плаще. Человек читал и говорил долго-долго. Гулливер ничего не понял, но на всякий случай кивнул головой и приложил к сердцу свободную руку.

Он догадался, что перед ним какая-то важная особа, по всей видимости, королевский посол.

Прежде всего Гулливер решил попросить у посла, чтобы его накормили.

С тех пор как он покинул корабль, во рту у

него не было ни крошки. Он поднял палец и несколько раз поднёс его к губам.

Должно быть, человек в плаще понял этот знак. Он сошёл с помоста, и тотчас же к бокам Гулливера приставили несколько длинных лестниц.

Не прошло и четверти часа, как сотни сгорбленных носильщиков потащили по этим лестницам корзины с едой.

В корзинах были тысячи хлебов величиной с горошину, целые окорока — с грецкий орех, жареные цыплята — меньше нашей мухи.

Гулливер проглотил разом два окорока вместе с тремя хлебцами. Он съел пять жареных бычков, восемь вяленых баранов, девятнадцать копчёных поросят и сотни две цыплят и гусей.

Скоро корзины опустели.

Тогда человечки подкатили к руке Гулливера две бочки с вином. Бочки были огромные — каждая со стакан.

Гулливер вышиб дно из одной бочки, вышиб из другой и в несколько глотков осушил обе бочки.

Человечки всплеснули руками от удивления. Потом они знаками попросили его сбросить на землю пустые бочки.

Гулливер подбросил обе разом. Бочки перекувырнулись в воздухе и с треском покатались в разные стороны.

Толпа на лужайке расступилась, громко крича:
— Бора мевола! Бора мевола!

После вина Гулливеру сразу захотелось спать. Сквозь сон он почувствовал, как человечки бегают по всему его телу вдоль и поперёк, скатываются с боков, точно с горы, щекочут его палками и копьями, прыгают с пальца на палец.

Ему очень хотелось сбросить с себя десяток-другой этих маленьких прыгунов, мешавших ему спать, но он пожалел их. Как-никак, а человечки только что гостеприимно накормили его вкусным, сытным обедом, и было бы неблагородно переломать им за это руки и ноги. К тому же Гулливер не мог не удивляться необыкновенной храбрости этих крошечных людей, бегавших взад и вперёд по груди великана, которому бы ничего не стоило уничтожить их всех одним щелчком.

Он решил не обращать на них внимания и, одурманенный крепким вином, скоро заснул.

Человечки этого только и ждали. Они нарочно подсыпали в бочки с вином сонного порошка, чтобы усыпить своего огромного гостя...

- 1** О каком приключении Гулливера рассказал Свифт? Была ли знакома герою страна, в которую он попал? Почему ты так думаешь?
- 2** Как автору удаётся показать, что в стране лилипутов Гулливер был великаном? Запиши своё мнение в «Рабочую тетрадь».
- 3** Как герой отнёсся к лилипутам? Какие его поступки свидетельствуют об этом?

4 Что ты думаешь о Гулливере? Каким был герой: **добрым, мстительным, способным к состраданию**? Объясни свою точку зрения.

5 Какие слова в отрывке пропущены?

Тонкие ... опутывали всё его тело от подмышек до колен; руки и ноги были крепко стянуты ...; ... обвивали каждый палец. Даже длинные густые волосы Гулливера были туго намотаны на маленькие колышки, вбитые в землю, и переплетены

Гулливер был похож на рыбу, которую поймали в

На какую деталь обращает внимание автор, повторяя несколько раз одни и те же слова? Зачем он это делает?

6 Какие слова позволяют судить о том, что лилипуты опасались Гулливера?

Были ли у них причины для этого?

7 Как ты думаешь, человечки были трусами? Объясни.

8 Если бы тебя попросили озаглавить текст, какое название ты бы предложил? Предложи свои варианты названий. Сравни с вариантами, которые придумали твои одноклассники.

9 Подумай, как бы рассказал о своём приключении сам Гулливер. Составь план и перескажи текст от лица героя.

РУСАЛОЧКА

Далеко в море вода синяя-синяя, как лепестки самых красивых васильков, и прозрачная-прозрачная, как самое чистое стекло, только очень глубока, так глубока, что никакого якорного каната не хватит. Много колоколен надо поставить одну на другую, тогда только верхняя выглянет на поверхность. Там на дне живёт подводный народ. Только не подумайте, что дно голое, один только белый песок. Нет, там растут невиданные деревья и цветы с такими гибкими стеблями и листьями, что они шевелятся, словно живые, от малейшего движения воды. А между ветвями снуют рыбы, большие и маленькие, совсем как птицы в воздухе у нас наверху. В самом глубоком месте стоит дворец морского царя — стены его из кораллов, высокие стрельчатые окна из самого чистого янтаря, а крыша сплошь раковины; они то открываются, то закрываются, смотря по тому, прилив или отлив, и это очень красиво, ведь в каждой лежат сияющие жемчужины и любая была бы великим украшением в короне самой королевы. Царь морской давным-давно овдовел, и хозяйством у него заправляла старуха мать, женщина умная, только больно уж гордившаяся своей родовитостью: на хвосте она носила целых двенадцать устриц, тогда как прочим вельможам полагалось только шесть. В остальном же она заслуживала всячес-

кой похвалы, особенно потому, что души не чаяла в своих маленьких внучках — принцессах. Их было шестеро, все прехорошенькие, но милее всех самая младшая, с кожей чистой и нежной, как лепесток розы, с глазами синими и глубокими, как море. Только у неё, как, впрочем, и у остальных, ног не было, а вместо них был хвост, как у рыб...

— Когда вам исполнится пятнадцать лет, — говорила бабушка, — вам позволят всплывать на поверхность, сидеть в лунном свете на скалах и смотреть на плывущие мимо огромные корабли, на леса и города!..

Ни одну из сестёр так не тянуло на поверхность, как самую младшую, тихую, задумчивую русалочку, которой приходилось ждать дольше всех. Ночь за ночью проводила она у открытого окна и всё смотрела вверх сквозь тёмно-синюю воду, в которой плескали хвостами и плавниками рыбы. Месяц и звёзды виделись ей, и хоть светили они совсем бледно, зато казались сквозь воду много больше, чем нам. А если под ними скользило как бы тёмное облако, знала она, что это либо кит проплывёт, либо корабль, а на нём много людей, и, конечно, им и в голову не приходило, что внизу под ними хорошенькая русалочка тянется к кораблю своими белыми руками...

Наконец и русалочке исполнилось пятнадцать лет.

— Ну вот, вырастили и тебя! — сказала ба-

бушка, вдовствующая королева. — Поди-ка сюда, я украшу тебя, как остальных сестёр!

И она надела русалочке на голову венок из белых лилий, только каждый лепесток был половинкой жемчужины, а потом нацепила ей на хвост восемь устриц в знак её высокого сана.

— Да это больно! — сказала русалочка.

— Чтоб быть красивой, можно и потерпеть! — сказала бабушка.

Ах, как охотно скинула бы русалочка всё это великолепие и тяжёлый венок! Красные цветы с её грядки пошли бы ей куда больше, но ничего не поделаешь.

— Прощайте! — сказала она и легко и плавно, словно пузырьёк воздуха, поднялась на поверхность.

Когда она подняла голову над водой, солнце только что село, но облака ещё отсвечивали розовым и золотым, а в бледно-красном небе уже зажглись ясные вечерние звёзды; воздух был мягкий и свежий, море спокойно. Неподалёку стоял трёхмачтовый корабль всего лишь с одним поднятым парусом — не было ни малейшего ветерка. Повсюду на снастях и реях сидели матросы. С палубы раздавались музыка и пение, а когда совсем стемнело, корабль осветился сотнями разноцветных фонариков и в воздухе словно бы замелькали флаги всех наций. Русалочка подплыла прямо к окну каюты, и всякий раз, как её приподымало волной, она могла заглянуть внутрь сквозь прозрачные стёкла. Там было мно-

жество нарядно одетых людей, но красивее всех был молодой принц с большими чёрными глазами. Ему, наверное, было не больше шестнадцати лет. Праздновался его день рождения, оттого-то на корабле и шло такое веселье. Матросы плясали на палубе, а когда вышел туда молодой принц, в небо взмыли сотни ракет, и стало светло, как днём, так что русалочка совсем перепугалась и нырнула в воду, но тут же опять высунула голову, и казалось, будто все звёзды с неба падают к ней в море. Никогда ещё не видала она такого фейерверка. Вертелись колесом огромные солнца, взлетали в синюю высь чудесные огненные рыбы, и всё это отражалось в тихой, ясной воде. На самом корабле было так

светло, что можно было различить каждый канат, а людей и подавно. Ах, как хорош был молодой принц! Он пожимал всем руки, улыбался и смеялся, а музыка всё гремела и гремела в чудной ночи.

Уже поздно было, а русалочка всё не могла глаз оторвать от корабля и от прекрасного принца. Погасли разноцветные фонарики, не взлетали больше ракеты, не гремели пушки, зато загудело и заворчало в глуби морской. Русалочка качалась на волнах и всё заглядывала в каюту, а корабль стал набирать ход, один за другим распускались паруса, всё выше вздымались волны, собирались тучи, вдали засверкали молнии.

Надвигалась буря, матросы принялись убирать паруса. Корабль, раскачиваясь, летел по разбушевававшемуся морю, волны вздымались огромными чёрными горами, норовя перекатиться через мачту, а корабль нырял, словно лебедь, между высоченными валами и вновь возносился на гребень громоздящейся волны. Русалочке всё это казалось приятной прогулкой, но не матросам. Корабль стонал и трещал; вот подалась под ударами волн толстая обшивка бортов, волны захлестнули корабль, переломилась пополам, как тростинка, мачта, корабль лёг на бок, и вода хлынула в трюм. Тут уж русалочка поняла, какая опасность угрожает людям, — ей и самой приходилось увёртываться от брёвен и обломков, носившихся по волнам. На минуту стало

темно, хоть глаз выколи, но вот блеснула молния, и русалочка опять увидела людей на корабле. Каждый спасался, как мог. Она искала глазами принца и увидела, как он упал в воду, когда корабль развалился на части. Сперва она очень обрадовалась — ведь он попадёт теперь к ней на дно, но приплывёт во дворец её отца только мёртвым. Нет, нет, он не должен умереть! И она поплыла между брёвнами и досками, совсем не думая о том, что они могут её раздавить. Она то ныряла глубоко, то взлетала на волну и наконец доплыла до юного принца. Он почти уже совсем выбился из сил и плыть по бурному морю не мог. Руки и ноги отказывались ему служить, прекрасные глаза закрылись, и он утонул бы, не явись ему на помощь русалочка. Она приподняла над водой его голову и предоставила волнам нести их обоих куда угодно...

К утру буря стихла. От корабля не осталось и щепки. Опять засверкало над водой солнце и как будто вернуло краски щекам принца, но глаза его всё ещё были закрыты.

Русалочка откинула со лба принца волосы, поцеловала его в высокий красивый лоб, и ей показалось, что он похож на мраморного мальчика, который стоит у неё в саду. Она поцеловала его ещё раз и пожелала, чтобы он остался жив.

Наконец она увидела сушу, высокие синие горы, на вершинах которых, точно стаи лебедей,

белели снега. У самого берега зеленели чудесные леса, а перед ними стояла не то церковь, не то монастырь — она не могла сказать точно, знала только, что это было здание. В саду росли апельсиновые и лимонные деревья, а у самых ворот высокие пальмы. Море вдавалось здесь в берег небольшим заливом, тихим, но очень глубоким, с утёсом, у которого море намыло мелкий белый песок. Сюда-то и приплыла русалочка с принцем и положила его на песок так, чтобы голова его была повыше на солнце.

Тут в высоком белом здании зазвонили колокола, и в сад высыпала целая толпа молодых девушек. Русалочка отплыла подальше за высокие камни, торчавшие из воды, покрыла свои волосы и грудь морской пеной, так что теперь никто не различил бы её лица, и стала ждать, не придёт ли кто на помощь бедному принцу.

Вскоре к утёсу подошла молодая девушка и поначалу очень испугалась, но тут же собралась с духом и позвала других людей, и русалочка увидела, что принц ожил и улыбнулся всем, кто был возле него. А ей он не улыбнулся, он даже не знал, что она спасла ему жизнь. Грустно стало русалочке, и, когда принца увели в большое здание, она печально нырнула в воду и уплыла домой.

Теперь она стала ещё тише, ещё задумчивее, чем прежде. Сёстры спрашивали её, что она видела в первый раз на поверхности моря, но она ничего им не рассказала.

Часто по утрам и вечерам приплывала она к тому месту, где оставила принца. Она видела, как созревали в саду плоды, как их потом собирали, видела, как стаял снег на высоких горах, но принца так больше и не видала и возвращалась домой каждый раз всё печальнее. Единственной отрадой было для неё сидеть в своём садике, обвив руками красивую мраморную статую, похожую на принца, но за своими цветами она больше не ухаживала. Они одичали и разрослись по дорожкам, переплелись стеблями и листьями с ветками деревьев, и в садике стало совсем темно.

Наконец она не выдержала и рассказала обо всём одной из сестёр. За ней узнали и остальные сёстры, но больше никто, разве что ещё две-три русалки да их самые близкие подруги. Одна из них тоже знала о принце, видела празднество на корабле и знала, откуда принц родом и где его королевство.

— Поплыли вместе, сестрица! — сказали русалочке сёстры и, обнявшись, поднялись на поверхность моря близ того места, где стоял дворец принца.

Дворец был из светло-жёлтого блестящего камня, с большими мраморными лестницами; одна из них спускалась прямо к морю. Великолепные позолоченные купола высились над крышей, а между колоннами, окружавшими здание, стояли мраморные статуи, совсем как живые люди. Сквозь высокие зеркальные окна видне-

лись роскошные покои; всюду висели дорогие шёлковые занавеси, были разостланы ковры, а стены украшали большие картины. Загляденье, да и только! Посреди самой большой залы журчал фонтан; струи воды били высоко-высоко под стеклянный купол потолка, через который воду и диковинные растения, росшие по краям бассейна, озаряло солнце.

Теперь русалочка знала, где живёт принц, и стала приплывать ко дворцу почти каждый вечер или каждую ночь. Ни одна из сестёр не осмеливалась подплывать к земле так близко, ну а она заплывала даже в узкий канал, который проходил как раз под мраморным балконом, бросавшим на воду длинную тень. Тут она останавливалась и подолгу смотрела на юного принца, а он-то думал, что гуляет при свете месяца один-одинёшенек.

Много раз видела она, как он катался с музыкантами на своей нарядной лодке, украшенной развевающимися флагами. Русалочка выглядывала из зелёного тростника, и если люди иногда замечали, как полощется по ветру её длинная серебристо-белая вуаль, им казалось, что это плещет крыльями лебедь.

Много раз слышала она, как говорили о принце рыбаки, ловившие по ночам с факелом рыбу, они рассказывали о нём много хорошего, и русалочка радовалась, что спасла ему жизнь, когда его, полумёртвого, носило по волнам; она вспоминала, как его голова покоилась на её гру-

ди и как нежно поцеловала она его тогда. А он-то ничего не знал о ней, она ему и присниться не могла!

Всё больше и больше начинала русалочка любить людей, всё сильнее тянуло её к ним; их земной мир казался ей куда больше, чем её подводный; они могли ведь переплывать на своих кораблях море, взбираться на высокие горы выше облаков, а их страны с лесами и полями раскинулись так широко, что и глазом не охватишь! Очень хотелось русалочке побольше узнать о людях, о их жизни, но сёстры не могли ответить на все её вопросы, и она обращалась к бабушке: старуха хорошо знала «высший свет», как она справедливо называла землю, лежавшую над морем.

— Если люди не тонут, — спрашивала русалочка, — тогда они живут вечно, не умирают, как мы?

— Ну что ты! — отвечала старуха. — Они тоже умирают, их век даже короче нашего. Мы живём триста лет; только, когда мы перестаём быть, нас не хоронят, у нас даже нет могил, мы просто превращаемся в морскую пену.

— Я бы отдала все свои триста лет за один день человеческой жизни, — проговорила русалочка.

— Вздор! Нечего и думать об этом! — сказала старуха. — Нам тут живётся куда лучше, чем людям на земле!

— Значит, и я умру, стану морской пеной, не буду больше слышать музыку волн, не увижу ни

чудесных цветов, ни красного солнца! Неужели я никак не могу пожить среди людей?

— Можешь, — сказала бабушка, — пусть только кто-нибудь из людей полюбит тебя так, что ты станешь ему дороже отца и матери, пусть отдаст-ся он тебе всем своим сердцем и помыслами, сделает тебя своей женой и поклянется в вечной верности. Но этому не бывать никогда! Ведь то, что у нас считается красивым, — твой рыбий хвост, например, — люди находят безобразным. Они ничего не смыслят в красоте; по их мнению, чтобы быть красивым, надо непременно иметь две неуклюжие подпорки, или ноги, как они их называют.

Русалочка глубоко вздохнула и печально посмотрела на свой рыбий хвост.

— Будем жить — не тужить! — сказала старуха. — Повеселимся вволю, триста лет — срок немалый... Сегодня вечером у нас во дворце бал!

Вот было великолепие, какого не увидишь на земле! Стены и потолок танцевальной залы были из толстого, но прозрачного стекла; вдоль стен рядами лежали сотни огромных пурпурных и травянисто-зелёных раковин с голубыми огоньками в середине; огни эти ярко освещали всю залу, а через стеклянные стены — и море вокруг. Видно было, как к стенам подплывают стаи больших и маленьких рыб, и чешуя их переливается золотом, серебром, пурпуром.

Посреди залы вода бежала широким потоком, и в ней танцевали под своё чудное пение вода-

ные и русалки. Таких прекрасных голосов не бывает у людей. Русалочка пела лучше всех, и все хлопали ей в ладоши. На минуту ей было сделалось весело при мысли о том, что ни у кого и нигде, ни в море, ни на земле, нет такого чудесного голоса, как у неё; но потом она опять стала думать о надводном мире, о прекрасном принце, и ей стало грустно. Незаметно выскользнула она из дворца и, пока там пели и веселились, печально сидела в своём садике. Вдруг сверху донеслись звуки валторн, и она подумала: «Вот он опять катается на лодке! Как я люблю его! Больше, чем отца и мать! Я принадлежу ему всем сердцем, всеми своими помыслами, ему бы я охотно вручила счастье всей моей жизни! На всё бы я пошла — только бы мне быть с ним. Пока сёстры танцуют в отцовском дворце, поплыву-ка я к морской ведьме. Я всегда боялась её, но, может быть, она что-нибудь посоветует или как-нибудь поможет мне!»

И русалочка поплыла из своего садика к бурным водоворотам, за которыми жила ведьма. Ещё ни разу не доводилось ей проплывать этой дорогой; тут не росли ни цветы, ни даже трава — кругом был только голый серый песок; вода за ним бурлила и шумела, как под мельничным колесом, и увлекала за собой в пучину всё, что только встречала на своём пути. Как раз между такими бурлящими водоворотами и пришлось плыть русалочке, чтобы попасть в тот край, где владычила ведьма. Дальше путь лежал через го-

рячий пузырящийся ил, это место ведьма называла своим торфяным болотом. А там уж было рукой подать до её жилья, окружённого диковинным лесом: вместо деревьев и кустов в нём росли полипы — полуживотные-полурастения, похожие на стоглавых змей, выроставших прямо из песка; ветви их были подобны длинным осклизлым рукам с пальцами, извивающимися, как черви; полипы ни на минуту не переставали шевелиться от корня до самой верхушки и хватали гибкими пальцами всё, что только им попадалось, и уже больше не выпускали. Русалочка в испуге остановилась, сердечко её забилося от страха, она готова была вернуться, но вспомнила о принце и собралась с духом: крепко обвязала вокруг головы свои длинные волосы, чтобы в них не вцепились полипы, скрестила на груди руки. И, как рыба, поплыла между омерзительными полипами, которые тянулись к ней своими извивающимися руками. Она видела, как крепко, точно железными клещами, держали они своими пальцами всё, что удалось им схватить: белые скелеты утонувших людей, корабельные рули, ящики, кости животных, даже одну русалочку. Полипы поймали и задушили её. Это было страшнее всего!

Но вот она очутилась на скользкой лесной поляне, где кувыркались, показывая противное желтоватое брюхо, большие, жирные водяные ужи. Посреди поляны был выстроен дом из белых человеческих костей; тут же сидела сама

морская ведьма и кормила изо рта жабу, как люди кормят сахаром маленьких канареек. Омерзительных ужей она звала своими цыплятками и позволяла им ползать по своей большой, ноздреватой, как губка, груди.

— Знаю, знаю, зачем ты пришла! — сказала русалочке морская ведьма. — Глупости ты затеваешь, ну да я всё-таки помогу тебе — на твою же беду, моя красавица! Ты хочешь отделаться от своего хвоста и получить вместо него подпорки, чтобы ходить, как люди. Хочешь, чтобы юный принц полюбил тебя.

И ведьма захохотала так громко и гадко, что и жаба и ужи попадали с неё и шлёпнулись на песок.

— Ну ладно, ты пришла в самое время! — продолжала ведьма. — Приди ты завтра поутру, было бы поздно, и я не могла бы помочь тебе раньше будущего года. Я изготовлю тебе питьё, ты возьмёшь его, поплывёшь с ним к берегу ещё до восхода солнца, сядешь там и выпьешь всё до капли; тогда твой хвост раздвоится и превратится в пару стройных, как сказали бы люди, ножек. Но тебе будет так больно, как будто тебя пронзят острым мечом. Зато все, кто тебя увидит, скажут, что такой прелестной девушки они ещё не встречали! Ты сохранишь свою плавную походку — ни одна танцовщица не сравнится с тобой, но помни: ты будешь ступать как по острым ножам, и твои ноги будут кровоточить. Вытерпишь всё это? Тогда я помогу тебе.

— Да! — сказала русалочка дрожащим голосом, подумав о принце.

— Помни, — сказала ведьма, — раз ты примешь человеческий облик, тебе уж не сделаться вновь русалкой! Не видать тебе ни морского дна, ни отцовского дома, ни сестёр! А если принц не любит тебя так, что забудет ради тебя и отца и мать, не отдастся тебе всем сердцем и не сделает тебя своей женой, ты погибнешь; с первой же зарёй после его женитьбы на другой твоё сердце разорвётся на части, и ты станешь пеной морской.

— Пусть! — сказала русалочка и побледнела как смерть.

— А ещё ты должна заплатить мне за помощь, — сказала ведьма. — И я недёшево возьму! У тебя чудный голос, им ты и думаешь обворожить принца, но ты должна отдать этот голос мне. Я возьму за свой бесценный напиток самое лучшее, что есть у тебя: ведь я должна примешать к напитку свою собственную кровь, чтобы он стал остёр, как лезвие меча.

— Если ты возьмёшь мой голос, что же останется мне? — спросила русалочка.

— Твоё прелестное лицо, твоя плавная походка и твои говорящие глаза — этого довольно, чтобы покорить человеческое сердце! Ну полно, не бойся: высунешь язычок, и я отрежу его в уплату за волшебный напиток!

— Хорошо! — сказала русалочка, и ведьма поставила на огонь котёл, чтобы сварить питьё.

— Чистота — лучшая красота! — сказала она и обтёрла котёл связкой живых ужей.

Потом она расцарапала себе грудь; в котёл закапала чёрная кровь, и скоро стали подыматься клубы пара, принимавшие такие причудливые формы, что просто страх брал. Ведьма поминутно подбавляла в котёл новых и новых снадобий, и, когда питьё закипело, оно забулькало так, будто плакал крокодил. Наконец напиток был готов, на вид он казался прозрачайшей ключевой водой.

— Бери! — сказала ведьма, отдавая русалочке напиток.

Потом отрезала ей язык, и русалочка стала немая — не могла больше ни петь, ни говорить.

— Схватят тебя полипы, когда поплывёшь назад, — напутствовала ведьма, — брызни на них каплю питья, и их руки и пальцы разлетятся на тысячу кусочков.

Но русалочке не пришлось этого делать — полипы с ужасом отворачивались при одном виде напитка, сверкавшего в её руках, как яркая звезда. Быстро проплыла она лес, миновала болота и бурлящие водовороты.

Вот и отцовский дворец; огни в танцевальной зале потушены, все спят. Русалочка не посмела больше войти туда — ведь она была немая и собиралась покинуть отцовский дом навсегда. Сердце готово было разорваться от тоски. Она проскользнула в сад, взяла по цветку с грядки у каждой сестры, послала родным тысячи воз-

душных поцелуев и поднялась на тёмно-голубую поверхность моря.

Солнце ещё не вставало, когда она увидела перед собой дворец принца и присела на широкую мраморную лестницу. Месяц озарял её своим чудесным голубым сиянием. Русалочка выпила обжигающий напиток, и ей показалось, будто её пронзили обоюдоострым мечом; она потеряла сознание и упала замертво. Когда она очнулась, над морем уже сияло солнце; во всём теле она чувствовала жгучую боль. Перед ней стоял прекрасный принц и с удивлением рассматривал её. Она потупилась и увидела, что рыбий хвост исчез, а вместо него у неё появились две маленькие беленькие ножки. Но она была совсем нагая и потому закуталась в свои длинные, густые волосы. Принц спросил, кто она и как сюда попала, но она только кротко и грустно смотрела на него своими тёмно-синими глазами: говорить ведь она не могла. Тогда он взял её за руку и повёл во дворец. Правду сказала ведьма: каждый шаг причинял русалочке такую боль, будто она ступала по острым ножам и иголкам; но она терпеливо переносила боль и шла рука об руку с принцем легко, точно по воздуху. Принц и его свита только дивились её чудной, плавной походке.

Русалочку нарядили в шёлк и муслин, и она стала первой красавицей при дворе, но оставалась по-прежнему немой, не могла ни петь, ни говорить. Как-то раз к принцу и его царствен-

ным родителям позвали девушек-рабынь, разоде-
тых в шёлк и золото. Они стали петь, одна из
них пела особенно хорошо, и принц хлопал в
ладоши и улыбался ей. Грустно стало русалочке:
когда-то и она могла петь, и несравненно луч-
ше! «Ах, если бы он знал, что я навсегда рас-
сталась со своим голосом, только чтобы быть
возле него!»

Потом девушки стали танцевать под звуки чу-
деснейшей музыки; тут и русалочка подняла
свои белые прекрасные руки, встала на цыпочки
и понеслась в лёгком, воздушном танце; так не
танцевал ещё никто!

Каждое движение подчёркивало её красоту, а
глаза её говорили сердцу больше, чем пение ра-
бынь.

Все были в восхищении, особенно принц; он
назвал русалочку своим найдёнышем, а русалоч-
ка всё танцевала и танцевала, хотя каждый раз,
как ноги её касались земли, ей было так боль-
но, будто она ступала по острым ножам. Принц
сказал, что она всегда должна быть возле него,
и ей было позволено спать на бархатной подуш-
ке перед дверями его комнаты.

Он велел сшить ей мужской костюм, чтобы
она могла сопровождать его верхом. Они ездил-
ли по благоухающим лесам, где в свежей лист-
ве пели птицы, а зелёные ветви касались её
плеч. Они взбирались на высокие горы, и хотя
из её ног сочилась кровь и все видели это, она
смеялась и продолжала следовать за принцем на

самые вершины; там они любовались на облака, плывшие у их ног, точно стаи птиц, улетающих в чужие страны.

А ночью во дворце у принца, когда все спали, русалочка спускалась по мраморной лестнице, ставила пылающие, как в огне, ноги в холодную воду и думала о родном доме и о дне морском.

Раз ночью всплыли из воды рука об руку её сёстры и запели печальную песню; она кивнула им, они узнали её и рассказали ей, как огорчила она их всех. С тех пор они навещали её каждую ночь, а один раз она увидела вдали даже свою старую бабушку, которая уже много лет не подымалась из воды, и самого царя морского с

коронай на голове, они простирали к ней руки, но не смели подплыть к земле так близко, как сёстры.

День ото дня принц привязывался к русалочке всё сильнее и сильнее, но он любил её только как милое, доброе дитя, сделать же её своей женой и принцессой ему и в голову не приходило, а между тем ей надо было стать его женой, иначе, если бы он отдал своё сердце и руку другой, она стала бы пеной морской.

«Любишь ли ты меня больше всех на свете?» — казалось, спрашивали глаза русалочки, когда принц обнимал её и целовал в лоб.

— Да, я люблю тебя! — говорил принц. — У тебя доброе сердце, ты предана мне больше всех и похожа на молодую девушку, которую я видел однажды и, верно, больше уж не увижу! Я плыл на корабле, корабль затонул, волны выбросили меня на берег вблизи какого-то храма, где служат Богу молодые девушки; самая младшая из них нашла меня на берегу и спасла мне жизнь; я видел её всего два раза, но только её одну в целом мире мог бы я полюбить! Ты похожа на неё и почти вытеснила из моего сердца её образ. Она принадлежит к святому храму, и вот моя счастливая звезда послала мне тебя; никогда я не расстанусь с тобой!

«Увы! Он не знает, что это я спасла ему жизнь! — думала русалочка. — Я вынесла его из волн морских на берег и положила в роще, возле храма, а сама спряталась в морской пене и

смотрела, не придёт ли кто-нибудь к нему на помощь. Я видела эту красивую девушку, которую он любит больше, чем меня! — И русалочка глубоко вздыхала, плакать она не могла. — Но та девушка принадлежит храму, никогда не вернётся в мир, и они никогда не встретятся! Я же нахожусь возле него, вижу его каждый день, могу ухаживать за ним, любить его, отдать за него жизнь!»

Но вот стали поговаривать, что принц женится на прелестной дочери соседнего короля и потому снаряжает свой великолепный корабль в плавание. Принц поедет к соседнему королю как будто для того, чтобы ознакомиться с его страной, а на самом-то деле, чтобы увидеть принцессу; с ним едет большая свита. Русалочка на все эти речи только покачивала головой и смеялась — она ведь лучше всех знала мысли принца.

— Я должен ехать! — говорил он ей. — Мне надо посмотреть прекрасную принцессу; этого требуют мои родители, но они не станут принуждать меня жениться на ней, а я никогда не люблю её! Она ведь не похожа на ту красавицу, на которую похожа ты. Если уж мне придётся наконец избрать себе невесту, так я лучше выберу тебя, мой немой найдёныш с говорящими глазами.

И он целовал её в розовые губы, играл её длинными волосами и клал свою голову на её грудь, где билось сердце, жаждавшее человеческого счастья и любви.

— Ты ведь не боишься моря, моя немая крошка? — говорил он, когда они уже стояли на корабле, который должен был отвезти их в страну соседнего короля.

И принц стал рассказывать ей о бурях и о штиле, о диковинных рыбах, что живут в пучине, и о том, что видели там ныряльщики, а она только улыбалась, слушая его рассказы, — она-то лучше всех знала, что есть на дне морском.

В ясную лунную ночь, когда все, кроме рулевого, спали, она села у самого борта и стала смотреть в прозрачные волны, и ей показалось, что она видит отцовский дворец; старая бабушка в серебряной короне стояла на вышке и смотрела сквозь волнующиеся струи воды на киль корабля. Затем на поверхность моря всплыли её сёстры; они печально смотрели на неё и протягивали к ней свои белые руки, а она кивнула им головой, улыбнулась и хотела рассказать о том, как ей хорошо здесь, но тут к ней подошёл корабельный юнга, и сёстры нырнули в воду, а юнга подумал, что это мелькнула в волнах белая морская пена.

Наутро корабль вошёл в гавань нарядной столицы соседнего королевства. В городе зазвонили в колокола, с высоких башен раздались звуки рогов; на площадях стояли полки солдат с блестящими штыками и развевающимися знамёнами. Начались празднества, балы следовали за балами, но принцессы ещё не было — она воспитывалась где-то далеко в монастыре, куда её отдали учить-

ся всем королевским добродетелям. Наконец прибыла и она.

Русалочка жадно смотрела на неё и не могла не признать, что лица милее и прекраснее она ещё не видала. Кожа на лице принцессы была такая нежная, прозрачная, а из-за длинных тёмных ресниц улыбались синие кроткие глаза.

— Это ты! — сказал принц. — Ты спасла мне жизнь, когда я полумёртвый лежал на берегу моря!

И он крепко прижал к сердцу свою зардевшуюся невесту.

— Ах, я так счастлив! — сказал он русалочке. — То, о чём я не смел и мечтать, сбылось! Ты порадуешься моему счастью, ты ведь так любишь меня.

Русалочка поцеловала ему руку, а сердце её, казалось, вот-вот разорвётся от боли: его свадьба должна ведь убить её, превратить в пену морскую.

В тот же вечер принц с молодой женой должны были отплыть на родину принца; пушки палили, флаги развевались, на палубе был раскинут шатёр из золота и пурпура, устланный мягкими подушками; в шатре они должны были провести эту тихую, прохладную ночь.

Паруса надулись от ветра, корабль легко и плавно заскользил по волнам и понёсся в открытое море.

Как только смерклось, на корабле зажглись разноцветные фонарики, а матросы стали весело

плясать на палубе. Русалочка вспомнила, как она впервые поднялась на поверхность моря и увидела такое же веселье на корабле. И вот она понеслась в быстром воздушном танце, точно ласточка, преследуемая коршуном. Все были в восторге: никогда ещё не танцевала она так чудесно! Её нежные ножки резало как ножами, но этой боли она не чувствовала — сердцу её было ещё больнее. Она знала, что один лишь вечер осталось ей пробыть с тем, ради кого она оставила родных и отцовский дом, отдала свой чудный голос и терпела невыносимые мучения, о которых принц и не догадывался. Лишь одну ночь оставалось ей дышать одним воздухом с ним, видеть синее море и звёздное небо, а там наступит для неё вечная ночь, без мыслей, без сновидений.

Далеко за полночь продолжались на корабле танцы и музыка, и русалочка смеялась и танцевала со смертельной мукой на сердце; принц же целовал красавицу жену, а она играла его чёрными кудрями; наконец рука об руку они удалились в свой великолепный шатёр.

На корабле всё стихло, только рулевой остался у руля.

Русалочка оперлась о поручни и, повернувшись лицом к востоку, стала ждать первого луча солнца, который, она знала, должен был убить её. И вдруг она увидела, как из моря поднялись её сёстры, они были бледны, как и она, но их длинные роскошные волосы не развевались больше по ветру — они были обрезаны.

— Мы отдали наши волосы ведьме, чтобы она помогла нам избавить тебя от смерти! А она дала нам вот этот нож — видишь, какой он острый? Прежде чем взойдёт солнце, ты должна вонзить его в сердце принца, и когда тёплая кровь его брызнет тебе на ноги, они опять срастутся в рыбий хвост и ты опять станешь русалкой, спустишься к нам в море и проживёшь свои триста лет, прежде чем превратишься в солёную пену морскую. Но спеши! Или он, или ты — один из вас должен умереть до восхода солнца. Убей принца и вернись к нам! Поспеши. Видишь, на небе показалась красная полоска? Скоро взойдёт солнце, и ты умрёшь!

С этими словами они глубоко вздохнули и погрузились в море.

Русалочка приподняла пурпуровую занавесь шатра и увидела, что головка молодой жены покоится на груди принца. Русалочка наклонилась и поцеловала его в прекрасный лоб, посмотрела на небо, где разгоралась утренняя заря, потом посмотрела на острый нож и опять устремила взор на принца, который во сне произнёс имя своей жены — она одна была у него в мыслях! — и нож дрогнул в руках русалочки. Ещё минута — и она бросила его в волны, и они покраснели, как будто в том месте, где он упал, из моря выступили капли крови.

В последний раз взглянула она на принца полугасшим взором, бросилась с корабля в море и почувствовала, как тело её расплывается пеной.

Над морем поднялось солнце; лучи его любовно согревали мертвенно-холодную морскую пену, и русалочка не чувствовала смерти; она видела ясное солнце и какие-то прозрачные, чудные создания, сотнями реявшие над ней. Она видела сквозь них белые паруса корабля и розовые облака в небе; голос их звучал как музыка, но такая возвышенная, что человеческое ухо не расслышало бы её, так же как человеческие глаза не видели их самих. У них не было крыльев, но они носились в воздухе, лёгкие и прозрачные. Русалочка заметила, что и она стала такой же, оторвавшись от морской пены.

— К кому я иду? — спросила она, поднимаясь в воздухе, и её голос звучал такую же дивную музыкой.

— К дочерям воздуха! — ответили ей воздушные создания. — Мы летаем повсюду и всем стараемся приносить радость. В жарких странах, где люди гибнут от знойного, зачумлённого воздуха, мы навеваем прохладу. Мы распространяем в воздухе благоухание цветов и несём людям исцеление и отраду... Летим с нами в заоблачный мир! Там ты обретёшь любовь и счастье, каких не нашла на земле.

И русалочка протянула свои прозрачные руки к солнцу и в первый раз почувствовала у себя на глазах слёзы.

На корабле за это время всё опять пришло в движение, и русалочка увидела, как принц с

молодой женой ищут её. Печально смотрели они на волнующуюся морскую пену, точно знали, что русалочка бросилась в волны. Невидимая, поцеловала русалочка красавицу в лоб, улыбнулась принцу и вознеслась вместе с другими детьми воздуха к розовым облакам, плававшим в небе.

- 1** Можно ли сказать, что сказка Г.-Х. Андерсена о любви? Выскажи своё мнение.
- 2** Почему русалочка решила проститься со своей подводной жизнью и стать человеком? Виноват ли кто-нибудь в том, что её мечты не сбылись? Объясни свою точку зрения.
- 3** Как ты относишься к героине? А как автор относится к ней? Почему? Приведи примеры из текста.
- 4** Самостоятельно составь рассказ о русалочке по плану: где жила русалочка, какой она была, какая история с ней произошла, как я отношусь к её поступку.
- 5** Раздели текст на части, составь план. Запиши его в «Рабочую тетрадь».
- 6** Найди в библиотеке книгу сказок Г.-Х. Андерсена. Какие другие произведения ты читал или хотел бы прочитать? Составь список. Запиши его в «Рабочую тетрадь».

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТОМА СОЙЕРА

Глава шестая

Том знакомится с Бекки
(В сокращении)

Дойдя до бревенчатого школьного домика, стоявшего поодаль от других, Том вошёл туда шагом человека, который торопится изо всех сил. Он повесил шляпу на гвоздь и с деловитым видом бойко прошмыгнул на своё место. Учитель, восседавший на кафедре в большом плетёном кресле, дремал, убаюканный сонным гудением класса. Появление Тома разбудило его.

— Томас Сойер!

Том знал, что, когда его имя произносят полностью, это предвещает какую-нибудь неприятность.

— Я здесь, сэр.

— Подойдите ближе. По обыкновению, вы опять опоздали? Почему?

Том хотел было соврать, чтобы избавиться от наказания, но тут увидел две длинные золотистых косы и спину, которую он узнал мгновенно благодаря притягательной силе любви. Единственное свободное место во всём классе было рядом с этой девочкой. Не задумываясь ни на миг, он сказал:

— Я остановился на минуту поговорить с Гекльберри Финном!

Учителя чуть не хватил удар, он растерянно взирал на Тома. Гудение в классе прекратилось. Ученики подумывали, уж не рехнулся ли этот отчаянный малый. Учитель переспросил:

— Вы... Что вы сделали?

— Остановился поговорить с Гекльберри Финном.

Никакой ошибки быть не могло.

— Томас Соьер, это самое поразительное признание, какое я только слышал. Одной линейки мало за такой проступок. Снимите вашу куртку.

Рука учителя трудилась до полного изнеможения, пока не изломались все прутья. После чего был отдан приказ:

— А теперь, сэръ, ступайте и сядьте с девочками. Пусть это будет для вас уроком.

Смешок, волной промчавшийся по классу, казалось, смутил Тома; на самом же деле это было не смущение, а почтительная робость перед новым божеством и страх, смешанный с радостью, которую сулила такая необыкновенная удача. Он сел на самый конец сосновой скамьи, а девочка, вздёгнув носик, отодвинулась от него подальше. Все кругом шептались, подталкивали друг друга и перемигивались; однако Том сидел смирно, положив руки перед собой на длинную низкую парту и, по-видимому, с головой уйдя в книгу.

Мало-помалу на него перестали смотреть, и привычное школьное жужжанье опять воцарилось в сонном воздухе. Том начал украдкой

поглядывать на девочку. Она это заметила, презрительно поджала губы и на минуту даже повернулась к Тому спиной. Когда же она опять осторожно обернулась, перед ней очутился персик. Она его отодвинула. Том тихонько подвинул персик обратно. Она опять его оттолкнула, но уже не так враждебно. Том, не теряя терпения, положил персик на старое место. Она его не тронула. Том нацарапал на грифельной доске: «Пожалуйста, возьмите — у меня есть ещё». Девочка посмотрела на доску, но ничего не ответила. Тогда Том принялся рисовать что-то на доске, прикрывая своё произведение левой рукой. Сначала девочка не хотела ничего замечать, потом женское любопытство взяло верх, что можно было заметить по некоторым признакам. Том по-прежнему рисовал, как будто ничего не видя. Девочка попробовала исподтишка взглянуть на рисунок, но он ничем не показал, что замечает это. Наконец она сдалась и нерешительно шепнула:

— Можно мне посмотреть?

Том приоткрыл карикатурный домик с двумя коньками на крыше и трубой, из которой дым выходил штопором. Девочка так увлеклась рисованием Тома, что забыла обо всём на свете. После того как рисунок был окончен, она посмотрела на него с минуту и сказала:

— Как хорошо! А теперь нарисуйте человечка.

Художник изобразил перед домом человечка, похожего на подъёмный кран. Он мог бы пере-

шагнуть через дом, но девочка судила не слишком строго — она осталась очень довольна этим страшилищем и прошептала:

— Какой красивый! А теперь нарисуйте меня.

Том нарисовал песочные часы, увенчанные полной луной, приделал к ним ручки и ножки в виде соломинок и вооружил растопыренные пальцы огромным веером. Девочка сказала:

— Ах, как хорошо! Жалко, что я не умею рисовать.

— Это легко, — прошептал Том, — я вас научу.

— Правда, научите? А когда?

— В большую перемену. Вы пойдёте домой обедать?

— Я могу остаться, если хотите.

— Вот это здорово! А как вас зовут?

— Бекки Тэтчер. А вас? Ах, я знаю: Томас Сойер.

— Это когда меня хотят выдрать. А если я хорошо себя веду — Том. Зовите меня Том, ладно?

— Ну что ж.

Том принялся царапать что-то на доске, закрывая написанное от Бекки. На этот раз она, не стесняясь, попросила показать, что это такое. Том ответил:

— Да так, ничего особенного.

— Нет, покажите.

— Да не стоит. Вам будет неинтересно.

— Нет, интересно. Покажите, пожалуйста.

— Вы про меня расскажете.

— Нет, не расскажу. Ну вот вам честное-пречестное, ну самое честное, что не расскажу.

— Никому-никому не скажете? Никогда, до самой смерти?

— Никому на свете. А теперь показывайте.

— Да вам же, право, неинтересно!

— Ну, если вы так со мной обращаетесь, то я сама посмотрю.

Она схватила своей маленькой ручкой руку Тома, последовала небольшая борьба, причём Том делал вид, будто сопротивляется, а сам мало-помалу отодвигал свою руку, пока не показались слова: «Я вас люблю!»

— А, какой вы противный! — И она проворно шлёпнула Тома по руке, но всё-таки покраснела, и вообще было видно, что она очень довольна.

В эту минуту мальчик почувствовал, как чья-то сильная рука медленно и неуклонно сжимает его ухо и тянет кверху и вперёд. Таким порядком его провели через весь класс и водворили на старое место, под перекрёстным огнём хихиканья. После этого учитель простоял над ним несколько тягостных мгновений, наконец отошёл прочь, к своему трону, так и не сказав ни слова. И хотя ухо Тома горело, сердце его было полно ликования.

После того как в классе всё утихло, Том сделал честную попытку учить уроки, но был для этого слишком взволнован. Когда дошла до него очередь отвечать вслух, он опозорился, потом,

отвечая по географии, превращал озёра в горные хребты, хребты в реки и реки в материки, так что на земле снова водворился хаос; потом, когда писали диктант, он наделал ошибок в самых простых словах, известных всякому младенцу, оказался на последнем месте, и оловянная медаль за правописание, которую он носил всем напоказ несколько месяцев подряд, перешла к другому ученику.

- 1** Какие детали убеждают тебя в том, что действие в произведении Твена происходило много лет назад и в другой стране? Что тебя удивило, заинтересовало? Почему?
- 2** Как Том сумел обратить на себя внимание Бекки Тэтчер?
- 3** Какое впечатление сложилось у тебя о Томе? Что ты думаешь о Бекки? Почему?
- 4** Рассмотрите иллюстрацию в учебнике. Какими изобразил детей художник? А какими представляешь их ты? Опиши.
- 5** Как автор относится к Тому?
- 6** О чём произведение Марка Твена? Как бы ты его озаглавил? Обсудите с другом.
- 7** Какие названия придумали твои одноклассники? Какое ты считаешь самым удачным? Почему?
- 8** Перескажи текст от лица Тома.

СВЯТАЯ НОЧЬ

Когда мне было пять лет, меня постигло большое горе. Я не знаю, испытала ли я впоследствии горе большее, чем тогда.

У меня умерла бабушка. До того времени она каждый день сидела на угловом диване в своей комнате и рассказывала чудные вещи.

Я не помню бабушку иной, как сидящей на своём диване и рассказывающей с утра до ночи нам, детям, притаившимся и смиренно сидящим возле неё; мы боялись проронить хоть слово из рассказов бабушки. Это была очаровательная жизнь! Не было детей более счастливых, чем мы.

Я смутно помню образ бабушки. Помню, что у неё были прекрасные, белые, как мел, волосы, что была она очень сгорблена и постоянно вязала свой чулок.

Ещё помню, что, когда бабушка кончала рассказ, она клала свою руку мне на голову и говорила:

«И всё это такая же правда, как то, что я тебя вижу, а ты меня».

Помню, что бабушка умела петь красивые песни; но пела их бабушка не каждый день. В одной из этих песен говорилось о каком-то рыцаре и морской деве, к этой песне был припев:

«Как холодно веет ветер, как холодно веет ветер по широкому морю».

Вспоминаю я маленькую молитву, которой научила меня бабушка, и стихи псалма.

О всех рассказах бабушки сохранилось у меня лишь слабое, неясное воспоминание. Только один из них помню я так хорошо, что могу рассказать. Это маленький рассказ о Рождестве Христовом.

Вот почти всё, что у меня сохранилось в памяти о бабушке; но лучше всего я помню горе, которое меня охватило, когда она умерла.

Я помню то утро, когда угловой диван остался пустым, и было невозможно себе представить, как провести длинный день. Это помню я хорошо и никогда не забуду.

Нас, детей, привели, чтобы проститься с умершей. Нам было страшно поцеловать мёртвую руку; но кто-то сказал нам, что последний раз мы можем поблагодарить бабушку за все радости, которые она нам доставляла.

Помню, как ушли сказания и песни из нашего дома, заколоченные в длинный чёрный гроб, и никогда не вернулись.

Помню, как что-то исчезло из жизни. Будто закрылась дверь в прекрасный волшебный мир, доступ в который нам был до того совершенно свободен. С тех пор не стало никого, кто смог бы снова открыть эту дверь.

Помню, что пришлось нам, детям, учиться играть в куклы и другие игрушки, как играют все дети, и постепенно мы научились и привыкли к ним. Могло показаться, что заменили

нам новые забавы бабушку, что забыли мы её.

Но и сегодня, через сорок лет, в то время, как разбираю я сказания о Христе, собранные и слышанные мною в далёкой чужой стране, в моей памяти живо встаёт маленький рассказ о Рождестве Христовом, слышанный мной от бабушки. И мне приятно ещё раз его рассказать.

Это было в Рождественский сочельник. Все уехали в церковь, кроме бабушки и меня. Я думаю, что мы вдвоём были одни во всём доме; только мы с бабушкой не смогли поехать со всеми, потому что она была слишком стара, а я слишком мала. Обе мы были огорчены, что не услышим рождественских песнопений и не увидим священных огней.

Когда уселись мы, одинокие, на бабушкином диване, бабушка начала рассказывать:

«Однажды глубокой ночью человек пошёл искать огня. Он ходил от одного дома к другому и стучался.

— Добрые люди, помогите мне! — говорил он. — Дайте мне горячих углей, чтобы развести огонь: мне нужно согреть только что родившегося Младенца и Его Мать.

Ночь была глубокая, все люди спали, и никто ему не отвечал.

Человек шёл всё дальше и дальше. Наконец увидел он вдали огонёк. Он направился к нему

и увидел, что это костёр. Множество белых овец лежало вокруг костра; овцы спали, их сторожил старый пастух.

Человек, искавший огня, подошёл к стаду; три огромные собаки, лежавшие у ног пастуха, вскочили, заслыша чужие шаги; они раскрыли свои широкие пасти, как будто хотели лаять, но звук лая не нарушил ночной тишины. Человек увидел, как шерсть поднялась на спинах собак, как засверкали в темноте острые зубы ослепительной белизны, и собаки бросились на него. Одна из них схватила его за ногу, другая — за руку, третья вцепилась ему в горло; но зубы и челюсти не слушались собак, они не смогли укусить незнакомца и не причинили ему ни малейшего вреда.

Человек хотел подойти к костру, чтобы взять огня. Но овцы лежали так близко одна к другой, что спины их соприкасались, и он не мог дальше идти вперёд. Тогда человек взобрался на спины животных и пошёл по ним к огню. И ни одна овца не проснулась и не пошевелилась».

До сих пор я, не перебивая, слушала рассказ бабушки, но тут я не могла удержаться, чтобы не спросить.

— Почему не пошевелились овцы? — спросила я бабушку.

— Это ты узнаешь немного погодя, — ответила бабушка и продолжала рассказ:

«Когда человек подошёл к огню, заметил его пастух. Это был старый, угрюмый человек, кото-

рый был жесток и суров ко всем людям. Завидя чужого человека, он схватил длинную остроко-
нечную палку, которой гонял своё стадо, и с
силой бросил её в незнакомца. Палка полетела
прямо на человека, но, не коснувшись его, по-
вернулась в сторону и упала где-то далеко в
поле».

В этом месте я снова перебила бабушку:

— Бабушка, почему палка не ударила челове-
ка? — спросила я; но бабушка мне ничего не от-
ветила и продолжала свой рассказ.

«Человек подошёл к пастуху и сказал ему:

— Добрый друг! Помоги мне, дай мне немно-
го огня. Только что родился Младенец; мне на-
до развести огонь, чтобы согреть Малютку и Его
Мать.

Пастух охотнее всего отказал бы незнакомцу.
Но когда он вспомнил, что собаки не смогли
укусить этого человека, что овцы не разбежались
перед ним и палка не попала в него, как будто
не захотела ему повредить, пастуху стало жутко
и он не осмелился отказать незнакомцу в его
просьбе.

— Возьми, сколько тебе надо, — сказал он че-
ловеку.

Но огонь уже почти потух. Сучья и ветки дав-
но сгорели, оставались лишь кроваво-красные
уголья, и человек с заботой и недоумением ду-
мал о том, в чём донести ему горячие уголья.

Замечая затруднение незнакомца, пастух ещё
раз повторил ему:

— Возьми, сколько тебе надо!

Он со злорадством думал, что человек не сможет взять огня. Но незнакомец нагнулся, голыми руками достал из пепла горячих углей и положил их в край своего плаща. И угля не только не обожгли ему руки, когда он их доставал, но не прожгли и плаща, и незнакомец пошёл спокойно назад, как будто нёс в плаще не горячие угля, а орехи или яблоки».

Тут снова не могла я удержаться, чтобы не спросить:

— Бабушка! Почему не обожгли угля человека и не прожгли ему плащ?

— Ты скоро это узнаешь, — ответила бабушка и стала рассказывать дальше.

«Старый, угрюмый, злой пастух был поражён всем, что пришлось ему увидеть».

— Что это за ночь, — спрашивал он сам себя, — в которую собаки не кусают, овцы не пугаются, палка не ударяет и огонь не жжёт?

Он окликнул незнакомца и спросил его:

— Что сегодня за чудесная ночь? И почему животные и предметы оказывают тебе милосердие?

— Я не могу тебе этого сказать, если ты сам не увидишь, — ответил незнакомец и пошёл своей дорогой, торопясь развести огонь, чтобы согреть Мать и Младенца.

Но пастух не хотел терять его из вида, пока не узнает, что всё это значит. Он встал и пошёл за незнакомцем и дошёл до его жилища.

Тут увидел пастух, что человек этот жил не в доме и даже не в хижине, а в пещере под скалой; стены пещеры были голы, из камня, и от них шёл сильный холод. Тут лежали Мать и Дитя.

Хотя пастух был чёрствым, суровым человеком, но ему стало жаль невинного Младенца, Который мог замёрзнуть в каменистой пещере, и старик решил помочь Ему. Он снял с плеч мешок, развязал его, вынул мягкую, тёплую, пушистую овечью шкурку и передал её незнакомцу, чтобы завернуть в неё Младенца.

Но в тот же миг, когда показал пастух, что и он может быть милосердным, открылись у него глаза и уши, и он увидел то, чего раньше не мог видеть, и услышал то, чего раньше не мог слышать.

Он увидел, что пещеру окружают множество ангелов с серебряными крыльями и в белоснежных одеждах. Все они держат в руках арфы и громко поют, славословя родившегося в эту ночь Спасителя мира, Который освободит людей от греха и смерти.

Тогда понял пастух, почему все животные и предметы в эту ночь были так добры и милосердны, что не хотели никому причинить вреда.

Ангелы были всюду; они окружали Младенца, сидели на горе, парили под небесами. Всюду было ликование и веселье, пение и музыка; тёмная ночь сверкала теперь множеством небесных огней, светилась ярким светом, исходившим от

ослепительных одежд ангелов. И всё это увидел и услышал пастух в ту чудесную ночь и так был рад, что открылись глаза и уши его, что упал на колени и благодарил Бога».

Тут бабушка вздохнула и сказала:

— То, что увидел тогда пастух, могли бы и мы увидеть, потому что ангелы каждую Рождественскую ночь летают над землёю и славословят Спасителя, но если бы мы были достойны этого.

И бабушка положила свою руку мне на голову и сказала:

— Заметь себе, что всё это такая же правда, как то, что я тебя вижу, а ты меня. Ни свечи, ни лампы, ни солнце, ни луна не помогут человеку: только чистое сердце открывает очи, которыми может человек наслаждаться лицезрением красоты небесной.

- Чем оказалась смерть бабушки для маленькой девочки? Как она вспоминала свою бабушку?
- Какое сердце можно назвать чистым? Объясни свою точку зрения.
-   Обсудите с другом, о чём история, которую рассказала бабушка. Чему она хотела научить свою внучку?
-   Какое впечатление произвела на девочку рождественская история? Запиши свои мысли в «Рабочую тетрадь».

В НАЗАРЕТЕ

Однажды, когда Иисусу было всего пять лет, Он сидел на крылечке своего дома в Назарете и лепил из мягкой глины, которую дал Ему сосед-горшечник, птичек-кукушек.

Мальчик был весел и радостен, как, кажется, ещё никогда. Все дети в околотке не раз говорили Иисусу, что горшечник — суровый и злой человек, что ни ласковыми взглядами, ни сладкими речами нельзя размягчить сердце старика, — и мальчик не решался попросить у него кусочка глины. Но сегодня — мальчик и сам не знает, как это случилось, — Он пришёл к дому горшечника, и в то время, когда Иисус стоял на пороге дома горшечника и даже не успел ещё сказать ни одного слова, а только смотрел, как работает горшечник, и очень хотел получить хоть кусочек глины, — старик вдруг молча встал, вышел из лавки и дал мальчику столько глины, что из неё можно было бы вылепить целый жбан для вина.

На ступеньках соседнего дома сидел Иуда. Это был чрезвычайно уродливый ребёнок с рыжими жёсткими волосами; лицо его вечно было в синяках и царапинах, а платье изорвано от ежедневных драк, в которых он постоянно участвовал со всеми уличными мальчишками. Но сейчас Иуда сидел тихо и трудился над той же работой, что и Иисус, — лепил из глины.

Однако глину он не сам раздобыл: Иуда не посмел бы и на глаза показаться горшечнику, который подозревал, что злой мальчик исподтишка забавлялся тем, что бросал камни в хрупкую посуду, над которой трудился горшечник, и разбивал её на мелкие куски. Горшечник давно был зол на Иуду и с удовольствием побил бы его своей длинной палкой, если бы представился случай. Глиной поделился с Иудой Иисус.

По мере того как оба мальчика изготавливали своих глиняных кукушек, они расставляли птиц по земле в кружок перед собой. Глиняные птички выглядели точно так же, как выглядели во все времена и выглядят и теперь, когда их изготавливают маленькие художники. У каждой птицы была одна толстая, в виде тумбочки, нога, на которой она стояла, коротенький хвостик, никакой шеи и едва заметные крылышки.

Но, как это часто случается, вскоре же сказалась большая разница в работе обоих мальчиков. Иудины птички были все так кривобоки, что всё время падали и никак не могли стоять; как ни трудился Иуда, стараясь своими неловкими, жёсткими пальцами придать птицам правильную форму, ему это никак не удавалось, и птицы выходили одна уродливее другой. Иуда украдкой посматривал в сторону Иисуса, чтобы уловить, как Он делает, что Его птички получаются такие ровные, гладкие, как листья на дубах горы Фавор.

Чем больше изготовлял Иисус птичек, тем становился веселее; с каждой новой кукушкой радость всё ярче заливала Его приветливое личико. Мальчик находил своих птичек прекрасными и с гордостью и любовью оглядывал их.

Эти птички будут товарищами Его игр, они заменят Ему маленьких братьев и сестёр; они будут спать с Ним, в Его постельке, будут с Ним разговаривать, петь Ему свои песни, когда Иисус будет оставаться один. Никогда ещё мальчик не чувствовал себя таким богатым, никогда больше не будет Он скучать в одиночестве, когда Мать уйдёт на работу.

Мимо маленького художника проходил рослый водонос, согнувшись под своей тяжёлой ношей, а за ним следом проехал верхом продавец зелени; он смешно возвышался на спине своего осла среди огромных пустых корзин. Водонос остановился, чтобы передохнуть, он положил свою руку на белокурую головку Иисуса и стал расспрашивать о Его птичках. Мальчик с радостью рассказывал ему, что у каждой птички будет своё имя и все они будут петь. Все эти птички прилетели к Нему из далёких чужих стран, и каждая рассказывает Иисусу о том, что видела и слышала, такие чудесные вещи! Так говорил Иисус о том, что рассказывают Ему птички, что и водонос и зеленщик забыли о своих делах и долго стояли и слушали Его.

Когда водонос взвалил на спину свой мех с водой, а зеленщик был готов двинуться в путь, Иисус крикнул им:

— Посмотрите же, каких хорошеньких птичек сделал Иуда!

Зеленщик придержал осла и ласково обратился к Иуде, спрашивая его, есть ли и у его птичек имена и умеют ли они петь. Но Иуда ничего не ответил ему, упрямо молчал, не поднимая глаз от работы, и раздосадованный зеленщик толкнул ногой одну из его кукушек и поехал дальше.

Прошёл день, и солнце стало так низко, что лучи его проникали сквозь узкие городские ворота, украшенные гордым римским орлом; эти ворота находились в конце улицы. Солнечные лучи к концу дня стали совсем красными и окрашивали в пурпур всё, что попадалось им по пути в узкой улице Назарета. Они одинаково окрасили и посуду горшечника, и доски плотника, и белый платок на голове Марии.

Но прекраснее всего сверкали кровавым блеском лучи заходящего солнца в двух маленьких лужицах, оставшихся от недавнего дождя между камнями мостовой.

Иисус быстро опустил руку в лужицу, которая была к Нему ближе: Ему вдруг пришла в голову мысль окрасить солнечным пурпуровым лучом, который придал всему кругом такой прекрасный живой цвет, своих серых птичек.

И солнечный луч был счастлив, что мальчик заметил его, и охотно дал поймать себя маленьким ручкам Иисуса; а когда мальчик стал красить им, как обыкновенной краской, своих птичек, луч спокойно и послушно покрыл всё тело птички, от головы до хвостика, и глиняная серая

птичка вдруг засверкала алым румянцем, как алмазное сияние.

Иуда не переставая поглядывал на Иисуса, чтобы следить, как подвигается Его работа и лучше ли Его птички; он вскрикнул от удивления, когда увидел, как Иисус красит своих птичек солнечным лучом, который достаёт из лужицы. И Иуда опустил руку в другую лужицу, чтобы тоже поймать солнечный луч.

Но луч не дался ему. Он проскользнул сквозь пальцы Иуды, и как тот ни старался сжимать пальцы, чтобы удержать его, луч всё равно ускользал; мальчик не мог добыть ни капли краски, чтобы расцветить своих бедных птичек.

— Подожди, Иуда, — сказал Иисус, — Я приду и покрашу твоих птичек.

— Нет, — злобно ответил Иуда, — Ты не смеешь их тронуть. Они хороши такими, какие есть.

Он вскочил, мрачно нахмутив лоб и крепко стиснув губы. В бессильной злобе Иуда наступал своей большой ступнёй на своих птичек и передал все их, одну за другой, превратив в бесформенные жалкие комочки глины.

Когда Иуда покончил со своими птицами, он подошёл к Иисусу. Мальчик сидел, любуясь своими глиняными птичками, сверкавшими теперь как драгоценности. Иуда посмотрел на прелестных птичек, молча поднял ногу и раздавил одну из них.

Увидя маленький серый комочек вместо яркой птички, Иуда пришёл в дикую радость и стал

громко хохотать. Он занёс ногу, чтобы снова раздавить следующую птичку.

— Иуда! — воскликнул Иисус. — Что ты делаешь? Разве ты не знаешь, что они живые и могут петь?

Но Иуда не переставал смеяться и раздавил ногой ещё одну птичку.

Иисус беспомощно оглянулся. Иуда был большого роста, и у Иисуса не хватило бы сил его удержать. Мальчик стал взглядом искать свою Мать, — Она была недалеко, но всё-таки не успела бы прийти и помешать Иуде раздавить всех птиц. Слёзы выступили на глазах Иисуса.

Иуда раздавил уже четырёх Его птичек, оставалось только три.

Иисус с горем смотрел на своих птичек: почему они так беспомощно стоят и покорно дают топтать себя, разве они не видят опасности?

Мальчик стал ударять в ладоши и громко закричал, как бы желая разбудить птиц:

— Летите, летите же!

И птички, все три, тотчас расправили крылышки и робко вспорхнули: через мгновение они уже сидели на краю крыши, где были в безопасности.

Когда Иуда увидел, что глиняные птицы по слову Иисуса расправили крылья и улетели, он начал громко плакать и рвать на себе волосы и одежды; он видел, что так делают взрослые, когда у них великое горе или страх, и бросился к ногам Иисуса.

Он лежал, как собака, в пыли, стонал и обнимал ноги Иисуса и умолял раздавить его ногой так, как он, Иуда, раздавил птичек.

Иуда любил Иисуса и обожал Его, поклонялся Ему и в то же время ненавидел.

Мария не переставала издали следить за игрой детей; Она теперь подошла к ним, подняла Иуду, посадила к себе на колени и стала ласкать.

— Бедное дитя! — говорила Она. — Ты не знаешь, что ты дерзнул на то, что не под силу никому на земле. Никогда больше не думай вступать с Ним в борьбу, если не хочешь стать несчастнейшим из людей. Кто может равняться с Тем, Кто раскрашивает, как краской, солнечным лучом и Кто может в мёртвую глину вдохнуть дыхание жизни?

- 1** Как трудились Иисус и Иуда? Из-за чего Иуда разозлился?
- 2** Обсудите с другом, почему Иуда сначала раздавил глиняных птичек, а потом бросился к ногам Иисуса. Любил ли Иисус Иуду?
- 3** Как ты понимаешь слова Марии? Можно ли сказать, что в них выражена основная мысль рассказа? Объясни.
- 4** Что необычного в истории об Иисусе и Иуде? Какие выводы ты можешь сделать для себя из этой истории?

ПРОВЕРИМ СЕБЯ

И ОЦЕНИМ СВОИ ДОСТИЖЕНИЯ

1. Какими произведениями ты бы дополнил раздел «Зарубежная литература»? Объясни свой выбор.
2. Назови героя, который тебе запомнился. Чем он тебе понравился? Как его характеризуют поступки? Подумай, какими качествами характера писатель наделил своего героя? И как он к нему относится? Расскажи о герое, используя авторские слова и выражения.
3. Какое произведение произвело на тебя самое большое впечатление? Обсуди с другом.
4. Рассмотрите иллюстрации. Определи, к каким сказкам они сделаны. Перескажи сказку, которая тебе особенно запомнилась.

5. Составь рассказ о творчестве Г.-Х. Андерсена. Используй материал из учебника и энциклопедии.

СЛОВАРИК

- с. 29 **Патѐнт** — документ, дающий изобретателю исключительное право на изобретение.
- с. 53 **Ботфóрты** — высокие кавалерийские сапоги с расширенным голенищем.
- с. 55 **Симфоническая** — от слова «симфóния» — большое музыкальное произведение для оркестра.
- с. 63 **Золоту́шный** — здесь: больной, внешне похожий на больного золотухой.
- с. 68 **Де́бри** — места, заросшие непроходимым лесом.
- с. 71 **Опосты́леть** — надоесть.
- с. 77 **Сáйма** — рыбацкая стоянка.
- с. 116 **Яр** — здесь: глубокий заросший овраг.
- с. 117 **Свирѐлка** — свирѐль — дудка из дерева, тростника.
- с. 130 **Курга́н** — здесь: холм.
- с. 209 **Околóток** — здесь, устаревшее: окрестность.

- А. К. Толстой.** Илья Муромец
Тихая моя родина. Стихотворения отечественных поэтов XX века
- Саша Чёрный.** Серебряная ёлка
- К. Г. Паустовский.** Заячьи лапы. Похождения жука-носорога
- М. М. Зощенко.** Галоши и мороженое. Глупая история
- В. Ю. Драгунский.** На Садовой большое движение
- А. П. Платонов.** Солдат и царица. Волшебное кольцо
- М. М. Пришвин.** Курица на столбах
- В. П. Астафьев.** Весенний остров. Конь с розовой гривой
- Кир Булычёв.** Девочка с планеты Земля
- А. И. Солженицын.** Утёнок. Шарик. Костёр и муравьи
- С. А. Иванов.** Зимняя девочка
- С. Г. Георгиев.** Домик солнечного зайца
- Ганс Христиан Андерсен.** Улитка и розовый куст
- Марк Твен.** Дик Бейкер и его кот
- Сельма Лагерлёф.** Удивительное путешествие Нильса Хольгерссона по Швеции
- Джон Толкиен.** Фермер Джайлс из Хема. Кузнец из Большого Бутона
- Феликс Зальтен.** Бемби

СОДЕРЖАНИЕ

Делу время — потехе час

Евгений Львович Шварц

Сказка о потерянном времени 4

Виктор Юзефович Драгунский

Главные реки 17

Что любит Мишка 24

Виктор Владимирович Голявкин

Никакой я горчицы не ел 29

Проверим себя 35

Страна детства

Борис Степанович Житков

Как я ловил человечков 38

Константин Георгиевич Паустовский

Корзина с еловыми шишками 47

Михаил Михайлович Зощенко

Ёлка 59

Проверим себя 65

Поэтическая тетрадь

Валерий Яковлевич Брюсов

Опять сон 68

Детская	70
Сергей Александрович Есенин	
Бабушкины сказки	71
Марина Ивановна Цветаева	
Бежит тропинка с бугорка...	72
Наши царства	73
Проверим себя	74

Природа и мы

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк	
Приёмыш	76
Александр Иванович Куприн	
Барбос и Жулька	85
Михаил Михайлович Пришвин	
Выскочка	92
Евгений Иванович Чарушин	
Кабан	96
Виктор Петрович Астафьев	
Стрижонок Скрип	100
Проверим себя	111

Поэтическая тетрадь

Борис Леонидович Пастернак	
Золотая осень	114

Сергей Антонович Клычков	
Весна в лесу	116
Дмитрий Борисович Кедрин	
Бабье лето	118
Николай Михайлович Рубцов	
Сентябрь	119
Сергей Александрович Есенин	
Лебёдушка	120
Проверим себя	126

Родина

Иван Саввич Никитин	
Русь	128
Спиридон Дмитриевич Дрожжин	
Родине	133
Анатолий Владимирович Жигулин	
О, Родина! В неярком блеске... ..	138
Проверим себя	142

Страна Фантазия

Евгений Серафимович Велтистов	
Приключения Электроника	144
Кир Булычёв	
Путешествие Алисы	150
Проверим себя	158

Зарубежная литература

Джонатан Свифт

Путешествие Гулливера 160

Ганс Христиан Андерсен

Русалочка 167

Марк Твен

Приключения Тома Сойера 194

Сельма Лагерлёф

Святая ночь 201

В Назарете 209

Проверим себя 217

Словарик 218

Советуем прочитать 219

Учебное издание

Серия «Школа России»

Климанова Людмила Фёдоровна, **Горецкий** Всеслав Гаврилович,
Голованова Мария Владимировна,
Виноградская Людмила Андреевна, **Бойкина** Марина Викторовна

ЛИТЕРАТУРНОЕ ЧТЕНИЕ

4 класс

**Учебник для общеобразовательных
организаций в комплекте с аудиоприложением
на электронном носителе**

В двух частях

Часть 2

Центр начального образования

Редакция русского языка и литературного чтения

Руководитель Центра *М. К. Антошин*

Заведующий редакцией *О. В. Антонова*

Редакторы *Л. А. Виноградская, А. Е. Бойцова*

Ответственный за выпуск *А. Е. Бойцова*

Художественный редактор *А. В. Крикунов*

Художники *Р. Ж. Авотин, Н. Н. Кузнецова, А. М. Логинов,*

Л. Ф. Малышева, Г. А. Мацыгин, Ю. Ф. Николаев,

В. В. Перцов, И. И. Пчелко

Технический редактор *С. Н. Терехова*

Корректоры *Е. В. Барановская, Т. М. Федосеенко*

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор продукции ОК 005-93-953000.

Изд. лиц. Серия ИД № 05824 от 12.09.01. Подписано в печать 26.08.14.

Формат 70 × 90 1/16. Бумага офсетная.

Гарнитура PragmaticaCSanPin. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 9,28.

Доп. тираж 10 000 экз. Заказ № 1497.

Открытое акционерное общество «Издательство «Просвещение».

127521, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Отпечатано в филиале «Тверской полиграфический комбинат детской литературы»

ОАО «Издательство «Высшая школа».

170040, г. Тверь, проспект 50 лет Октября, д. 46.

Тел.: +7 (4822) 44-85-98. Факс: +7 (4822) 44-61-51.